LE MESSAGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

107

ПАРИЖ—НЬЮ-ЙОРК

№ 107 TRIMESTRIEL I - 1973

ВЕСТНИК Р.С.Х.Д. I - 1973 № 107

№ 107 I-1973

LE MESSAGER

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:
Франция: **К. А. Ельчанинов,** проф. прот. **Алексей Князев, И. В. Морозов.**
Америка: **Архиеп. Сильвестр Монреальский и всея Канады,** проф. прот. **Александр Шмеман,** проф. прот. **Иоанн Мейендорф, М. Гизетти, О. Раевская.**
Ответственный редактор: **Н. А. Струве.**
91, rue Olivier-de-Serres, Paris-15e. Tél.: 250-53-66

ВЕСТНИК Р.С.Х.Д.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ на	1973 г.
Во Франции	50 фр.
с целью поддержки	100 фр.
В Америке (Соед. Штаты, Канада)	13 долл.
Общая доставка авиапочтой	
с целью поддержки	25 долл.

Читатели внесшие подписную плату в 10 долларов будут продолжать получать **Вестник** по старому тарифу.

Abonnement annuel ..... **50 frs.**

Prix du numéro ..... **20 frs.**

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый счет РСХД:
C.C.P. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier-de-Serres, Paris-15e

Adresse de la Rédaction : Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier-de-Serres, Paris-15e. France

LE MESSAGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

107

ПАРИЖ—НЬЮ-ЙОРК

№ 107 TRIMESTRIEL I - 1973

© Copyright Le Messager. Paris 1973.

О БУДУЩЕМ ВСЕПРАВОСЛАВНОМ СОБОРЕ

За последние годы читатели *Вестника* ознакомились с разноречивыми мнениями богословов о предстоящем всеправославном Соборе. Мнения колеблются от полного отрицания целесообразности такого Собора в виду пленения большинства православных церквей (архим. Иустин Попович; в менее категорической форме, о. Иоанн Мейендорф) до пожеланий, чтобы все церковные общины включились бы в подготовку Собора (см. в настоящем номере статью О. Клемана).

Пусть читатели не удивляются этому разнобою мнений на страницах *Вестника*. Есть у *Вестника* незыблемые положения, которые составляют его raison d'être. Но по целому ряду жизненных вопросов, для которых нет единых и окончательных решений, *Вестник* хочет и должен быть журналом дискуссионным, трибуной разных мнений.

Увы, скептическое отношение к Собору легче обосновать, чем радужные надежды. Но Собор, несмотря на черепашьи темпы его подготовки, может и состояться, и было бы слишком легко целиком от него отмахиваться.

В виду исторической ситуации, следует рассматривать предстоящий собор не как „потенциальный" Вселенский Собор, способный равняться с великими Соборами давнего прошлого, или хотя бы со Вторым Ватиканским Собором, а как скромную попытку, на уровне всех православных церквей, решить несколько конкретных наболевших вопросов.

Подготовительные собрания пошли, по нашему мнению, по ложному пути: в предсоборную программу включены буквально все вероучительные и канонические вопросы. Такая программа тому ограниченному Собору, который может собраться, совершенно не под силу. Да и вряд ли

нужно заново обсуждать всю православную догматику. Не достаточно ли будет напомнить современному миру, ставшему на путь секуляризма и сведения христианства к чисто земному, а потому и ложному освобождению человека, об основных истинах Откровения?

Предсоборным же комиссиям необходимо нащупать возможны ли согласные решения по тем неотложным вопросам, перед которыми стоит Православие.

1. *Вопрос богослужебный.* Собор должен наметить каким путем раскрыть богатство православного богослужения и как бороться с накопившимися за последние века предрассудками, отделившими богослужение и таинства от народа.

2. *Вопрос епископата.* Отсутствие монастырей во многих Церквах требует возврата к древней практике „женатого" епископата (при, разумеется, строгих канонических правилах; не моложе 50 лет, например).

3. *Вопросы диаспоры.* Юрисдикционному сумбуру должен быть положен конец.

4. *Вопрос экуменизма.* При создавшемся смятении в экуменических понятиях и практике, необходимо выработать четкие принципы одинаково далекие как от горделивого самопревознесения и отчуждения, так и от дешевого релятивизма.

5. *Вопрос дохалкидонских Церквей.* Настал час полного единения с этими Церквами исповедующими ту же христологию, что и православные.

Эти пять насущных вопросов, о которых много было и будет еще написано в *Вестнике,* скорее канонического порядка, чем вероучительного. Они поставлены историей. Если Собор найдет им решение, он покажет, что современное Православие способно не только пассивно воспринимать историю, но и т в о р ч е с к и ее преодолевать.

Н. С.

Епископ ГЕОРГИЙ (Вагнер)

О ДУХЕ СВЯТОМ

Можно ли говорить о православной пневматологии (православном учении о Духе Святом) как о каком-то определенном и законченном учении, свойственном одному лишь богословию православного Востока? На этот вопрос трудно ответить просто, заранее готовым «да» или же «нет».

Православный Восток собственно не претендует на то, чтобы быть носителем какого-либо «особого» учения о Духе. Восток исповедует веру в Духа Святого словами древнего вселенского исповедания, зафиксированного в Символе веры Константинопольского Собора 381 года. И основной чертой всякого подлинно православного богословствования является его библейское и свято-отеческое вдохновение. Православная богословская работа предполагает прежде всего постоянную — и всегда новую — конфронтацию с божественным откровением, засвидетельствованном в Слове Писания, и непрерывный живой диалог с великими Отцами — свидетелями предания в Церкви. Православный богослов должен постоянно обращаться к Отцам и узнавать от них, как они понимают и толкуют данные откровения. Он должен стремиться к тому, чтобы богословствовать вместе с Отцами. И ввиду такой основной установки всякого православного богословствования кажется на первый взгляд мало вероятным, что могут нам здесь открыться какие-либо «особые» или принципиально «новые» пневматологические горизонты.

Но вместе с тем, внутри православной традиции довольно ясно выступают некоторые специальные темы, относящиеся к области пневматологии или близко соприкасающиеся к ней. Мы встречаемся здесь с определенными вопросами, на которые Восток дает ответ, не совпадающий с ответами западных конфессий.

Прежде всего надо, конечно, указать на вопрос относительно более точного определения места Святого Духа во внутренней жизни Святой Троицы, особенно на вопрос о взаимоотношениях между

Сыном или же Словом Божиим и Духом Святым внутри Святой Троицы (тема поставленная западным неправильным учением о « filioque »).

Но рядом с этим вопросом стоит второй вопрос — о месте Святого Духа, как источника освящения, в жизни Церкви, в Ее Таинствах, а преимущественно в Евхаристии (тема поставленная спором об «эпиклезе»).

А на третьем месте поднимается вопрос о гарантиях пребывания Святого Духа, как залога единства и свидетеля истины, в Церкви (тема «непогрешимости» Церкви).

Мы имеем основания считать, что эти три темы друг с другом внутренне связаны и сливаются в один общий вопрос о православной пневматологии.

Благодаря Духу Святому совершается встреча между Богом и тварью. Жизнь в Духе может поэтому — как это и делается в православном аскетическом предании, и часто с изумительной настойчивостью — считаться вообще целью и содержанием жизни христианской. Свято-отеческое богословие связывает со Святым Духом понятие τελείωσις («завершение») (1). Среди лиц Святой Троицы Дух Святый — «являющая и завершающая сила», ἡ ἐκφαντορική, τελεσιουργικὴ δύναμις (2). В повелении Воскресшего Христа крестить во имя Святой Троицы (Матф. 28,19) — а также и в Символе веры — имя Святого Духа стоит на третьем месте. В понимании древних Отцов эта последовательность (τάξις) имен отражает вечный порядок внутри-божественной жизни. В Духе, в лице Святого Духа, божественная жизнь достигает своей Троической полноты (3). И все решения Триипостасного Бога завершаются участием Святого Духа и актуализируются Его участием. Силою Духа творческая воля Божия создала в начале внебожественную реальность тварного мира. Силою Духа решения Божии и дальше действуют, «актуализируются», в этой внешней реальности. Действованием Духа Бог прикасается к тварному

---

(1) Св. Василий Вел., О Св. Духе, гл. 16 (**PG** 32, 136).

(2) Ср. у преп. Иоанна Дамаскина, Точное изложение православной веры I, 12 (**PG** 94, 849 A).

(3) Ср. у св. Василия, О Св. Духе, гл. 18 (**PG** 32, 152 A).

миру. Дух есть личный носитель божественных «энергий». Только лишь в «причастии» (или же «общении» — κοινωνία) Святаго Духа возможно участие твари в жизни Творца. И только «от Духа Свята» Слово могло стать плотью...

Очевидно, что такие высказывания о Святом Духе возможны и оправданы лишь внутри определенной тринитарной перспективы. Однако, в истории христианского богословия встречаются различные подходы к тайне Святой Троицы. При этом довольно часто наблюдается такое сокращение перспектив, что речь о действования Святого Духа лишается почти всякого «особого», определенного и точного смысла. Теряется библейское и свято-отеческое «видение» Духа как «завершающей силы»; а остается лишь неопределенная идея о каком-то «духе» какого-то «божества», воспринимаемого на самом деле не как Святая Троица, умопредставляемого унитарно, а не тринитарно.

Греческие Отцы любят своему видению Троической Тайны давать образное выражение, указывая на слова псалмопевца: «Словом Господним небеса утвердишася, и Духом уст Его — вся сила их» (Пс. 32,6). Дух — πνεῦμα — здесь понимается как живое дыхание из уст Бога Отца, как жизненное дыхание, которое сопровождает Слово уст Отчих и действует, чтобы Слово было услышано. По выражению св. Григория Нисского, которое повторяет преп. Иоанн Дамаскин, Дух «сопутствует Слову и выявляет Его действенность» — πνεῦμα... συμπαρομαρτοῦντῷ λόγῳ καὶ φανερουν αὐτοῦ τὴν ἐνέργειαν. (4).

Одно известное место из 4-ой главы послания св. апостола Павла к Галатам может нам дальше уяснить это видение Троической тайны: «Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего..., дабы нам получить усыновление. А как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче!» (Гал. 4,4-6). Текст этот говорит о двойном посланничестве и о двух лицах, посланных Отцом. И то и другое посланничество — и ниспослание Сына и ниспослание Духа — имеет свой источник в Отце. Но Отец — не только источник, Он вместе с тем и цель движения: «Дух в сердцах наших взывает к Отцу: Авва, Отче!» Посланничество Сына и посланничество Духа — а также и самые лица посланные Отцом — ясно отличаются друг

---

(4) Св. Григорий Нисский, Слово Огласительное, гл. 2 (**PG** 45, 17 B); преп. Иоанн Дамаскин, Точное изложение I, 7 (**PG** 94, 805 A/B).

от друга, но одновременно теснейшим образом связываются друг с другом, так что Дух называется «Духом Сына». Наш текст с одной стороны устанавливает известный параллелизм между посланничеством Сына и посланничеством Духа: Отец посылает Сына, а потом посылает Он Духа. А с другой стороны, второе посланничество здесь как бы описывается как некое прямолинейное продолжение первого.

Многие из богословов последних веков не хотят в подобных текстах видеть нечто большее, чем только лишь свидетельство об откровении Божием ad extra — в «икономии». Но такая экзегеза в конечном итоге рискует себя поставить вообще вне всякой тринитарной перспективы. А древние Отцы видели именно в «икономическом» откровении Троицы ad extra — известное отражение внутри-троической жизни, какова она сама в себе. Для них «икономический порядок откровения... как бы воспроизводит и отражает онтологический порядок Троической Жизни»...(5).

С темой двойного посланничества — Сына и Духа — мы встречаемся также и в Евангелии от Иоанна. Лица, посланные Отцом, именуются здесь «Логос» или «Сын» и «Дух» или «Параклит» (Утешитель), точнее: «другой Параклит»... «И Я умоляю Отца, и даст Вам другого Утешителя» (Иоанн. 14,16)... «Другим Параклитом» Дух называется по сравнению с Сыном. Это дает нам право говорить о двух Параклитах, посланных Отцом для осуществления Божьего домостроительства в мире. «Другой Параклит» продолжает дело, совершенное Сыном: Он прославляет Сына и Он свидетельствует о Сыне. Опять Сын и Дух являются в теснейшей взаимной связи: Отец — после Голгофы и Пасхи — пошлет Духа «во имя» Сына (Иоанн. 14,26); и Сын пошлет Духа «от Отца» (Иоанн. 15,26). Прославленный — через Крест и Воскресение — Логос Воплотившийся передаст Духа Своим ученикам (ср. Иоанн. 7, 37-39; 21, 22). Но — в собственном смысле — источником Духа все-же всегда остается Отец: «Когда же придет Утешитель, которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, который от Отца исходит» (Иоанн. 15,26)...

Такое же взаимоотношение между Отцом, Сыном и Духом засвидетельствовано и на иных страницах Священного Писания Нового Завета. «И Я пошлю обетование Отца Моего на вас»,

---

(5) Прот. Г. Флоровский, Византийские Отцы, Париж 1933, стр. 237 (по поводу богословия преп. Иоанна Дамаскина).

гласит обещание чуда Пятидесятницы в последней главе Евангелия от Луки (24,49). «Итак Он (Христос), ...приняв от Отца обетование Святаго Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите», говорится в самый день Пятидесятницы в проповеди апостола Петра (Деян. 2,33). Прославленный Христос передает ученикам дар Духа «от Отца». Слова Петра говорят о прославленном человечестве Христа, которое в своем прославлении стало — можно сказать — как бы прозрачным, переливающимся сосудом, откуда Дух в чуде Пятидесятницы переливается на Церковь. Говорится здесь, конечно, об откровении Троицы ad extra. Но откровение это не заслоняет собою, а именно «открывает» — в какой-то мере — и отражает тайны внутри-божественной жизни. Движение этой жизни, но и ее откровения ad extra, в «икономии», находят свое словесное отражение в классической формуле древних Отцов: От Отца — через Сына — в Духе.

Это движение — от Отца, через Сына, в Духе — определяет жизнь в Церкви. Действуют в мире два лица, посланные Отцом. Св. Григорий Богослов передает свидетельство Евангелия о совместном действовании Сына и Духа в кратких, выразительных формулах: «Христос рождается, Дух предваряет. Христос крещается, Дух свидетельствует. Христос искушается, Дух возводит Его. Христос совершает силы, Дух сопутствует. Христос возносится, Дух преемствует» (6). То, что мы видим во время земной жизни Христовой, раскрывается потом для нас в жизни Церкви. Пришествием «другого Утешителя» к ученикам Христовым в день Пятидесятницы актуализируется в мире «Церковь Божия во Христе». Это пришествие «другого Параклита» является событием, которое мы по своей значительности можем — хотя бы в какой-то мере — противопоставить решающему событию Воплощения Логоса.

Уже самое вступление наше в Церковь совершается неразрывным взаимодействием Сына и Духа — в двойном Тайнодействии Крещения и Миропомазания, этих двух первых Таинств, в православной традиции неразрывно друг с другом связанных. В Крещении действующим началом является Дух: Он делает нас членами Тела Христова. А в Миропомазании действует Христос, в которого мы Крещением облеклись (Гал. 3,27), сообщая нам печать Духа.

---

(6) Ср. 5-ю богословскую речь св. Григория Богослова (гл. 29; PG 36, 165 B).

Со дня Пятидесятницы Церковь является в двойном аспекте: как Тело Христово и как Невеста Христова, носительница Духа. В своем аспекте христологическом, как Тело Христово, Она является инструментом действования Самого Христа: Он действует и говорит через Нее; Она творит Его дело и говорит от Его имени. Но вместе с тем, в своем аспекте пневматологическом, как Невеста Христова, Она стоит перед Ним лицом к лицу: Ее лицо обращено к Нему и Он говорит с Ней; и в этой беседе Она отвечает Ему — как Невеста Жениху — своим «да», исповеданием Ее веры. Голос, чтобы отвечать, дан Ей благодаря действованию в Ней «другого Параклита», со дня Пятидесятницы присутствующего в Ней... «И Дух и Невеста говорят: Приди!... Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Апокал. 22,17.20)... Таким образом самое существование Церкви отражает как бы некий вечный диалог двух «Параклитов», определяется постоянным и неразрывным взаимодействием двух лиц Святой Троицы, посланных Отцом.

Движению Троического откровения — от Отца, через Сына, в Духе — отвечает в Церкви, в Тайне Ее существования как Тела Христова и носительницы Духа среди тварного мира, другое, обратное движение: в Духе — через Сына — к Отцу. Через Христа, говорит послание к Ефесянам (2,18), мы имеем в Едином Духе «доступ к Отцу».

Библейское и свято-отеческое видение тайны Святой Троицы подвергалось в 4-м веке сильной попытке перетолкования ее в духе некой спекулятивной системы космогонии. Арианство старалось придать классической формуле: от Отца, через Сына, в Духе — смысл метафизической субординации, «иерархического» подчинения Сына Отцу, а Духа Сыну, с постепенным уменьшением божественного достоинства от Отца к Сыну и от Сына к Духу. В строго арианской системе, например, Евномия, Сын выступает как «демиург», посредник при создании космоса. Демиург этот сам является тварью, но от других тварей отличается тем, что он один «непосредственно» сотворен Отцом, в то время как всякая другая тварь только лишь через его посредничество приходит в бытие. Среди этих остальных тварей первое место занимает «Дух», который, по Евномию, «самая первая и самая красивая» тварь, созданная Сыном, но тем не менее уже находится в непосредственной близости к сфере ангельских сил. В то время как

тринитарное учение Писания и Отцов возвещает тайну жизни непостижимого Бога, арианство хочет рассказать какой-то миф о космогонии, совершаемой якобы на степенях «иерархически» нисходящих от «Единого» Бога через «созданный» Логос к Духу и к ангелам и дальше к видимому миру.

Арианский кризис 4-го века имел почти необозримые последствия для дальнейшего развития христианского благочестия и богословия. Мы сегодня обыкновенно не сознаем достаточно значение этого кризиса. Восток и Запад ответили тогда на этот кризис единодушным исповеданием единосущия и равнобожественности Отца, Сына и Духа. Но — несмотря на это основное единство исповедания — богословское расхождение между Востоком и Западом восходит в своем корне именно к различию в образе реакции на арианский кризис. В тринитарной спекуляции Августина Запад нашел свой собственный ответ на вопрос, поставленный этим кризисом. Ответ этот не остался без случайных — впрочем, скорее, довольно поздних — влияний на восточное богословие; но как таковой он никогда не был принят восточной традицией и отличается сильно от ответа восточных Отцов.

Августиновская концепция исходит от созерцания Deus unus — единства в Боге, т. е. от понятия единой сущности, общей всем трем лицам Святой Троицы, а лишь потом переходит уже к созерцанию Deus trinus, т. е. трех лиц: Отца, Сына и Духа.

Для богословия Востока с его строгой апофатикой именно общая сущность Троических лиц пребывает вне границ всякого созерцания. Бог открывается нам не в Своей сущности, а в Своей жизни; открывается как Отец, Сын и Дух. И всякое созерцание Троической тайны должно исходить именно от фактов Его откровения. Единство Святой Троицы здесь созерцается прежде всего в лице Отца, в котором два другие лица имеют свой источник. И только лишь от умственного созерцания конкретной Троицы лиц: Отца, Сына и Духа — мысль наша переносится к единству общего всем трем, непостижимого божества.

Разница между двумя концепциями становится особенно ощутимой, когда ставится вопрос об откровении Троицы ad extra. «Действия Троицы неразделимы» (Inseperabilia sunt opera trinitatis) (7). Это августиновское изречение выражает некую основную богословскую истину, которая исповедуется и восточными Отцами. Но именно в том, как понимали эту истину на Востоке

(7) Блаж. Августин, Слово 213, 6,6 (**PL** 38, 1065).

и на Западе, вскрывается глубокое богословское расхождение. Восток, например, в лице св. Григория Нисского, занят вопросом, как в этом совместном и нераздельном действовании всех трех лиц божественных каждое лицо учавствует «по-своему», то есть: соответственно тому, что свойственно именно ему лично как Отцу, Сыну или Духу, так что всякое божественное действие «имеет начало от Отца, через Сына цроисходит и завершается в Духе Святом». (8)

Латинская концепция, напротив, вызывает впечатление, что не Deus trinus, не Бог Троица, а именно Deus unus, единая сущность, является Тем, Кто действует и открывается. В схоластической теории об «аппроприациях» (appropriationes) концепция эта находит, наконец, свое самое острое выражение: Действует Deus unus; «приписывает» (аппроприирует) ли Священное Писание то или иное конкретное действие Сыну или Духу или же всем трем лицам Святой Троицы, — это считается просто каким-то — по-существу мало-значущим — вопросом чисто словесной формулировки, чисто словесного «номинализма». Только одно Воплощение свойственно одному лишь Второму Лицу Троицы. А можно ли — в строгом смысле — говорить еще о каком-то «особом» — «не-аппроприированном» — обитании Третьего Лица, то есть: Святого Духа, в Церкви или в душах верующих, — это считается в лучшем случае преблематичным. (9) Место для события Пятидесятницы при таких богословских предпосылках остается неясным.Дух Святой здесь воспринимается не как «являющая и завершающая сила».

И действительно, уже у самого Августина внутри-троическая жизнь как-то заключается в некий замкнутый круг или — чтобы употребить другой словесный образ — в некий треугольник, в себе замкнутый. И именно Духу Святому придается роль того лица, которое замыкает этот круг (или же треугольник): в августиновской концепции Он как Третье Лицо является связью взаимной любви — vinculum amoris — между Отцом и Сыном. На этой основе впоследствии развивается спор о «filioque». Востоку была всегда чужда эта августиновская концепция Духа как связи взаимной любви, которая внутренне заключает Троическую жизнь в замкнутый круг. «Мы не говорим, что Дух от Сына, но назы-

---

(8) Св. Григорий Нисский, "О том, что нет у нас трех богов" (PG 45, 125 C).

(9) См. учебники римско-католической догматики, напр., Ludwig Ott, Grundriss der katholischen Dogmatik, Freiburg 1952, p. 299.

ваем Его Духом Сына»... Так выражает преп. Иоанн Дамаскин ответ Востока на западный «filioque». (10) Отвержение «filioque» означает implicite, что в «видении» Востока жизнь Святой Троицы не замкнута в себе, а «открыта», чтобы «открываться» нам в пришествии Духа.

Этот — не всегда вполне осознанный — факт имеет большое значение для раскрытия православного богословия Таинств и православного учения о Церкви. Спор об «эпиклезе» здесь чрезвычайно показателен: Там, где западная схоластика средних веков видит одного лишь священника, повторяющего «in persona Christi» Слова Христовы, восточная Литургия молится еще о личном пришествии Бога Духа Святаго. «Ибо», как говорит св. Кирилл Иерусалимский, «всё, к чему прикасается Дух Святый, то (этим самым) освящается и прелагается». (11) Восточная Церковь не довольствуется при освящении Евхаристических Даров одним лишь повторением Слов, сказанных Христом на Тайной Вечери,но — после повторения этих Слов — молится еще о пришествии Духа, дабы Он Своим пришествием сделал Дары тем, о чем Слова Христовы говорят. «Ибо», говорит преп. Иоанн Дамаскин, «как Бог всё, что Он сотворил, создал силою Духа Святаго, так Он и теперь Силою Духа Святаго совершает то, что превосходит естество и одной только верой постигается» (12).

Вера в живое присутствие Духа определяет также и православный ответ на западную проблематику «непогрешимости» Церкви. Мы верим в обещание, что Дух истины пребудет среди учеников Христовых «вовек» (Иоанн. 14,16). И верим, что обетование это относится к Церкви — организму, живущему в истории и с необходимостью отличающемуся определенным иерархическим порядком и строем. Но уже — хотя бы поверхностное — знакомство с церковной историей учит нас быть крайне осторожными, если мы ищем какой-либо непременной, «юридической» гарантии действия Духа, которая была бы действительной «ex sese» при любых обстоятельствах. А в конечном итоге даже и рецепция Вселенских Соборов не может происходить без живого свидетельства Духа в Церкви. «Имеющий ухо, да слышит, что Дух говорит Церквам» (Апокал. 2,7)...

---

(10) Преп. Иоанн Дамаскин, Точное Изложение I, 8 (PG 94, 832/833).

(11) Св. Кирилл Иерусалимский, 5-ое тайноводственное оглашение, 7 (PG 33, 1116 A).

(12) Преп. Иоанн Дамаскин, Точное Изложение IV, 13 (PG 94, 1141 A).

Пневматологический вопрос, симптомом которого является спор о «filioque», стоит между Востоком и Западом по крайней мере со дней преп. Иоанна Дамаскина. Ставится этот вопрос и в наши дни (13). И не снимается он всякими «иреническими» попытками уменьшить его значение. Но он также и не поддается попыткам его разрешить при помощи одних лишь силлогизмов схоластической полемики прошлых веков, рассматривавшей вопрос о «filioque» почти всегда изолировано от его связи с жизнью Церкви и с богословием в целом. А вопрос этот, как вопрос о Духе, именно касается таинственных основ самой жизни Церкви. И разрешиться этот вопрос может лишь внутри перспектив того целостного «видения» тайн богословия, которое было дано великим Отцам — духоносным свидетелям Предания в Церкви, и в молитвенном обращении к Тому, который в чуде Пятидесятницы пришел на эту землю, к «Духу истины, который от Отца исходит».

---

(13) См. напр. журнал «ISTINA», № 3-4 за 1972 г., почти целиком посвященный вопросу о «filioque». Этот довольно объемистый том ставит целый ряд частных вопросов, требующих тщательного обсуждения и ответа.

Прот. А. ШМЕМАН

ТАИНСТВО СОБРАНИЯ

«Когда вы собираетесь в Церковь»..
(I Кор. II,18).

I.

«Когда вы собираетесь в церковь» — пишет ап. Павел Коринфянам и для него, как и для всего раннего христианства, слова эти относятся, конечно не к храму, а к природе и цели собрания. Само слово церковь — ἐκκλεσία — означает, как известно, собрание. «Собраться в церковь», по этому, в понятиях раннего христианства, значит составить такое собрание, цель которого — выявить, осуществить Церковь. Это собрание евхаристическое, на нем, как его завершение и исполнение, совершается «вечерня Господня», евхарическое «преломление хлеба», в том же послании ап. Павел упрекает Коринфян, которые «собираются так, что это не значит вкушать вечерню Господню» (II, 20). С самого начала, таким образом, очевидно и бесспорно это триединство — собрания, Евхаристии, Церкви, — и о нем, вслед за ап. Павлом, единогласно свидетельствует все раннее предание Церкви. В раскрытии его смысла и состоит основная задача литургического богословия.

Задача эта тем более насущная, что самоочевидное для ранней церкви, триединство это перестало быть самоочевидным для современного церковного сознания. В том богословии, которое принято называть «школьным» и которое возникло, после обрыва отеческой традиции, преимущественно из западного понимания как метода, так и самой природы богословия, о связи собрания, Евхаристии и Церкви вообще не упоминается. Евхаристия рассматривается, как одно из таинств, но не как «таинство собрания», согласно определению его в пятом веке автором Ареопагитик. Можно без преувеличения сказать, что в этой новой догматике экклезиологический смысл о значении Евхаристии просто игнорируется, как забыто в ней и евхаристическое «измерение» экклезиологии, т. е. учение о Церкви. Подробнее об этом разрыве между богословами и Евхаристией и о трагических последствиях этого разрыва для церковного сознания, мы будем говорить во вто-

*) Глава из книги о **Литургии.**

рой части этой работы. Но отметим сразу, что память об Евхаристии как «таинстве собрания» выветрилось постепенно также и из благочестия. Учебники литургики относят, правда, Евхаристию к «общественному богослужению» и служится Литургия преимущественно при «стечении молящихся». Но это «стечение молящихся», т. е. собрание, перестало восприниматься как первичная «форма» Евхаристии, а в Евхаристии перестали видеть и ощущать первичную «форму» Церкви. Литургическое благочестие стало предельно индивидуалистическим, о чем красноречивее всего свидетельствует современная практика причащения, подчиненная до конца индивидуальным духовным «нуждам» отдельных верующих и которую никто, ни духовенство, ни миряне, не воспринимают в духе евхаристической молитвы Св. Василия Великого: «нас же всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу...». Таким образом, и в благочестии совершилась постепенно своеобразная «редукция» Евхаристии, сужение ее первоначального смысла и места в жизни Церкви. И с преодоления этой редукции, с возвращения к исконному пониманию Евхаристии, как «таинства собрания» и потому «таинства Церкви» и должно, следовательно, начать объяснения о ее литургическом богословии.

Здесь, прежде всего, нужно указать, что обе эти «редукции» Евхаристии — и в богословии и в благочестии — находятся в открытом противоречии с самим чином Евхаристии, каким его с самого начала хранит Церковь. Под «чином» мы разумеем здесь не те или иные подробности обрядов и текстов, которые очевидно развивались, менялись и усложнялись на протяжении почти двухтысячной истории Церкви, а тот основной строй или структуру Евхаристии, ту ее Shape, по выражению Dom Gregory Dix, которая, как это теперь уже окончательно доказано литургической наукой, восходит к апостольской первооснове христианского богослужения. Мне уже приходилось указывать, что основной порок школьного богословия в том и состоит, что в своей трактовке таинств, оно исходит не из живого опыта Церкви, не из конкретного литургического предания, каким оно хранится Церковью, а из собственных априорных и отвлеченных категорий и определений, с реальностью церковной жизни совсем не всегда согласованных. Раньше Церковь твердо знала, что «закон веры» (lex credenti) и «закон молитвы» (lex orandi) неотделимы один от другого и взаимно друг друга обосновывают, так что, по словам св. Иринея Лионского «учение наше согласно с Евхаристией, а

Евхаристия подтверждает учение». Но богословие, построенное по западным образцам, совсем не интересуется богослужением, как оно совершается Церковью, его собственной логикой и «чином». Исходя из своих отвлеченных предпосылок, оно a priori решает, что в том или ином «важно», а что второстепенно, причем «второстепенным», т. е. не представляющим богословского интереса, оказывается, в конечном итоге, именно само богослужение во всей его сложности и «многообразии», т. е. как раз, чем, по настоящему, и живет Церковь. Из богослужения искусственно выделяются важные «моменты», на которых и сосредоточивается всё внимание богослова. Так, в Евхаристии это «момент» преложения Св. Даров и, затем, причащение, в Крещении — это «троекратное погружение», в браке — «тайносовершительная формула»: «славой и честью венчай их» и т. д. Мыслящему в этих категориях богослову не приходит в голову что «важность», т. е. смысл этих «моментов», неотрываемы от литургического контекста, который один по настоящему выявляет их подлинное содержание а, следовательно, и смысл. Отсюда поразительная бедность и односторонность объяснения таинств и самого подхода к ним в наших школьных догматиках. Отсюда сужение и такая же односторонность литургического благочестия; ибо, не питаемое и не направляемое, как при Св. Отцах, «литургической катехезой», т. е. подлинным богословским объяснением, оно оказывается во власти всевозможных символических и аллегорических истолкований богослужения, своеобразного литургического «фольклора». Поэтому — и я уже писал об этом, первый принцип литургического богословия состоит в том, чтобы, при объяснении литургического предания Церкви, исходить не из отвлеченных и чисто интеллектуальных схем, наброшенных на богослужения, а из самого богослужения, и это значит, в первую очередь, и его ч и н а.

II.

Всякое мало мальски серьезное и вдумчивое изучение евхаристического чина не может не убедить нас в том, что чин этот весь, от начала до конца, построен на принципе соотносительности, т. е. зависимости друг от друга, служений предстоятеля и народа. Еще точнее связь эту можно определить, как сослужение, как и сделал это в своей замечательной, и по настоящему еще не оцененной, работе «Трапеза Господня» покойный о. Ни-

колай Афанасьев. Правда, в школьном богословии и порожденном им, литургическом благочестии, идея эта не играет никакой роли и фактически даже отрицается. Слово «сослужение» относится тут только к духовенству, участвующему в службе, участие же в ней мирян мыслится всецело пассивным, о чем свидетельствуют, например, печатающиеся в некоторых молитвословах «молитвы при Божественной литургии», предназначенные специально для мирян, составители их считали, повидимому, самоочевидным, что евхристические молитвы, как таковые, суть удел одного лишь духовенства; еще печальнее то что духовные цензоры, десятилетиями эти молитвы одобрявшие, держались, очевидно, того же мнения. Даже в грамотных и благонамеренных учебниках Литургики (как, например, «Евхаристия» архим. Киприана Керна) при перечислении условий, необходимых для совершения Литургии, упоминается обычно все от законно рукоположенного иерея до качеств вина — кроме «собрания Церкви», не считающегося, по всей видимости, существенным признаком Литургии. Но каковы ни были многочисленные искажения, к которым мы еще вернемся, им не удалось сколько нибудь существенно исказить основной чин Евхаристии. Он остается, вне всякого сомнения, чином собрания и сослужения Церкви Божией.

Все ранние памятники согласно свидетельствуют, что собрание всегда считалось первым и основным актом Евхаристии. На это указывает и древнейшее литургическое наименование совершителя Евхаристии: п р е д с т о я т е л ь, προισταμενος, первая функция которого именно и состоит в возглавлении собрания, в том, чтобы быть «предстоятелем братий». Иными словами собрание есть первый литургический акт Евхаристии, ее основа и начало. Поэтому, в отличие от современной практики, собрание, в древности, п р е д ш е с т в у е т входу предстоятеля. «Церковь — пишет Св. Иоанн Златоуст — есть общий для всех нас дом и вы предваряете нас, когда мы входим... Поэтому сразу после мы приветствуем вас преподанием мира». Более подробно о месте и значении в х о д а в чине Евхаристии мы будем говорить в связи с т. наз. «малым входом». Но уже сейчас необходимо сказать о нашей теперешней практике, согласно которой все начало литургии — вход священнослужителей, облачение их в священные одежды, умовение рук и, наконец, приготовление даров, не только стало как бы «частным делом» одного лишь духовенства, но и выделилось даже в особый «чин священныя литургии» со своим отдельным «отпустом». Практику эту хотя она формально

и узаконена служебником, нужно рассматривать в свете другой, более древней — но тоже дошедшей до нас практики архиерейского служения Евхаристии. Когда литургию служит Епископ — налицо и встреча архиерея в собрании и облачение его посредине собравшихся и не-вхождение в алтарь до м а л о г о в х о д а и, наконец, как бы повторное совершение им проскомидии перед самым моментом приношения, т. е. нашим теперешним «великим входом». Неверно думать, что все это возникло просто из особой «торжественности», свойственной архиерейской службе и против которой раздаются иногда голоса ревнителей «первохристианской простоты». Как раз наоборот: архиерейская служба гораздо полнее сохранила, не в деталях, конечно, а в основном, и форму и дух ранней евхаристической практики и сохранила потому, что в раннюю эпоху христианства Епископ, как известно, был обычным предстоятелем евхаристического собрания. И только много позднее, когда началось превращение местной Церкви-общины в административный округ (епархию) и распад ее на множество «приходов» иерей из экстраординарного совершителя Евхаристии, (замещающего Епископа) превратился в обычного. На становление нашей теперешней — иерейной — практики большое влияние оказало развитие и усложнение византийского обряда проскомидии, которого не знала ранняя Церковь. Об этом развитии мы будем говорить в своем месте. Здесь достаточно указать, что в ранней Церкви приготовление даров было служением не священников, а диаконов, «оформлявших» т. ск. приношение народа. Поэтому предстоятелю не было нужды «входить» в святилище до общего входа, что и остается в силе в современном архиерейском чине. Только тогда, когда это приуготовление — «проскомидия» — разрослась в сложное символическое священнодействие (а окончательный свой вид византийская проскомидия приобрела не ранее XII-го века) и от диакона перешло к священнику, неизбежным стал, осбенно при наличии одного священника, особый вход духовенства в алтарь до Литургии. Тем более примечательно, однако, что все это сложное развитие не затмило изначальной связи Евхаристии с собранием а в каком то смысле даже оттеняет его. Во первых, существование проскомидии в качестве «чина» отдельного от самой Литургии подчеркивает, что сама Литургия продолжает мыслиться как самостоятельная служба и, в отличие от проскомидии, как именно «общее дело» Церкви. Во вторых же и в русской и греческой практике проскомидия совершается обычно во время другой службы: чтения часов у русских, утрени у

греков, что опять таки предполагает собрание верующих, а не одного только духовенства. Таким образом, с точки зрения литургического богословия именно архиерейский чин входа в собрание можно считать более «нормативным», иерейский же, возникший «в силу обстоятельств», хотя практически, возможно, и неизбежным, но ни в коей мере не отменяющим значение с о б р а н и я, как действительно, н а ч а л а: первого и основоположного акта Евхаристии.

III.

Соотносительность служений предстоятеля и народа, их сослужение, выражается далее в д и а л о г и ч е с к о й структуре всех, без исключения, евхаристических молитв. Каждую из них собрание «запечатывает» словом А м и н ь, одним из ключевых слов христианского богослужения, связывающим в одно органическое целое предстоятеля и возглавляемый им народ Божий. Каждая из них (за исключением одной — «молитвы иерея о себе», читаемой во время Херувимской и о которой мы будем говорить на своем месте) приносится от имени н а с, т. е. личного местоимения множественного числа; каждая из составных частей евхаристического чина: чтение Слова Божия, возношение, причащение — начинается с взаимного преподания мира: — «Мир всем — И духови Твоему...» И, наконец, все молитвы своим содержанием имеют н а ш у хвалу, н а ш е раскаяние, н а ш е благодарение, н а ш е причащение, а своей целью — «соединение всех нас друг ко другу во единого Духа причастие».

То же самое можно сказать и об о б р я д а х Евхаристии: все они в той или иной мере выражают не только единство предстоятеля и народа, но и их «синэргию» — сотрудничество, сослужение в буквальном смысле этого слова. Так чтение Слова Божия и изъяснение его в проповеди, составляющие, по единогласному свидетельству решительно всех памятников, содержание первой части евхаристического чина, самоочевидно предполагают слушающих и принимающих учение. Приношение даров, т. е. просфоры, несмотря на все усложнения византийской проскомидии, остается по существу «служением» народа, что выражается либо приготовлением хлеба верующими, либо приношением ими к жертвеннику своих «просфор». Перенесение проскомидии в алтарь и возникновение в нем особого «жертвенника» не уничтожило изначальной практики приношения даров на собрания, от народа,

что и совершается в теперешнем «великом входе». «Целование мира», хотя оно и совершается ныне одним духовенством, по смыслу возгласа «Возлюбим друг друга...» относится ко всему собранию, как и конечный возглас «С миром изыдем...»

Все это тем более заслуживает внимания, что византийский обряд Литургии систематически развивался в сторону все большего отделения «мирян» от «духовенства», «молящихся» от «служащих». Византийское литургическое благочестие, как я уже старался показать в другой моей книге и как это блестяще раскрыто о. Н. Афанасьевым — все сильнее подпало под влияние «мистериального» восприятия богослужения, построенного на противоположении «посвященных» — «непосвященным». И вот, влияние это оказалось бессильным коренным образом видоизменить изначальный ч и н Евхаристии, все еще каждым словом и действием выражающий именно сослужение всех друг другу, каждого на своем месте и в своем служении, в едином священнодействии Церкви. Другое дело, что первый, прямой и непосредственный смысл этих слов и действий перестал доходить до сознания как духовенства, так и мирян, и что в сознании этом возникла своеобразная раздвоенность между «данными» самого богослужения и их истолкованием; что, в результате этой раздвоенности, родились и бурно разрослись всевозможные «символические» объяснения самых простых слов и действий, с прямым смыслом часто почти не связанные. О причинах и последствиях этого нового и «номиналистического» литургического благочестия, увы, почти безраздельно царящего в Церкви, мы уже говорили и будем еще говорить. Остается то, что ему не удалось ни затмить, ни извратить до неузнаваемости действительно с о б о р н о г о характера Евхаристии, оторвать ее от Церкви и, следовательно, от с о б р а н и я. Даже самый наглядный и, по всей вероятности, самый печальный результат этого нового литургического «благочестия» — фактически отлучение мирян от причастия, переставшего вытекать из их у ч а с т и я в Литургии и потом ставшего для них чем то исключительным, — не смогло ничего против прямого свидетельства самого евхаристического чина: «Пиите от нея в с и...» — «Нас же в с е х, от единого Хлеба и Чаши причащающихся...» — «Со страхом Божиим и верою приступите...» «Прости приимше святых, пречистых... Тайн...» все это тексты, призывы, слова относящиеся без сомнения ко всему собранию, а не к отдельным и единичным его участникам. Как правильно пишет о. Н. Афанасьев: — «если отбросить все то, что было привнесено

в нашу литургическую жизнь, особенно в течение последних столетий, то между нею и древней практикой Церкви нет особо значительных расхождений. Основной дефект нашей литургической жизни заключается в том, что мы придаем бóльшее значение случайно и неслучайно пришедшим особенностям наших литургических чинов, чем их сущности. Основные принципы учения об Евхаристии выступают в них достаточно ясно. Природа Евхаристии сохранилась в них незатронутой...» Поэтому — «наша очередная задача заключается не столько в том, чтобы произвести некоторые перемены нашей литургической жизни, сколько в том, чтобы осознать подлинную природу Евхаристии».

IV.

И, наконец, ту же идею с о б р а н и я и с о с л у ж е н и я выражает и воплощает собою место и помещение, в которых совершается Евхаристия — т. е. х р а м. Учебники литургики много и подробно говорят о храме, его устройстве, о «символическом» значении тех или иных его подробностей, но в этих описаниях и определениях почти начисто отсутствует упоминание самоочевидной связи христианского храма с идеей с о б р а н и я, а это значит с соборным характером Евхаристии. Нам незачем повторять здесь всего сказанного нами в другом месте о сложном развитии храма и «храмового благочестия» на православном Востоке. Достаточно напомнить, что первоначальный христианский храм, это, прежде всего domus ecclesiae, место собрания Церкви и евхаристического преломления хлеба. В этой подчиненности идее собрания и новизна христианского храма и принцип его развития. Каковы бы ни были сложности этого развития, каково бы ни было влияние на него того, что мы назвали «мистериологическим» благочестием, именно идея собрания и Евхаристии оказалась объединяющим и направляющим фактором. Как вначале — в первохристианскую эпоху, так и сейчас, в своих лучших — византийских или русских — воплощениях храм переживается и ощущается как с о б о р, как собрание воедино — во Христе неба и земли и всей твари, в чем и состоят сущность и назначение Церкви... Об этом свидетельствует и форма храма и иконопись. Форма храма, т. е. храм, как «организация пространства» выражает, по существу, ту же соотносительность, ту же «диалогическую структуру», которые, как мы видели, определяют собою чин евхаристического собрания. Тут эта соотносительность престола и алтаря, с одной стороны, «корабля» Церкви, т. е. места собра-

ния, с другой. Корабль направлен к престолу, в нем имеет свою цель и завершение. Но и престол «сопряжен» с кораблем, существует по отношению к нему. Правда, в теперешнем литургическом благочестии алтарь ощущается, как некое самодовлеющее святилище, доступное одним лишь «посвященным», как сугубо священное пространство, своей «сакральностью» как бы подчеркивающее «профанность» остающихся вне его предела мирян. Однако не трудно показать, что ощущение это сравнительно новое, ложное, и, главное, глубоко вредное для Церкви. Оно является одним из главных питательных источников того, предельно чуждого Православию, «клерикализма», который низводит мирян в положение каких то «лишенцев», определяемых, прежде всего, отрицательно, как «не имеющих права» туда то входить, то то трогать, в том то участвовать. У нас создался, увы, тип священника, который в постоянной «защите» святыни от соприкосновения с мирянами, с «непосвященными», видит почти сущность священства и находит в ней своеобразное, почти сладострастное, удовлетворение. Но, повторяю, такое ощущение алтаря и новое и ложное. Оно, конечно, во многом зависит от соответствующего ему понимания иконостаса, как, прежде всего, стены, отделяющей святилище (алтарь) от мирян и полагающей непроходимую между ними преграду. Между тем, как это ни странно покажется большинству православных сегодня, возник иконостас из буквально противоположных причин: не как «отделение», а как «соединение»; ибо, икона есть свидетельство или, лучше сказать, следствие совершившегося соединения Божьего и человеческого, небесного и земного, она есть всегда, по существу, икона Боговоплощения. Поэтому и иконостас возник сначала из переживания храма, как «неба на земле», как свидетельство о том, что «приблизилось к нам Царствие Божие». Как и вся иконопись в храме, он есть как бы воплощенное видение Церкви как с о б о р а, как единство мира видимого и невидимого, как присутствия и явления новой и преображенной твари. Трагедия в том, что произошел длительный обрыв в подлинной традиции православной иконописи, почти совсем выветривший из церковного сознания всю ту же «соотносительность» иконы и храма. Наши храмы теперь не расписываются иконами, а либо «завешиваются» множеством икон, часто не имеющих к целому, т. е. к храму, никакого отношения, либо же «декорируются» всевозможными «петушками». в которых опять таки детали всегда доминируют над целым и в которых икона становится «деталью» какого то декоратив-

ного ансамбля. Другой стороной той-же трагедии было постепенное перерождение сначала форм, а затем и смысла иконостаса. Из «чина» т. е. порядка и строя икон, естественно, нуждавшихся в подставках, (т. е. в «stasis'ах»), он превратился в стену, украшенную иконами, т. е. в обратное своей первоначальной функции. Если сначала иконы требовали подобия стены, то теперь стена требует икон и т. о. изнутри как бы подчиняет их себе. Можно только надеяться, что пробуждающийся повсеместно интерес к подлинной иконописи и связанное с ним как понимание икон, так и самого иконописного искусства, приведет к возрождению подлинного значения иконописи в храме, к возврату к тому, что мы созерцаем в некоторых древних храмах: в них иконы как бы участвуют в собрании Церкви, выражают его смысл, дают ему его вечное движение и ритм: вместе со всеми этими «чинами» пророков, апостолов, мучеников и святителей вся Церковь, все собрание как бы восходит на небо туда, куда ее вечно возводит и возносит Христос: к Его трапезе, в Его Царство...

Здесь уместно также напомнить, что это новое ощущение алтаря и иконостаса ложно потому, что оно очевидно противоречит самому литургическому преданию Церкви. Это предание знает только освящение храма и престола, но не освящение алтаря, отдельно от «корабля». Весь храм помазывается, как и престол, Св. Миром, весь храм «запечатывается» т. о. как святилище и святое место. Далее очень показателен в том же — таком сложном, таком «византийском» — чине освящения храма, момент внесения Архиереем мощей в храм. Не у Царских врат алтаря, а у запертых наружных дверей храма возглашает Архиерей: «возмите врата князи ваша: кто есть Царь Славы. Господь сил той есть Царь Славы». Объясняя этот обряд Симеон Солунский (сам один из ярких представителей «мистериологического» истолкования богослужения) пишет: «...Мученики (во св. мощах) и сам Архиерей образуют Христа, а х р а м - н е б о... Архиерей же читает м о л и т в у в х о д а, призывая сослужителей и совходящих ангелов. И таким образом, знаменуя врата храма и отверзая их, священнослужители в храм, как бы на небо — входят как бы чрез великого Отца, свидетеля Иисуса Христова, при отверстии нам небесной скинии...». Совершенно ясно, что обряд этот сложился в ту эпоху, когда, как об этом свидетельствует и множество других памятников, Ц а р с к и м и в р а т а м и называли двери не алтаря, а самого храма и когда сам храм переживался и воспринимался как небо на земле, как место, в котором через евхари-

стическое собрание Церкви, «дверем затворенным» приходит Господь и с Ним и в Нем Его Царство... О значении престола в Евхаристии мы будем подробно говорить в связи с т. наз. «малым входом». Сказанного же сейчас достаточно, чтобы подчеркнуть не только изначальную и основную связь храма с собранием, но и сам смысл храма как именно с о б о р а, как в архитектурных формах, красках и образах воплощенное «собрание в Церковь...».

Литургия есть «таинство собрания». Христос пришел, «чтобы рассеянных чад Божиих собрать воедино» (Иоанн. II,52) и Евхаристия с самого начала всегда была явлением и осуществлением единства нового Народа Божия, собранного Христом и во Христе. Надо твердо знать и помнить: мы идем в храм не для индивидуальной молитвы, мы идем с о б р а т ь с я в Ц е р к о в ь и сам видимый храм есть только образ того нерукотворного храма, который он покрывает. Поэтому «собрание в Церковь» есть действительно первое литургическое действие, основание всей Литургии, и не поняв этого, нельзя понять и всего дальнейшего тайнодействия. И когда я говорю: «я иду в Церковь» — это значит — я иду в собрание верующих, чтобы с ними вместе составить Церковь, чтобы б ы т ь тем, чем я с т а л в день крещения, т. е. ч л е н о м — в полном и абсолютном смысле этого слова, членом Тела Христа («вы, — говорит Апостол — Тело Христово, а порознь члены» (I Кор. 12,27). Я иду явить и осуществить свое членство, явить и засвидетельствовать перед Богом и миром тайну Царства Божьего, уже «пришедшего в силе».

Оно пришло и приходит в силе — в Церкви. Вот тайна Церкви, тайна Тела Христова: «где два или три с о б р а н ы во имя Мое, там Я посреде их». И чудо церковного собрания в том, что оно не «сумма» грешных и недостойных людей, составляющих его, а Тело Христово. Как часто мы говорим, что мы идем в Церковь, чтобы от нее получить помощь, благодатную силу, утешение. Но мы забываем, что мы и есть Церковь, что мы ее составляем, что Христос пребывает в Своих Членах и что Церковь не вне нас, не над нами, а м ы в о Х р и с т е и Х р и с т о с в н а с. И не в том христианство, что оно каждому дает возможность «личного совершенствования», а в том, прежде всего, что христианам дано и заповедано быть Церковью — «народом святым, царским священством, родом избранным» (I Петр. 2,9), являть и исповедывать присутствие Христа и Его Царства в мире. И святость Церкви — не наша святость, а Христа, который воз-

любил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее... дабы она была свята и непорочна» (Еф. 5, 25-27) и святость святых есть только раскрытие и осуществление того освящения, той святости, которую каждый из нас получил в день крещения и возрастать в которой мы все призваны. Но мы не могли бы возрастать в ней, если бы уже не имели ее, как дар Божий, как присутствие Его в нас Духом Святым. Вот почему в древности все христиане назывались святыми и почему собрание Церкви есть святое собрание и собрание святых, как бы недостойны этой святости мы ни были. Не мы Его избрали, а Он нас избрал и освятил и дал нам составлять Тело Его, и потому «собрание в Церковь» есть наше служение, наш главный долг, мы посвящены в него и оно принадлежит нам, пока мы сами себя не отлучим от него. В древности, не участвовавший без причины в евхаристическом собрании отлучался от Церкви, ибо он сам себя отсек от органического единства Тела Христова, являемого в Литургии. Повторяем, Евхаристия есть не одно из таинств, не одно из богослужений, а явление Церкви во всей ее силе и святости и полноте, и только участвуя в ней мы можем возрастать в святости и исполнять все то, что заповедано нам... Собранная в Евхаристии Церковь, даже если она из «двух или трех» есть образ и осуществление Тела Христова и только потому собранные смогут «причаститься», т. е. принять участие, быть общниками Тела и Крови Христовых, что они являют Его своим собранием. Никто и никогда не мог бы приобщиться, никто никогда не был достоин и «достаточно» свят для этого, если бы не было это ему дано и заповедано в Церкви, в собрании, в том таинственном единстве, в котором мы, составляя тело Христово, можем неосужденно Бога назвать Отцом и быть участниками божественной жизни... Отсюда очевидным становится, до какой степени нарушает сущность Литургии современное «индивидуальное» вхождение в храм в любой момент Богослужения. Сохраняющий так свою «индивидуальность» и «свободу», не знает, не понял тайны Церкви, он не участвует в таинстве собрания, в этом вечном чуде воссоединения раздробленной и греховной природы человеческой в богочеловеческое единство Иисуса Христа.

VI.

Если собрание Церкви есть образ Тела Христова, то образ Главы Тела есть священник. Он предстоит в собрании и возглавляет его и именно это возглавление делает из «группы хри-

стиан» — собрание Церкви, имеющей всю полноту даров и являющей в полноте всю Церковь. Потому что, если священник, по человечеству, есть только один из собравшихся, самый, быть может грешный и недостойный, то — по дару Святого Духа, хранимому Церковью от Пятидесятницы и непрерывно передаваемому через возложение рук епископа, — он являет силу священства Христа, Который посвятил Себя за нас и есть единый священник Нового Завета: «и сей, поелику пребывает вечно, имеет и священство непреходящее» (Евр. 7,24). Как святость собрания есть святость не людей, составляющих его, а освящение Христово, так и священство священника не его, а Христово, данное Церкви, потому что она сама есть Тело Его, Христос не вне Церкви и никому не «делегировал» ни своей власти, ни силы, но Сам пребывает в Церкви и Св. Духом «исполняет» всю ее жизнь. Священник не «представитель» и не «заместитель» Христа, в таинстве — он Сам Христос, подобно тому как собрание — Тело Его. Возглавляя собрание, он в себе объединяет его и являет единство Церкви во Христе, единство всех ее членов. В этом единстве предстоятеля и собрания явлено богочеловечество Церкви — участие ее во Христе.

Поэтому облачение священника, даже если оно совершается, как в нашей теперешней практике, до Литургии, связано с собранием, ибо оно есть образ, — икона единства Христа и Церкви, нерасторжимого единства многих, составляющих одно... Белая одежда — подризник или стихарь — есть та крещальная одежда, которую каждый из нас получил в крещении, это одежда всех крещенных, одежда самой Церкви и, надевая ее, священник являет единство собрания, объединяет всех нас в себе. Епитрахиль — это образ принятия Спасителем нашей природы для ее спасения и обожения, знак того, что это священство Самого Христа. Также и поручи: руки священника, которыми он благословляет и священнодействует, уже не его руки — а «Десница Христа». Пояс — это всегда знак послушания, готовности, собранности, служения. Священник не сам, не «самозванно» восходит и поставляется «на высокие», но послан на это служение, он «не болий Господина своего», за которым следует и по благодати которого служит. И, наконец, фелонь или риза, — это слава Церкви, как творения Нового Завета, радость, правда и красота новой жизни, прообраз Царствия Божия и Царя, который воцарися и в лепоту облечеся»...

Облачение заканчивается о м о в е н и е м р у к: Евхаристия есть дело тех, которым прощены грехи и оставлены беззакония, кто примирен с Богом. Это служение нового человечества — «некогда непомилованного, а ныне помилованного» (Петр. 2,10). Мы входим в храм, мы собираемся в Церковь, мы облекаемся в одежды новой твари — таковы п е р в ы е д е й с т в и я «Таинства всех Таинств», Евхаристии.

Свящ. СЕРГИЙ ЖЕЛУДКОВ

ИЗ «ЛИТУРГИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК»*)

(Продолжение)*)

59.

Один выдающийся священник однажды высказал мнение, что следовало бы установить **разные чины Погребения:** один — для тех умерших, которые были постоянными посетителями храма, участвовали в литургической жизни Церкви; другой — для тех, кто был когда-то крещён, но в храм «не ходил», чье принесли только тело... Я думаю, что священник в данном случае совершенно неправ. Кто поставил нас так **судить?** При всем уважении к постоянным посетителям храма — нужно признать факт, что многие из нас в своей практической жизни бывают нисколько не более христиане, чем те, кто «не ходит». Обычно это — «мужики» (мужчины), о которых родные говорят, что он хоть и «не ходит», но святыню «предпочитает» (почитает) и религию в общем-то «не опровергат» (не опровергает)... Это — очень важная, но уже не литургическая тема.

Увы! Есть другая дифференциация чинов Погребения. В том же самом храме на Охте, где я видел некогда балансирующий гроб на скамейке (Заметка 50), недавно отпевали моего покойного друга. Вдова приняла меры — и всё получилось, по отзывам, довольно прилично. Отпевание было не «коллективное», гроб положили на драпированный стол, был парчевый покров, стояли светильники, пел хор... Всё это было устроено за специальные дорогие доплаты. А не хочешь доплачивать — так будь готов к церковному унижению, к какому-нибудь издевательскому «отпеванию», как выражаются холодные сапожники. И мы уже так привыкли к этой коммерческой дифференциации, что и вообразить не умеем — когда же наконец она прекратится.

---

*) См. **Вестник** №№ 103, 104-105 и 106.

60.

...Она подумала: «Как жаль все-таки, что его не отпевают по-церковному! Погребальный обряд так величав и торжествен. Большинство покойников недостойны его»...

В этой цитате из романа Б. Пастернака имеется в виду прилично совершаемый чин Погребения. Когда в одном храме устроили для всех хороший траурный катафалк со ступенями, то старушки говорили: «Господи, да неужели и нас будут отпевать так?!»... Это как бы чествование усопшего в приличном чине Погребения есть почитание тайны — тайны неповторимой судьбы человека, всякого человека, всей тайны жизни и смерти.

И в текстах чина Погребения есть этот мотив чествования. Он идет из глубокой христианской древности — из молитвенных собраний на могилах мучеников. Псалом 90: «Живый в помощи Вышняго в крове Бога Небеснаго водворится»... Псалом 118: «Блажени непорочнии в путь, ходящии в законе Господни» (искаженный перевод; по-русски с еврейского: Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем). Всё это — чествование праведника. То же — в этих изумительных тропарях:

Святых лик обрете Источник жизни
и дверь райскую.
Да обрящу и аз путь покаянием,
погибшее овча аз есмь.
Воззови мя, Спасе,
и спаси мя.
Агнца Божия проповедавше
и заклани бывше якоже агнцы,
и к жизни нестареемей, святии,
и присносущней преставльшеся,
Того прилежно, мученицы, молите
долгов разрешение нам даровати.
В путь узкий хождшии прискорбный,
Вси в житии крест яко ярем вземшии
и Мне последовавшии верою,
приидите, насладитеся,
ихже уготовах вам почестей
и венцев небесных.

Здесь две темы: прославление праведных и наши молитвы — не о праведных, **о себе самих...** Но где же молитва о том, кого от-

певают? Ее нет, и это так необычно, что мы непроизвольно молимся словами тропарей от его лица и от лица всего грешного человечества:

Образ есмь неизреченныя Твоея славы,
аще и язвы ношу прегрешений.
Ущедри Твое создание, Владыко,
и очисти Твоим милосердием,
и вожделенное Отечество подаждь ми,
рая паки жителя мя сотворяя.

И только в последнем тропаре появляется наконец «персональная» молитва о нашем дорогом усопшем:

Упокой, Боже, раба Твоего
и учини его в раи,
идеже лицы (хоры) святых, Господи,
и праведницы сияют яко светила (светильники).
Усопшего раба Твоего упокой,
презирая его вся согрешения.

Четвертая тема — **назидание** нам, присутствующим при отпевании. Назидание в сочетании с молитвой:

Кая житейская сладость
пребывает печали непричастна?
Кая ли слава стоит на земли непреложна?
Вся сений немощнейша (тени слабее),
вся сонний прелестнейша (обманчивее сна):
единем мгновением
и вся сия смерть приемлет.
Но во свете, Христе, Лица Твоего
и в наслаждении Твоея красоты
егоже избрал еси
упокой, яко Человеколюбец.
Ныне житейское лукавое
разрушается торжество суеты,
дух бо оскуде от селения (лишился обитания),
брение очернися (прах почернел),
сосуд раздрася (сосуд разбился),
безгласен, нечувствен,
мертвен, недвижимь:

егоже посылающе гробу,
Господу помолимся,
дати сему во веки упокоение.

Этот мотив назидания, поучения присутствующим занимает много места в чине Погребения. В одной из стихир «на последнее целование» речь ведётся от лица самого усопшего:

Зряще мя безгласна
и бездыханна предлежаща,
восплачите о мне, братие и друзи...

И далее — о внезапности смерти, о равенстве всех на Суде, где только от дел своих каждый прославится или постыдится. И мольба, мольба о молитвах... Этот прием — речь от лица усопшего — более развит в чинах Погребения священников и монахов, откуда и переложил это в русских стихах А. К. Толстой в поэме «Иоанн Дамаскин»:

. . . . . .

Спасайтесь, сродники и чада,
Из гроба к вам взываю я —
Спасайтесь, братья и друзья
Да не узрите пламень ада.

. . . . . .

Иду в незнаемый я путь,
Иду меж страха и надежды;
Мой взор угас, остыла грудь,
Не внемлет слух, сомкнуты вежды;
Лежу безгласен, недвижим,
Не слышу братского рыданья,
И от кадила синий дым
Не мне струит благоуханье;
Но вечным сном пока я сплю,
Моя любовь не умирает;
И ею, братья, вас молю,
Да каждый к Господу взывает:
Господь! В тот день, когда труба
Вострубит мира преставленье —
Прийми усопшего раба
В Твои блаженные селенья!

Но разве перепишешь все драгоценные тексты? Насколько **богаче** они прославленного «День гнева» католического Средневековья... И — **«эх, не на те бы слова»** написана гениальная музыка.

И тут же должно признать, что, как и всё наше (греческое) церковное Богослужение, чин Погребения **перегружен** словами. Если совершить отпевание во всём по Требнику — оно продлилось бы часа два. Это слишком долго — не потому, что мы ленимся, а потому, что непосильно для внимания. Нужно уложиться в полчаса; мы это и делаем, но выбираем далеко не самое лучшее. Надо сократить ектении и каждения. Не надо бы совсем читать тропари канона, не надо бы и петь все ирмосы. Не надо бы читать «индульгенцию» (о ней — ниже). Зато надо бы подобрать несколько хороших стихов из псалма 118 — и читать их, петь же только припевы. Надо бы составить и читать хорошее **огласительное слово** от лица усопшего — и не только с прошением о молитвах за него, но и с призывами проверить, исправить **нашу жизнь,** которой предстоит таинство смерти... Наконец, надо не «бросать» усопшего и родных, а «провóдить» их, непременно устроить торжественный **вынос** гроба хотя бы до паперти храма под пение нашего потрясающего траурного «Святый Боже». Всё это — вполне в наших возможностях, которые мы не осуществляем.

... Я часто читаю «Блаженны» над гробом. Таинство смерти. Участвуя в нем, я едва-ли не всякий раз убеждаюсь, что человек **достоин любви.** Он был незаметен, как все, грешен, как все; но вот в этом очень маленьком круге родных и друзей открывалась тайная красота души его, о которой никто кроме не знал. И когда кончилась жизнь — мы увидели вдруг, что он **заработал** себе вот эти искренние, благодарные слёзы любви... Уж если мы так горячо «жалеем» его — то кольми паче Бог! И вот, я читаю «Блаженны» над гробом и думаю: какое-то из этих «Блаженств», хотя бы только одно, хотя бы только отчасти, уж наверное исполнено в этой **оправданной жизни,** которую я не знал. А если знал — то с волнением догадываюсь об этом... На погребение «Блаженны» звучат как призывы и как утешения. Это не глухая стена невыполнимых заповедей, а «многия двери» Царства Небеснаго. По слову Златоуста, «Блаженны» — это златая цепь добродетелей, в которой блаженно нам взяться хотя бы за одно только звено... «Блаженны **милостивые,** ибо они **помилованы**

будут», — помилованы: значит, нуждаются в помиловании, значит, не святые, не сверхчеловеки. И они будут помилованы — не по нашим законническим расчетам, а «**по суду любящих Имя Твое. Аллилуйя»!...**

Из письма, 1961.

Если даже и не всегда это именно так, всё-равно: очень важно, чтобы присутствующие услышали над гробом «Блаженны». Непременно читать их; но отнюдь **не надо** читать между ними тропари. Ибо они совершенно несоизмеримы с Евангелием, они просто недостойны идти так вперемежку со словами Самого Господа.

62.

Молитва разрешительная, от иереа над преставльшимся чтомая.

Господь наш Иисус Христос, Божественною Своею благодатию, даром же и властию, данною святым Его учеником и апостолом, во еже вязати и решити грехи человеков (рек им: приимите Духа Святаго, ихже отпустите грехи, отпустятся им: ихже удержите, удержатся: и елика аще свяжете и разрешите на земли, будут связана и разрешена на небеси), от онех же и на ны друг-друго-принимательно пришедшею, да сотворит чрез мене смиреннаго прощенно и сие по духу чадо имя-рек от всех, елика яко человек согреши Богу словом, или делом, или мыслию, и всеми своими чувствы, волею или неволею, ведением или неведением. Аще же под клятвою или отлучением архиерейским или иерейским бысть, или аще клятву отца своего или матере своея наведе на ся, или своему проклятию подпаде, или клятву преступи, или иными некиими грехми яко человек связася: но о всех сих сердцем сокрушенным покаяся, и от всех вины и юзы да разрешит его (ю): елика же за немощь естества забвению предаде, и та вся да простит ему (ей), человеколюбия ради Своего, молитвами Пресвятыя и Преблагословенныя Владычицы, нашея Богородицы и Приснодевы Марии, святых славных и всехвальных апостол, и всех святых, аминь».

Эту грамоту со вписанным туда именем усопшаго священник громко читает над гробом и затем кто-нибудь вкладывает ее в руку покойного. Так сказать, документ, пропускающий в Царство

Небесное. Властию апостольского преемства даётся отпущение всех грехов, разрешение всех клятв... Документ покупается в свечном ящике под именем «молитвы». Ведётся бухгалтерский учет «молитв»: приход, расход, т. е. продажа, остаток «молитв». Чем не индульгенция?

Вот ответ специалиста, 1959:

«... Относительно разрешительной молитвы. Древнейшей из известных в науке молитв об усопших является «Боже духов и всякия плоти...», существовавшая уже в IV в. В средние же века, пожалуй с XI-го и далее, появляется большое количество молитв об усопших, причем многие из них создавались на основе молитв из чина исповеди. Одной из причин этого было то, что в древности после исповеди духовник, как правило, налагал епитимию. Исповедник, выполнив епитимию, являлся к духовнику, докладывал об этом, и духовник читал молитву на разрешение епитимии. В условиях широкого применения епитимии естественно возник вопрос: «А как же быть с теми людьми, на которых была наложена епитимия и которые скончались без ее разрешения?». Вот и создался обычай, по которому духовник приходил на погребение и читал молитву, разрешающую умершего от епитимии. Вот откуда наша разрешительная молитва. Такое ее значение видно из ее содержания. Она читается от лица духовника, в ней упоминаются грехи, за которые обычно налагалась епитимия — подпадение под проклятие и клятвопреступление, упоминаются и другие грехи, в которых человек «с сокрушенным сердцем покаялся». Молитва охватывает и грехи человеческой немощи, которые мы забываем. Как видите, эта молитва не имеет значения разрешения грехов на исповеди, тем более индульгенциии. Но так как ее стали читать и не духовники, то в требнике была помещена эта молитва в сокращенном виде и под названием не «разрешительная», а «прощальная». Греки в настоящее время вернулись к древней практике и читают вместо нее «Боже духов и всякия плоти...». У нас это трудно сделать, можно вызвать ненужный ропот. Поэтому мне кажется, что лучше было бы читать прощальную молитву из требника, а «разрешительную грамоту» читать и полагать в руки только тому умершему, который исповедывался перед смертью, или если на его погребении присутствует духовник, в

прошлом исповедывавший его, поскольку предсмертная исповедь часто не совершается не по вине умершего».

Интересно, что и в нынешнем тексте Требника есть следы того особого значения, которое имела в древности молитва «Боже духов и всякия плоти». Перед последним прощанием «глаголет первый от священников, или архиерей прилучився, молитву: БОЖЕ ДУХОВ... велегласно, **пришед близ умершаго».** Почему «пришед близ»? Это особое приближение к гробу напоминает о «прощальном» значении этой молитвы у греков, вернувшихся к древней практике.

Что же касается нашей «молитвы разрешительной», то ее, а лучше сокращенную «молитву прощальную» из Требника мог бы читать **только лично духовник покойного.** А всё остальное, что мы сегодня с этой «молитвой» выделываем — от лукаваго. **Священник лжет,** когда велегласно удостоверяет, что покойник, которого он при жизни в глаза не видел, будто бы «о всех сих сердцем сокрушенным покаяся»... Лучше какой угодно «ненужный ропот», чем такая **неправда** в церковном Богослужении.

63.

... Вы мечтаете о возрождении русской церковности. Но в ней немало явлений, глядя на которые думаешь: **а зачем бы этому и возрождаться?** Несколько лет тому назад я гостил в деревне и видел похоронную процессию. Не буду описывать ее в подробностях, которые Вы и без меня знаете. Главное внимание привлекал приглашенный из города молодой священник. Он был в ризе, надетой на гражданское пальто и махал потухшим кадилом. Время от времени, довольно часто, родственники и соседи давали ему деньги, и он засовывал их себе под ризу в карман; тогда процессия останавливалась, и он ужасной скороговоркой служил панихиду. Зависимость действий священника от подаваемых ему денег была прямая и демонстративная. После я узнал, что священник — с высшим церковным образованием. Вот занятие! Как то без всякой пропаганды для всех было ясно, что в этом его «служении» нет никакой идейности (разве только «идея» накопить побольше денег). На поминальном обеде сын покойного, приехавший тоже из города, так прямо и сказал священ-

нику в лицо, впрочем, без всякой насмешки или обиды, что если бы папаша умер в городе, то там его похоронили бы с музыкой, а в деревне — так уж надо с попом... Священник слушал и думал что-то свое, вероятно, о горьком своем положении.

Теперь такие процессии и в деревне уже не совершаются, но церковная власть никогда не догадалась бы сама запретить это. Скажите спасибо, что ускорено отмирание подобных явлений, и совсем не нужно бы им никогда возрождаться. Или взять вот это махание кадилом. Вы к этому привыкли, а новому человеку со стороны это кажется смешно и бессмысленно. Исторически это происходит, очевидно, из недостойного представления, что Божеству приятен душистый дым; ну, пусть это даже и останется у нас символом «благоухания духовнаго»; но зачем же это энергическое махание кадилом на каждую икону, на людей? Некоторые батюшки так привыкают к этому маханию, что всю службу (заупокойную) так непрерывно и двигают рукой с кадилом, как будто, извините, качают какой-то насос... Это мелочь, но из таких мелочей и состоит вся наша церковность. Или понаблюдайте за молодыми людьми, с каким насмешливым вниманием смотрят они, как «запрягают» архиерея и на прочие всякие финтифлюшки архиерейской службы. Это только внешность, конечно, но она прямо выражает и внутреннее, духовное оскудение церковных людей.

. . . . . .

Или так называемое «пастырство». Был в евангельские времена этот образ из пастушеского быта, который однажды, согласно Евангелию по Иоанну, применил к Себе Христос — «Пастырь Добрый». А теперь каждый священник называет себя «пастырем»; а нас, простых смертных, неловко ему называть овцами, так он называет нас «пасомыми». И это произносится совершенно серьёзно! Когда подумаешь о всем этом грузе нелепых обычаев и идейных заблуждений, которыми обременена церковность, то является и такое соображение: если суждено ей обновляться и возрождаться, то не лучше ли начинать это с нуля, с чистого пустого места? Пусть сначала отомрет то, чему не нужно бы никогда возрождаться. Однажды я держал в руках церковный календарь, изданный в Риге во времена оккупации. Видимо, решили там возрождать православие. Что же они напечатали? «Сретение — зима

с летом встретились. Память ап. Луки — время выносить лук на гряды. Воздвиженье — хлеб с поля двинулся»... И т. п. Эту чепуху из крестьянского быта мы называли религией. Теперь от нее осталось в деревне еще обязательное пьянство в бывшие церковные праздники. Пусть это поскорее умрет навсегда...

Из письма, 1964.

Когда прерывается традиция, то очень важно уберечь ценности непреходящего значения. При выполнении этой задачи бывает, что консерваторы должны стать модернистами.

По Требнику чин Погребения **начинается не в храме,** а в доме. Сначала служится лития, а затем начинается отпевание. «И начинаем пети: СВЯТЫЙ БОЖЕ... со страхом и всяким умилением. И вземше мощы усопшаго, отходим в храм, предъидущим священником со свещами, диакону с кадильницею»... Процессия приходит в храм, и здесь **продолжается** отпевание, после которого снова процессия — на кладбище. Раньше у нас священник так и ходил всюду за гробом, и это наёмное участие в уличных шествиях, иногда очень далеких и продолжительных, надо признать, унижало священника. Если обычай похоронных процессий будет где-нибудь восстановлен, то священник должен быть от них освобожден — у него должны быть другие, более важные занятия. «Святый Боже» в процессии может и без священника петь народ; можно чередовать это пение с оркестром; можно петь это и под сопровождение оркестра (попробовали бы так сделать)... В больших городах похоронные процессии ныне уже немыслимы, но и здесь возможно воссоздать настроение торжественного шествия хотя бы у дверей храма — встретить и проводить покойника траурным пением. **«Святый Боже»...** В этих словах и музыке — вся наша боль и вся наша надежда. Напрасно мы сами отказываемся от исполнения этого столь значительного элемента в чине Погребения.

Каждение положено по Требнику и в чине Крещения, и в чине Венчания. Х. рассказывал, как в деревне (вероятно, дореволюционной) батюшка грозился, что если ему не обещают положенную плату — то в наказание устроит он, ко всеобщему ужасу, свадьбу с кадилом... Кадило стало у нас специфическим признаком службы заупокойной. Как и многое другое в нашем церковном Богослужении, каждение испорчено неумеренным повторением, когда священник, что называется, из рук не выпускает кадила. И самый жест «махания» кадилом у нас должен быть пересмотрен.

64.

15. XI. 1843. ... Давно не видал я архиерейской службы. Первое впечатление поразительно: в ней род какого-то драматического величия. Потом становится монотонно. Особенно утомляют бесконечные ектении. О рабская Византия! Ты сообщила нам религию невольников. Проклятье на тебя! Всамделе, все, что есть самого великого в христианстве, тонет в этом позолоченном хламе форм, которые деспоты придумали, чтобы самой молитве преградить путь к Богу. Везде они — и они! Нет народа, нет идеи, всеобщего равенства! Иерархия подавляющая, пышность ослепительная, чтобы отвести глаза, отуманить умы, — всё, кроме христианской простоты и человечности.

Дневник А. В. Никитенко.

Интеллигентные христиане с грустью признавались мне, что не узнают преемника апостолов в литургической фигуре русского епископа. Эти бесчисленные жесты благословений, расточаемых архиереем по всякому пустячному поводу, непрестанное целование у него руки, поклоны, беготня с омофором, светильниками, рипидами, орлецами, — вся эта раболепная суматоха вокруг епископа искажает самую сущность церковного Богослужения, превращая его в форменный «культ личности» в служение «владыке». Из духовенства никто не молится, все боятся — как бы не ошибиться в церемониях. Святитель и сам находится в плену у сущих пустяков этого ритуала человекослужения.

На иконы Спасителя, Божией Матери, угодников кадят трижды, а архиерею — трижды по трижды. На первые три каждения он отвечает благословением одной рукой, но ему продолжают кадить; на вторые три каждения он еще раз благословляет одной рукой, но ему продолжают кадить; наконец он благословляет двумя руками, как бы запрещая этим жестом надоевшее каждение. В этом и других подобных моментах, которыми изобилует архиерейская служба, нет никакой, никакой литургической красоты — напротив, в них присутствуют разрушительные элементы смешного. Что-то произошло со всеми нами, уже вышли мы из того возраста, когда эти церемонии могли кому-нибудь нравиться. Сегодня они не воодушевляют нас в храме — напротив, они **унижают** святителя.

Не удивительно, что уже почти не находится верующих молодых людей, желающих участвовать в архиерейском церемониале.

А без целой свиты прислужников наш епископ, при существующем чине, совершенно беспомощен и, можно сказать, «недействителен». Иногда в таких случаях архиерей, унижая сан пресвитеров, заставляет их прислуживать себе за иподиаконов. Иногда один и тот же незаменимый келейник бегает вокруг епископа, стараясь поспеть за двух иподиаконов, посошника, книгодержца... Жалкое зрелище. Один архиерей умолял благочестивых священников, недостаточно внимательных к ритуалу: «Вы уж, пожалуйства, не молитесь — это не ваше дело, я за всех помолюсь». Но и архиерею некогда молиться, ему приходится то и дело командовать во время Божественной службы: «Кланяйтесь мне! Берите у меня благословение! Снимите с меня омофор!».. Бог даст — скоро сама жизнь церковная заставит архиереев заняться исправлением своего ритуала.

65.

Смиренная иноческая **мантия** приняла у наших архиереев **обратное** значение весьма пышной (шелк, бархат), цветной, звучащей (бубенчики), фантастической одежды, в которую можно облачиться только при помощи двух прислужников, с опасным шлейфом, который нужно за архиереем носить... Раньше со шлейфом управлялся маленький мальчик, теперь шлейф несет прислужник, который иногда по росту выше архиерея. Кому нужно это безобразие? Вспоминаю, как у покойного патриарха Тихона была из кремлевской ризницы прекрасная древняя мантия без шлейфа — как длинная пелерина; в ней патриарх ходил, поворачивался безопасно.

Торжественное облачение архиерея посреди храма. Диаконы с кадилами (как перед иконою). «Да возрадуется **душа твоя**»... «Тако да просветится **свет твой**»... Да это ведь **молебен архиерею!** На Часах вместо «Молитвами святых отец наших» — мы возглашаем: «**Молитвами святаго владыки нашего**»... Это низкая лесть, этого нет у греков, у наших же старообрядцев.

Прекрасен архиерейский Малый вход на вечерне и на литургии. Следовало бы только упорядочить его подготовку (Заметка 32) и следовало бы отменить второе осенение светильниками с солеи: оно излишне, ибо все четыре стороны уже получили осенение с кафедры; главное же — оно разрывает хор священнослужителей, половина которых уходит в алтарь, в то время как вторая половина задерживается архиереем у солеи. У старообрядцев

нет этого излишнего второго осенения... Далее наступает воистину торжественное действо: каждение под алтарное пение «Достоин еси» или «Спаси нас, Сыне Божий». И так досадно, так досадно, что прославление Сына Божия сразу же прерывается и переходит в прославление архиерея — в пение «**Ис полла эти, деспота»,** что в переводе значит: «**Многая лета тебе, деспот»...** Нет, не надо бы этого прославления архиерея, надо бы многократно продолжать прославление Христа во все время каждения, под общенародное пение. Это очень заметно украсило бы службу, попробовали бы так сделать.

Начинается пение Херувимской — и молитвенное внимание народа отвлекается прислужниками и архиереем, который появляется в святых вратах лицом к народу. Зачем? Умывать руки! В детстве я думал: уж не изображает ли он Пилата? Это совсем не древность, это русское новшество недавнего времени, этого нет у греков и старообрядцев.

Проскомидия в архиерейской литургии имеет одно начало, но **два конца.** Сначала священник совершает проскомидию полностью; и архиерей во время великой ектении читает заключительную молитву проскомидии. Но во время Херувимской архиерей подходит к жертвеннику, срывает покровцы... Проскомидия священника разрушается и совершается архиереем с половины заново.

И всюду — «орлецы», круглые коврики с изображением орла над городом. На листе с таким изображением стоит будущий архиерей перед своим рукоположением, когда читает исповедание веры. Там это имеет смысл. Но зачем бегает прислужник, подкидывает эти круглые коврики всюду, где хотя бы на секунду остановится архиерей? И это — не Византия, а позднейшее русское новшество.

... И всё это — **рассуждения без хозяина.** Архиереи могли бы очень хорошо со всем этим распорядиться, всё это исправить своею высокою властью. Но они предпочитают покорно исполнять эти явные несуразности своего ритуала.

ОЛИВЬЕ КЛЕМАН

СТАНЕМ СООБЩА ГОТОВИТЬ СОБОР

I. Новая ситуация: спад и трения.

В Православной Церкви стремление к объединению, вызванное к жизни Константинопольским патриархом Афинагором I, достигло апогея на совещании в Шамбези в июне 1968 года. Затем наблюдается спад и вновь возникают, а точнее усугубляются те линии раскола, которые на какое-то время, казалось, сгладились или начали зарубцовываться. Отметим две основные линии раскола:

а) Трения между Вторым и Третьим Римом.

Трения эти связаны с проблемой мировой структуры Церкви. В 1969 и 1970 году Московская патриархия приняла важные решения относительно организации Диаспоры (американской автокефалии) и экуменических отношений (допущение, в случае необходимости и в некоторых условиях, членов римско-католической Церкви к евхаристическому общению. Здесь не место обсуждать внутреннее значение этих актов. Однако необходимо признать, что они явились свидетельством некоторого равнодушия к предсоборной обстановке, в которой находилась Православная Церковь начиная с 1968 года. Все это подтверждает представление о Православии как о простой федерации совершенно независимых братских церквей. Недавний Собор в Загорске стал вершиной этой «абсолютной автокефалии», поскольку приглашенные представители православных церквей только присутствовали на прениях, но не участвовали в них даже тогда, когда они имели общеправославное значение, как, например, в отмене постановления Московского Собора 1666-1667 гг. об анафематствовании старообрядцев, на котором в то время Александрийский и Антиохийский патриархи были полноправными участниками.

Здесь возникает вопрос: не ставится ли в этой конфедерации братских Церквей перед Москвой проблема первенства в терминах численности, силы и исторической инициативы.

В таком случае возникает глубокий конфликт с Константинополем, который видит, как оспариваются его традиционные пре-

рогативы главенства, инициативы и мирового центра единения, как его тайна, тайна географической харизмы, спасшей первенство почти опустевшего Рима — отрицается; который чувствует, что нарастает отрицание самого его существования, которому уже нанесен такой урон историей. Конечно, исторические грехи Константинополя велики, поскольку он неоднократно поддавался духовному и национальному воздействию эллинизма. Это тем более прискорбно, что эти грехи подверглись осуждению в тот момент, когда патриарх Афинагор в значительной мере их преодолел, стремясь содействовать бескорыстному собиранию Православия...

Как бы то ни было, этот конфликт между двумя Церквами и двумя экклезиологиями отнюдь не благоприятствует созыву Собора.

б) **К новому «старообрядческому» расколу.**

В настоящее время в Православии намечается еще одна линия раскола, которая, в частности, проявляется в растущей роли, которую играет так называемая «Русская Православная Церковь за границей» или иначе «Синодальная Церковь». Эта Церковь стремится превратиться во вселенскую Православную Церковь: она принимает в свое лоно сербов, румын и французов, она дала епископа грекам — сторонникам «старого календаря», она пользуется поддержкой на Балканах, в частности в сербской Церкви и на Афонской горе.

Движущая сила «синодального» и аналогичных или устремленных к тому же центру явлений «старообрядчества» (которое возрождается в двадцатом веке, когда угасает старообрядчество семнадцатого) может найти объяснение:

— в застойности большинства европейских коммунистических режимов и в том впечатлении медленного удушения Церквей, которое отсюда проистекает и, в свою очередь, благоприятствует «оппозиции» в этих Церквах, проникнутой психологией апокалиптики и чуть ли не манихейства;

— в отстутствии сотрудничества между епископатом и рядовыми верующими, главным образом, в некоторых Восточных Церквах, чем и объясняется то обстоятельство, что важнейшие почины епископата в сфере экуменичской, как и в сфере межправославной, не «приняты» народом;

— в гораздо более общем положении дел, заключающемся в том, что при переживаемом нами кризисе цивилизации (который

вызывает заметные судороги в восточном христианстве) многие православные стремятся найти убежище, создавая традиционно преемственное Православие, сцементированное обрядом, буквой догм и Отцов Церкви, анти-интеллектуальным пиетизмом. Явление, напоминающее судьбу иудаизма в эпоху его рассеяния.

Здесь также наблюдается отрицательное отношение к созыву Собора при двойной оппозиции к современному миру, глобально «предавшемуся дьяволу» и к экуменическому диалогу (овеществленная и обладаемая истина не вступает в диалог: она здесь, следовательно, ее нет там). Большинство епископов восточных стран не признаются из-за их сговора с государственным атеизмом. И если Собор состоится, то богословские и духовные силы этих Церквей, возможно, будут представлены лишь частично. Вселенский патриарх также не признается из-за «папизма» и вероучительного экклезиологического релятивизма.

Чтобы постичь все значение этого «старообрядческого» движения, нужно понять, что оно выходит далеко за рамки одной лишь «синодальной» юрисдикции, которая довольствуется тем, что при случае его использует и ширит посредством печатной продукции. Анафемы, которым Московская патриархия предает «Синод», несомненно, только укрепят его, ибо они будут исходить от лиц, обвиняемых в том, что они «униаты» и «тайные коммунисты». «Старообрядчество», которое в настоящее время понемногу пробивается повсюду в Православии, состоит из всех тех, кто боится и не понимает больше истории, отвергает все то, что кажется новым и чуждым, ищет надежности в педантичном повторении слов и обрядов, и, при всем этом, сохраняет суровую веру и сокровища благочестия. Среди них много «малых сих», которых некоторые церковные «великие», озабоченные прежде всего дипломатией, безжалостно «соблазнили».

II. Что делать?

Нет ничего хуже, как закрывать глаза на перечисленные выше факты и от случая к случаю довольствоваться расплывчатыми и вялыми разговорами о Всеправославном Соборе. Православие и так слишком страдает от буквализма.

Скорый, четко обоснованный отказ был бы, по крайней мере, шагом откровенным и мужественным. Тем самым было бы ска-

зано, что упущена великая возможность, символом которой явилось сотрудничество Москвы и Константинополя в шестидесятых годах, возможность Русской Церкви, сильной самими узами своими, выношенной мучительным терпением своего народа и своих епископов, которая отнюдь не была слепком со всемирной Церкви, но служила бы православному единению в качестве великой национальной Церкви, неразрывно связанной с трагической и, быть может, крестной судьбой России; вместе с тем была утеряна и возможность Вселенского престола, смирением преображающего историческую слабость в стойкое порождение подлинного «руководства по праву любви», всегда осуществляемого после совета с братскими Церквами ради того, чтобы облегчить их сплоченность и их совместное свидетельство. Можно оплакивать и каяться в том, что благодатное время, предоставленное Богом своему народу, не было познано, что позволили пробудиться демонам, а братьям стать волками, так что каждый видит в другом только самое худшее.

Однако, если здраво рассуждать, то отказ от Собора не может быть признан желательным. С 1968 года существует не только надежда, но и долг. Некоторые Церкви, в частности Румынская и Греческая, проделали серьезную работу, а на Крите (единственный случай, насколько нам известно) к этим усилиям присоединился и народ. Одновременно богословские собеседования с до-халкедонцами привели к тому, что стал возможен акт объединения, которому Собор мог бы способствовать. По-видимому, нынешняя ситуация даже делает Собор особенно необходимым. Великие Вселенские Соборы, как известно, устраивались не для взаимных приветствий; они созывались в трагических ситуациях в ответ на те или иные опасности, угрожавшие тому или иному аспекту веры. Сегодня же под угрозой находится вся истина целиком, как в смысле своего содержания, так и с точки зрения ее церковного вместилища. На Западе включая в это понятие и западное христианство, подвергается коренному пересмотру самый смысл христианства. А западная мысль становится мыслью планетарной и нечего рассчитывать на то, что Православие уцелеет, если оно не воспримет ее правды и ее проблематики. С другой стороны, угроза раздробления, нависшая сегодня над Православной Церковью, мешает ей осознать его.

Цель Собора, следовательно ясна: речь идет о том, чтобы кратко и обобщенно, сильно и просто сформулировать **то, что объединяет людей православной веры** и тем самым составляет сущ-

ность христианства, его значение для спасения мира. И не только сформулировать, но и помочь жить с этим. Дух Собора должен быть миссионерским и пастырским.

III. За миссионерский и пастырский дух Собора.

Собор должен стремиться ответить на два вопроса:

— Чем является христианство сегодня?

— Как жить им в Церкви?

Первый вопрос относится к проблеме миссионерства, второй — пастырства.

а) Чем является христианство сегодня?

Для людей православной веры, повторяем, важно осознать, что́ их объединяет и что, следовательно, с одной стороны может способствовать разрешению или ослаблению их раздоров, а с другой — является их высшим свидетельством для современного человечества.

Речь идет не о том, чтобы выработать непременно логическое исповедание веры, но о том, чтобы перед лицом духовной пустоты, слепых поисков и дьявольских ухищрений, среди которых бьется современный человек, дать зазвучать из недр Церкви великому крику веры и радости, этому великому опыту любви, который сильнее смерти, и о котором свидетельствуют подвиги мучеников и преображения святых. Речь идет о том, чтобы славить Бога, дающего Себя убить для того, чтобы воскресить Своих убийц; речь идет о том, чтобы принять свидетельство о Воскресении, которое нас воскрешает, о Духе, который нас животворит, о Троице, как источнике всякой любви и всякого личного существования. Речь идет о том, чтобы поднять Церковь, вопреки всему ее убожеству как место, где нам сообщается сила Воскресения, где мы призываемся жить в приобщенности к Троице, где благодатью Святого Духа в этой приобщенности мы может обрести наше личное призвание и нашу творческую свободу.

Нужно выработать документ краткий, смиренный и вместе с тем огромный по значению, чтобы напомнить современному человеку КТО есть Бог и что Бог стал человеком ради того, чтобы человек мог стать Богом.

Я думаю сейчас о совместных богословских заявлениях, выработанных за последние годы в результате встреч между халке-

донскими и нехалкедонскими православными; о некоторых недавних посланиях патриарха Афинагора, в частности о Рождественском послании 1970 года и Пасхальном послании 1971 года; о некоторых кратких определениях православного мировоззрения, сделанных отцом Станилоэ в 1969 году во время его пребывания в Англии и опубликованных в журнале «Соборность», о некоторых местах из книги Павла Евдокимова «Стадии духовной жизни» или о трактате преосвященного Игнатия Хазима «Современный человек и воскресение» — примеров можно было бы привести много...

Традиционалисты должны были бы услышать в этом тексте отзвук великих патристических определений, высокой исихастской аскетики. Но они должны были бы отказаться от мысленного противодействия, ибо смысл «нового времени» не в том, чтобы воздвигать стены, а в том, чтобы распространять свет.

Модернисты, со своей стороны, должны были бы обнаружить в этом тексте свою потребность в обновлении, свою подверженность беспокойству, тоске и поискам современного планетарного человека. Но они должны были бы все таки понять, что только Предание плодотворно и что пророческий Дух почиет на священном, церковном и иерархическом Теле Воскресшего.

Подготовка этого текста в предсоборный период позволила бы уточнить воспитание веры, в которой православные верующие, особенно молодежь, имеют сегодня огромную потребность. Но не только молодежь, но еще больше женщины, мыслящие более трезво, более реалистично, менее лирические или сухо интеллектуальные, чем мужчины, могли бы внести свои предложения, которые, возможно, оказались бы весьма полезными для епископов и для профессиональных богословов.

б) Как жить христианской верой в Церкви?

Нам пришлось признать, что Православие страдает сегодня шизофренией и буквализмом, что вызвано все растущим разрывом между богословием и церковной социологией. Для того, чтобы верующие могли лучше жить общим и, вместе с тем индивидуальным, таинством своей Церкви, необходимы честные и реалистические усилия.

Здесь возникают тесно связанные между собой проблемы:

1. Как превратить приход, повсюду, где это возможно, в живую общину?

Многочисленные проблемы, о которых мы мало что знаем, встают, несомненно, в сельских приходах, где, когда позволяют политические условия, литургия должна была бы стать закваской жизни, культ — закваской культуры. Но в первую очередь, мне думается, нужно было бы поставить проблему размеров приходов и епархий в пределах больших городов (я не имею здесь, конечно, в виду маленькие общины Рассеяния, зачастую трогательно сплоченные, наполненные человеческой теплотой, но чьи собственные проблемы есть нечто среднее между проблемами гетто и проблемами секты). Не принадлежит ли будущее в «мегаполисах», в технополисах» — приходским общинам, приспособленным к человеческой мерке, гораздо меньшим по размерам и менее многочисленным, чем нынешние приходы, с тем, чтобы евхаристическая трапеза могла совершаться в сопереживании братства, с тем, чтобы каждая христианская община, как в раннехристианской Церкви, была бы действительно связана любовью. С другой стороны, что такое один епископ на город, когда мы имеем дело не с римским civitas, или с небольшими городами христианских времен, а с гигантскими скоплениями, в которых население по численности равно целой стране. Если мы хотим, чтобы епископ был не администратором, а отцом, близость которого ощутима, то не следует ли рассматривать современный большой город скорее как столичную область, а не как простую епархию?

И разве задача создать приходы, которые были бы настоящими братствами, не требует также новых методов подбора духовенства? Не юношеское «призвание» и «избранность» (во всяком случае не только они одни) столь спорные с точки зрения психологической, но назначение общиной людей, которые уже вступили в жизнь и которые, став священниками маленьких общин тем не менее не оставляли бы своей мирской профессии... Как готовить этих людей? Не следует ли поставить под сомнение чисто университетский характер обучения богословию, превративший его в одну из учебных дисциплин, тогда как оно должно было бы стать стремлением увидеть всю жизнь в свете Воскресения! Наряду с нынешними учебными заведениями или же в их рамках, не следует ли подумать о «школах веры», где богословие было бы неотделимо от молитвы, служения и знания современного мира?

Конечно Собор должен был бы дать здесь лишь общие па-

стырские предложения, которые каждая братская церковь, вплоть до каждого епископа применяли бы в той или иной мере, исходя из местных условий. Если бы в результате этого усилия мог бы родится новый опыт, какие то обновленные общины, не принесло ли бы это большую ясность и упорядоченность в будущем?

Наконец, возможно, что проблема подбора епископов будет поставлена тут или там во время предсоборных обсуждений. Эта проблема имеет непосредственное отношение к общему процессу оздоровления Церкви в нашу эпоху, когда положение христианства и резкая эсхатологическая реакция монашества, ее вызвавшая, меняются. Сегодня эсхатологическая напряженность в «секуляризованном» или же агрессивно секуляристском обществе все более и более вовлекается в один феномен — обращения к Воскресшему и вступления в Его Церковь. В этом вопросе, как и во многих других, следует принять во внимание практику до-константиновской Церкви. Но мы ни к чему не придем, если захотим искусственно поддержать на этапе предсоборного обсуждения единодушие братских Церквей: обсуждение должно быть обоснованным (мы еще к этому вернемся) и нужно быть готовым к тому, что оно окажется многообразным и иногда противоречивым.

2. Как превратить литургию в общее дело и центр, освящающий всю жизнь?

Приход будет жизнеспособным лишь в том случае, если действительно станет евхаристической общиной. Один из главных соблазнов современного Православия заключается в том, что богословы рассуждают о «евхаристической экклезиологии», тогда как на литургиях чаще всего никто не причащается (я знаю, что есть немало исключений, но, тем не менее, это явление распространенное). Предсоборное обсуждение и Собор оказались бы вполне достойны истинного Предания, если бы рекомендовали ежевоскресное причащение. Нужно было бы создать по этому вопросу целую систему православной педагогики веры в самих приходах для того, чтобы объяснить подлинную связь между таинством покаяния и таинством евхаристии, а так же то, что означает подготовка к причастию.

Во-вторых, важно было бы вернуться, по крайней мере в некоторых образцовых приходах, к литургической практике доконстантиновского времени, которая была бы в меньшей мере зрелищем перед народом и в большей мере общим делом, в котором

местное служение органически сочеталось бы со служением вселенским. Для этого надо снять покров ложной таинственности, необязательной и временной, которая еще есть в церковной службе, особенно в тайных молитвах: нужно сделать иконостас более легким и читать тайные молитвы вслух, особенно призывание Святого Духа. Действительно, это еще один из соблазнов современного Православия — призывание Святого Духа происходит настолько сокрыто, что о нем народ и не знает, тогда как богословы развивают превосходную «сакраментальную пневматологию». Для того, чтобы литургия стала общим делом, нужно прежде всего, чтобы народ ощутил себя соучастником литургии, скрепляя призывание Святого Духа своим тройным «аминь».

Очевидна также необходимость других реформ, которые по сути являются возвратом к первоначальной практике и смыслу, например, восстановление «поцелуя мира», пение всем народом не только «Символа веры» и «Отче наш», но и больших частей литургии и в частности ответов на возглашения диаконов, и наконец, возможен возврат к первоначальному смыслу совместного предложения и Великого Входа. При этом следует действовать осторожно, путем проб и показательных экспериментов.

Если сам текст литургической евхаристии не представляет собой большой проблемы — при том, что следует напомнить о законности других обрядов, — то тем не менее надо будет поставить проблему языка и посоветовать, повсюду, где это возможно, постепенно переходить на современный разговорный язык. Богослужебные реформы должны быть богословски и научно обоснованными и исполненными благоговения к таинству. Так Часы, освобожденные от монашеской нацеленности на как бы непрерывную молитву, должны быть приведены к их первоначальному смыслу и символическому центру — освящению времени, напоминанию о главных моментах дела спасения на протяжении великой смены дней и ночей. Перевод часов на современные языки дал бы возможность творчески их несколько переработать, сжав текст, выделив основные образы, устранив некоторые намеки на утратившее живой смысл прошлое. Необходимо восстановить регулярное чтение Ветхого Завета. Обновленные таким образом Часы могли бы благоприятствовать развитию «внутреннего монашества» путем их использования как в личной молитве, так и на совместных молитвах верующих, которые пожелали бы молиться сообща несколько вечеров в неделю. Наконец, нужно было бы предусмотреть, по крайней мере в некоторых приходах, возобновление ли-

тургического творчества, которое бы шло не вразрез с традиционной молитвой, но исходило из ее недр, ибо церковная практика лежит не в стороне от жизни, а преобразует саму жизнь в таинство.

3. Как обрести вновь истинный смысл канонов?

Православие переживает сегодня глубочайший кризис канонического сознания. Одни не знают канонов или презирают их с гордостью «цивилизованного человека XX века», другие — считают их священными, однако от этого не зная их лучше и ставят их на одну ногу с буквой Отцов Церкви и Писания. Первые впадают в бесплотный спиритуализм, вторые — в ветхозаветное законничество.

Важно, чтобы Собор, отказавшись от предложенной мысли систематизировать каноническое право, помог бы христианам понять смысл канонов: не табу и запреты, исходящие из ветхозаветной диалектики чистого и нечистого, но применение к мешающим условиям истории основных догматов христианства, коллективной аскезе, которая приспосабливает дело общего спасения к личным судьбам, позволяя подойти к духовному опыту Церкви и уберечь ее от всякого увядания. Дух и смысл канонов можно понять лишь в том случае, если догматические и исторические формулировки станут более ясными. В случае необходимости придется признать, что форма, в которой выразился этот дух, сыграв свою положительную роль в определенных условиях, теперь отмерла и, следовательно, нужно искать новые формы, заботясь о верности духу канонов.

Однако две сферы, как мне думается, требуют безотлагательных поисков нового выражения:

— это **сфера поста и воздержания,** предписания о которых, будучи монастырского происхождения, сегодня особенно плохо согласуются с современным городским и технизированным бытом. Нужно было бы выделить глубокий смысл, слишком часто забываемый, этих предписаний и заново выразить его в психо-соматических упражнениях, необходимых для современного человека, который он нередко ищет в иоге или дзен и который ему надо научиться через трудный подвиг любви к Богу и ближнему ставить на службу Церкви.

— Сфера половой жизни вообще и положение женщины в частности, которая особенно пострадала от своего рода монашеской тоталитарности, являющейся скорее ненавистью к жизни, чем

ее преображением. Значение левитских запретов было преувеличено в ущерб великим «брачным» текстам книги Бытия, с такой силой возобновленным в Новом Завете. Не то, чтобы смысл этих запретов нельзя было бы объяснить: они показывают, что «естественное» рождение в действительности есть рождение для смерти и что само деторождение частично с ней связано. Но сегодня особенно важно утвердить возможность и смысл человеческой любви и предоставить супругам, просвещенным церковной жизнью и советами духовного отца на основании свободы и собственной ответственности решать проблему «регуляции деторождения». Пора перестать лицемерить.

4. Как способствовать возрождению личной духовной жизни?

Как в 14 веке и около 1800 года, так и теперь, между евхаристическим обновлением и обновлением личной молитвы должны установиться отношения взаимопроникновения и взаимного усиления.

Более чем когда-либо прежде, необходимо монашеское призвание и Собор должен об этом возвестить. Однако православное монашество преодолеет кризис своих традиционных форм, связанных с деревенским христианским обществом только в том случае, если оно откажется от огульного осуждения современного мира и установит с ним связи нового типа.

Пропасть не только географическая, но и психологическая, т. е. духовная разверзлась между традиционным монашеством и всем христианским миром. Чтобы заполнить географическую пропасть, желательно, чтобы помимо сельских общин, но в тесной связи с ними создавались бы небольшие «братства» в «технополисах» среди «толпы одиноких». Для того, чтобы заполнить пропасть психологическую или духовную, которая гораздо серьезнее, нужно понять, что традиционная аскеза, стоящая в прямой связи с антропологическим типом, вышедшим из старых сельскохозяйственных обществ, «работает вхолостую» по отношению к антропологическому типу, созданному городской цивилизацией. Должны быть найдены новые организационные формы для очищения, умиротворения, для углубления в жизнь, для благодарной открытости миру. К тому же традиционная духовность столь же изобилует указаниями этого рода, как и духовность преображения. С другой стороны, православные народы сохранили ощущение благостности бытия, которое нередко обнаруживается, например, в искусстве или

в некоторых основополагающих позициях по отношению к жизни вне видимых пределов Церкви, но которые Церковь отныне призвана разъяснить и дать им новую жизнь. Развитие духовного понимания брака, а также духовного подхода к культуре, царского, священнического и пророческого стиля жизни должно занять свое место в этой разработке. Таким образом великая исихастская традиция, к которой постепенно происходило восхождение по ступеням, соответствующим различным «духовным эпохам», вновь стала бы на первое место и принесла бы все свои плоды. К тому же следует учесть то огромное усилие, которое делалось на протяжении полувека для того, чтобы истолковать, приспособить и распространить среди христиан «Иисусову молитву». Это усилие было и остается чрезвычайно важным в православной Диаспоре в Западной Европе. Когда нибудь станет очевидным все его экуменическое значение.

В этих условиях Православие, готовясь к Собору, могло бы содействовать двум важным мерам. С одной стороны — разработке и изданию на многих языках **нового Добротолюбия,** взяв за основу румынское Добротолюбие, публикация которого началась после второй мировой войны, но обогащенного текстами XIX и XX веков и в котором было бы отведено должное место опыту мученичества, пережитому в нашем веке многими православными Церквами, попыткам приспособления Иисусовой молитвы, о которых упоминалось выше, «уничижение» духа, о котором свидетельствуют иногда литературные и философские произведения, внешне не имеющие отношения к Православию, но ставящие те духовные проблемы, которые надлежит решить именно ему. Другая мера могла бы состоять в открытии не больших по численности «школ молитвы», где опытные духовные лица взяли бы на себя — как жертву и как служение — обучение мирян тяготеющих к глубокой духовной жизни и склонных к своего рода монашеству в миру, началам православной аскетики и молитвы. Такая попытка совершенно необходима в наше время, когда столько христиан, а среди молодежи столько искателей Абсолюта обращаются к безличным духовным учениям Азии. Между «школами молитвы» и «школами веры» и обновленным монашеством могла бы существовать тесная связь, проникающая вплоть до самой гущи больших городов.

*
**

По всем этим вопросам Собор должен сказать свое слово. Но важно также, чтобы он сделал это имея в перспективе действия точные, конкретные, сосредоточенные на одном или двух пунктах.

IV. За Собор, который проведет в жизнь конкретные меры.

Собор должен был бы решить две важные проблемы, которые уже более нельзя откладывать. Первая относится непосредственно к Православию — это проблема Диаспоры; вторая — касается отношений между православными халкедонцами и нехалкедонцами.

а) Организация Диаспоры.

Диаспора, где Православие особенно призвано осознать само себя в экуменических целях сейчас становится самым постыдным образом ставкой в игре, полем сражения, местом, где с особой отчетливостью намечаются линии раскола, о которых я писал вначале.

Вот почему организация рассеяния кажется сегодня одновременно необходимой и невозможной. Без обиняков она ставит проблему вселенской структуры Церкви, на которой, как мы знаем, расходится Второй и Третий Рим.

Чтобы устранить эту помеху, всем Православным Церквам следовало бы в предсоборный период прийти к некоторым принципиальным положениям:

1. Окончательное решение проблем Диаспоры может быть только соборным. Всякая законническая болтовня может здесь лишь маскировать задние мысли, ибо Рассеяние — принципиально новое историческое явление, не имеющее канонических прецедентов, поэтому в решении этой проблемы должны быть заинтересованы все Православные Церкви. Но эта проблема может быть разрешена мирным путем лишь с их общего согласия. События в Америке достаточно ясно показали, что подавляющее большинство братских Церквей разделяют эту точку зрения. Заслуга Московской патриархии состоит в том, что она дала толчек, ускоривший ход событий, что она поставила вопрос неопровержимым образом, несмотря на всю свою инертность. Но она одна не может решить этой проблемы: решение придет в результате предсоборного и соборного сотрудничества в самой Америке во всем Православии.

2. Необходимо, чтобы всякое одностороннее решение, принятое какой либо автокефальной Церковью в отношении Рассеяния было отчетливо сформулировано как временное и чтобы в предсоборный подготовительный период все говорили бы со всеми. Новая Американская Церковь повидимому утверждает себя не столько как утвержденная автокефалия, а как призыв к автокефалии, призыв неотделимый от диалога с другими американскими православными общинами в рамках вселенской структуры Церкви. В Западной Европе тот факт, что Вселенский престол взял временно под свое церковное покровительство разбросанных по свету русских иерархов нисколько не должен был бы помешать этим иерархам в силу самого их происхождения вступить в дружеский диалог с Московской патриархией. И так далее... Если никто не может притязать на навязывание **своего** решения, поскольку решение будет соборным, то страх, стремление к власти и другие демоны утратят силу и, быть может, будет сделана попытка установить взаимное доверие.

3. Никакое решение проблемы Диаспоры не должно быть принято без участия самого Рассеяния. В период подготовки к собору все члены Диаспоры, каково бы ни было их юридическое положение, должны получить от братских Церквей и от Вселенского Престола не только право, но и обязанность высказываться, встречаться, вести вместе поиски. Более того: не только право, но и обязанность причащаться вместе. Дособорный этап должен был бы быть отмечен в Рассеянии узаконенным всеобщим перемирием, с тем, чтобы трудности, трения, даже противоборство не будучи отрицаемы, были бы перенесены во внутрь Церкви. Если мы верим в Заповеди Блаженств, то мы знаем, что прощение обид плодотворнее, нежели анафемы.

Во всяком случае подготовка к Собору должна ускорить де факто в Диаспоре развитие встреч, сближения и сотрудничества поверх линий разрыва, которые благополучно теряют свое значение в тех районах, где нет достаточно многочисленных общин и где молодежь обнаруживает себя прежде всего христианами и христианами православными. Этот почин, в той мере, в которой он исходит от христиан, никогда не должен обособляться от епископов. Напротив, нужно сотрудничать с ними для того, чтобы они сами сотрудничали между собой.

4. В случае особенно острого кризиса в данном районе Церкви, наименее затронутые конфликтом должны брать на себя

циативу в продвижении Собора в целях изучения проблем и примирения сторон. Например для решения проблемы американской автокефалии, где сталкиваются между собой славянское Православие и Православие греческое, я мог бы предложить Антиохийскую патриархию и Румынскую Церковь.

5. Всякая организация Диаспоры в Западной Европе, то есть на территории Римского патриархата, должна бы учитывать ситуацию экуменического ожидания и сближения. В данном случае речь идет не о создании новой унии, а о том, чтобы найти скромные и вместе с тем открытые формы, которые позволили бы Православию сыграть свою роль закваски в деле единения Церквей.

Такая подготовка несомненно позволила бы Собору дать Диаспоре организацию одновременно координированную и многообразную, где для каждого нашлось бы свое место.

б) Объединение с нехалкедонскими Церквами.

Четыре встречи между халкедонскими и нехалкедонскими богословами с каждым разом становились все более положительными и ответственными. Они выявили общую незыблемую основу апостолического и патристического видения, выражающегося в идентичных структурах Церкви. Они показали, что нехалкидонцы в некоторых других формулировках преодолели со своей стороны монофизитство, тогда как халкидонцы восприняли великую александрийскую интуицию реального обожения человека, не пренебрегая при этом полной его свободой. Поэтому представляется чрезвычайно важным включить в подготовку Собора изучение путей и средств для **констатации единства,** которое сам Собор освятил бы.

Для того, чтобы сохранить свою трансцендентность по отношению к Востоку и Западу, Православие должно было бы на предсоборном этапе начать, наконец, богословский диалог об основных проблемах с католической Церковью, оставив на время за скобками проблему доступа к причастию, проблему, которая как обнаружилось после единоличного решения Московской патриархии в декабре 1969 года, может лишь разобщить православных верующих и вновь их привести к той полемике, которая уже имела место в прошлом. Однако наш долг состоит сейчас в том, чтобы трудиться над совместным углублением взаимопонимания с теми католиками, которые обладают одновременно ощущением тайны и чувством свободы.

Констатация единства с нехалкедонским Востоком, диалог по основным проблемам с христианским Западом (поскольку диалог с Римом никого не исключает): таким образом исторический и экзистенциальный дух Запада и созерцательный и онтологический дух Востока продолжали бы уравновешиваться в православном сознании как свидетельство неразделенной Церкви.

Будучи закреплено Собором, единство между халкедонцами и нехалкидонцами явилось бы блистательным осуществлением подлинно православного экуменизма, который не отождествляет Истину с формулами, но и не делает ее относительной, а укореняется в церковном опыте Жизни.

V. Проблемы которые разделяют.

Нет смысла ни закрывать на них глаза — они достаточно общеизвестны — ни полемизировать по их поводу — это только ослабит силы в период подготовки Собора. Нужно иметь мужество на этапе предсоборных размышлений терпеливо выяснять позицию участников, не делая при этом поспешных выводов. Даже Собор не сможет прийти к окончательным решениям и собирается он не для этого. Но дело станет яснее, если будут сознаны некоторые богословские и духовные основы, если постараются слушать и уважать другого собеседника, увидеть его подлинное лицо вместо того, чтобы держаться за свои предвзятые представления о нем. Задача в целом состоит в том, чтобы применить среди православных верующих по вопросам, которые нас разъединяют, методы успешно использовавшиеся христианами в экуменическом диалоге. Это тем легче, что между православными существует полное единство веры и таинств!

Разъединяющие проблемы, повидимому, сводятся к двум основным пунктам:

1. Проблемы политические.

Члены различных православных Церквей живут в различных, иногда противоположных обществах и цивилизациях, хотя и под общим воздействием научно-технической революции. Несмотря на это несходство представляется вероятным, что православные смогут прийти к соглашению по ряду проблем мета-политического характера: Церковь в мире, но она не от мира сего, или иначе: Цер-

ковь-мир на пути к преображению, но этот путь лежит через Крест; Церковь как «бессильная» (согласно критериям сего мира) сила благословения и освящения, ее тесная связь с разными народами, ее духовная ответственность за каждого из них, тайная сила евхаристии, делающая христиан «солью земли» и «душой мира», церковная общность, единство и многообразие по образу Единой Троицы как основа, закваска и полнота требования общности, отсутствие которой раздирает сегодня человечество; отсутствие «богословского» учения о собственности, понятие о святости ближнего и бедного — необходимое дополнение к евхаристии, весть о социальной справедливости и освобождении, провозглашенная израильскими пророками, восточными и западным Отцами и Учителями Церкви; чувства ценности аскетизма и бескорыстия; исцеление политического невроза деятельной евангельской любовью.

В остальном каждая Церковь обладает своим собственным опытом, к которому другие должны были бы с уважением прислушиваться. Пусть различные позиции будут высказаны со всей откровенностью и пусть, если их не могут одобрить, то воздержатся от суждений. Не нужно стремиться к искусственному синтезу. Станет сразу ясно, что желание одержать верх и обвинения живого не убеждают. Церковь распинается в истории не для того, чтобы опорочить историю, а для того, чтобы она могла вступить в Царство благодатию креста и подвигом мучеников.

2. Структуры вселенской Церкви.

Открытие Собора должно было бы означать «прекращение огня» в полемике. И в самом деле, период подготовки к Собору должен был бы прежде всего позволить спокойно изложить свои позиции друг перед другом для того, чтобы выделить узловые проблемы и определить действительные противоречия.

Мне представляется важным методически, научно (в смысле непредвзятого исследования) изучить богословские, канонические и исторические данные, зачастую еще столь неясные. Не только для межправославных отношений, но также и для отношений между православием и католичеством важно знать, например, как единство и вселенскость Церкви выражались в первом тысячелетии и, в частности, на последних Вселенских Соборах, где именно и произошло подлинное сознание церковной вселенскости. Важно было бы также знать, как это единство и эта вселенскость выражались в византийский период и в первые века современной эпохи донацио-

нальных движений. Нужно признать, что значение вселенской Церкви и ее составных частей особенно возросло в глазах современного православия то ли вследствие того, что Православие объединялось с национальными движениями, то ли из-за смешения автокефальности и независимости, то ли из-за одностороннего развития «евхаристической экклезиологии». Антикатолическая полемика, затем современные межправославные распри, боязливая застылость одних и житейский цинизм других — помешали спокойно обратиться к Преданию. Ни в какой другой сфере неисторический дух православного мира не принес столько бедствий. Посредством крючкотворства, гораздо более мерзкого, чем столь часто обличаемое крючкотворство Рима, в голову друг друга швыряют установления, не спрашивая себя что они означают, или прикрывают якобы традиционными предписаниями фактически новые ситуации. Здесь православным надо многому поучиться у своего предания, если они желают хотя бы сколько-нибудь честно прислушиваться к нему, не для того, чтобы оправдать себя, а для того, чтобы в согласии с его духом встречать неоспоримые новшества. От подготовки к Собору следует ожидать серьезного изучения этих проблем в перспективе нового межправославного экуменизма!

VI. За новые методы подготовки.

До последнего времени подготовка к Собору страдала от множества предлагаемых тем и их противоречивости. При нынешних темпах потребовались бы десятки лет для их рассмотрения, в результате чего церковное сознание оказалось бы погребенным под грудами бумаг. Поэтому необходимо пересмотреть повестку Собора и сосредоточиться на программе точной, определенной, увлекательной, быть может того типа, на который мы указывали выше. Но подготовка к Собору пострадала по другой причине, гораздо более серьезной. Эта причина не практического, а экклезиологического порядка: фактически все осталось в руках церковного «аппарата», в доброй воле которого никто не сомневается, но о «дипломатических» интересах которого также нельзя не помнить. Число богословов, регулярно участвующих в работе подготовительного комитета, невероятно мало. Что же касается мирян, горячо преданных Церкви и озабоченных ее будущим, то никто и не помышляет обратиться к ним. При этом мы не упускаем случая провозглашать «соборность» и обличать римский клерикализм.

Тем временем у христиан растет чувство неловкости, вызванное экуменической политикой самих церковных «аппаратов», политикой, которую никогда не объясняют верующим. И в самом деле, многие ли из них знают, что их Церковь входит в Мировой Совет Церквей, что она там делает и что это означает?

Но хуже всего, если члены «аппарата» используют исследования и совещания, вызванные необходимостью готовиться к Собору для того, чтобы уже теперь принять решения относительно того или иного аспекта церковной жизни, организации или дисциплины. В таком случае произошло настоящее злоупотребление властью, ибо всякое действительное решение может быть принято только самим Собором или предварительными совещаниями соборного типа, на которых была бы представлена полнота Церкви.

При подготовке к Собору возможно будет избежать распространения схизмы «староверческого» типа, можно будет преодолеть некоторые клерикальные искушения превышением власти — истинно плодотворной она сможет стать лишь в том случае, если в нее широко включится народ Божий — миряне.

Нужно не только добиться настоящего обмена информацией, но начать прислушиваться к этому Народу. Необходимо, чтобы по краткой и динамичной программе выявлением существенного, постановкой проблем, составлением анкет и выработкой тем для размышлений занимались не только епископы, но и в тесном сотрудничестве с ними и богословы, и миряне. Только в этом случае предсоборная работа активно развернется как на уровне епархий и богословских школ, так и среди самых широких общественных кругов, среди молодежных движений, в православной интеллигенции и в конечном счете — в приходах. Православная печать, начиная с толстых богословских журналов и кончая скромными приходскими бюллетенями, должна была бы регулярно публиковать этот обмен мнениями. Всюду, где это возможно, следует торжественно открыть «Книгу Собора», чтобы в каждом приходе предоставить верующим возможность совершенно свободно вносить в нее свои предложения, критические замечания, вопросы. Ибо весьма конкретные проблемы христианского воспитания и пастырской деятельности, на которых сосредоточилась бы подготовка к Собору, непременно пробудили бы в Народе Божием «православный инстинкт».

Одновременно, в процессе подготовки к Собору, нужно попытаться освободить православную жизнь от ее провинциализма,

давая возможность циркулировать информации, относящейся к Собору, от одной местности к другой, от одной братской Церкви к другой.

Таким образом был бы организован целый ряд подготовительных собраний, в которых наряду с епископами участвовали бы священники, и монахи, и ответственные миряне. Можно было бы устраивать многообразные встречи, как местного характера, так и такие, на которых систематически собирались бы члены Православных Церквей, удаленных друг от друга, или же встречи общеправославного характера. Их можно было бы организовывать приглашая представителей братских Церквей в местные синоды или на собрание духовенства и мирян, там где они устраиваются, организуя встречи богословов, собирая священников, сталкивающихся с аналогичными трудностями в пастырской деятельности, созывая съезды организованной молодежи, например, посредством Синдесмос'а (который, как известно, приглашает студентов-богословов когда в той или иной Церкви нет молодежных движений), организуя паломничества в высокочтимые места Православия, в выдающиеся монастыри например. Созданный недавно в Афинах Межправославный центр является примером почина, предпринятого в связи с подготовкой к Собору.

В то же время подготовка к Собору должна была бы стать молитвенной подготовкой. Было бы важно, чтобы некоторые монашеские общины посвятили себя ей, чтобы верующие поминали о ней в своих индивидуальных или семейных молитвах, за каждой литургией, где можно было бы поминать не только главу автокефальной Церкви и местного епископа, но и Вселенского патриарха и всех православных патриархов. А сколько других предложений еще можно было бы сделать! Верующие сами внесут их, стоит их только пригласить...

Короче говоря, все то, что православные богословы обычно называют явлением «рецепции» должно занять свое место в этом процессе подготовки: это сотрудничество епископата и мирян, взаимопроникновение харизмы и священства, осуществление церковного общения «по вертикали» в двух смыслах, между епископатом, духовенством и народом, «по горизонтали», во всех смыслах между различными Церквами. Тогда обнаружится, что подготовка к Собору столь же важна, как и сам Собор.

Тогда не останется места для опасений и предубеждений: потому что или зародится жизнь и Собор будет ее плодом или же подготовка потерпит неудачу и Собора не будет.

⁂

Если мы упустили «ка́ирос» *) некой полноты, нынешние тоска и тревога благодатью креста могут превратиться в другой ка́ирос. Уловить его — значит обнаружить, что исторические бремена не есть фатальность. Если должно воспевать славу Божию и славу освященного человека, если должно напоминать о тайнах спасения и тем пробуждать человека, тогда линии разрывов, о которых мы говорили выше, становятся относительными. Ад ничто перед радостью Воскресения, говорил святой Исаак Сириянин. Что будет значить смехотворный ад наших разногласий, когда понадобится найти очень древние и очень новые слова, чтобы сказать современным людям, что Христос воскрес ради того, чтобы сделать их навсегда живыми. Если восточные Церкви знают, что их услышат, когда они скажут все, что им надо сказать и все, что они имеют сказать в сфере политики, почему бы им не прибегнуть тогда к своим лучшим богословам или духовным учителям, даже мало конформистским, когда речь пойдет о той реальности, которая для сильных мира сего стоит не более тридцати сребреников? Не может ли конфликт между Вторым и Третим Римом быть разрешен при посредстве Церквей более скромных, но богатых трудами и надеждами? Пусть это будут Церкви Юго-Восточной Европы, эллинистического мира, арабского Востока или Рассеяния, то есть те Церкви, которые отказываются от всякого «папизма» и глубоко почитая русскую Церковь, знают также, чем они обязаны патриарху Афинагору и какова была его заслуга в собирании Православия. И нельзя ли было бы попросить наших «старообрядцев» хоть ненадолго прекратить проклятия для того, чтобы объясниться самим (с такой просьбой обратился к афонским монахам игумен Ставроникита), затем выслушать объяснения других и, может быть, в конце концов, принять участие в строительстве дома с тем, чтобы внести в него лучшее, что есть у них самих?

Ибо ничего и не будет, если каждый не ощутит своей ответственности. Ничего не будет, если Народ Божий не сплотится в стремлении к созиданию вокруг своих епископов. Призыв покойного Вселенского патриарха, обращенный к братским Церквам во

*) каирос — благоприятный момент.

время его посещений братских Церквей, должен теперь получить отклик в самых глубинах Церкви. Любой человек, кто бы он ни был, обязан, подобно автору этих строк, откликнуться на него. Сегодня это обращение адресуется прежде всего к мирянам, которые все призываются стать богословами, оно адресуется к профессиональным богословам или к тем, кто является богословом на практике, к мужчинам и женщинам, обязанным свидетельствовать о вере и передавать ее другим, к молодежи, ко всем юным по Духу. Ибо вы тоже составляете Церковь, этот Собор, постоянно созываемый Господом.

(перевод с французского)

А. ИГНАТЬЕВ

ГЛАВНОЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ

(Заметки о книге «Магизм и Единобожие»)

Дискурсивное познание всегда идет путем формулировки и дальнейшего исследования противопоставлений существенных для данной области.

Пытаясь рационально осознать отношения человека к Богу, мы вынуждены искать основные противопоставления, характеризующие мыслимые и реализованные в истории типы таких отношений. В известном смысле необходимость рационального исследования есть свидетельство нашего несовершенства. Человеку живущему во Христе такое исследование не нужно и даже невозможно. Для него немыслимо какое-то иное отношение к Богу, нежели пребывание в Нем. Но книга, о которой мы говорим, написана для людей находящихся в миру или думающих о спасении мира. В данном случае грех не воспользоваться даром разума, который нам дал Промысел.

Философская традиция не только не помогает выделить главное противопоставление, но скорее уводит от него к побочным альтернативам. Идя от чистой философии мы начинаем с противопоставлений нехарактерных для отношения к Богу и религии. Я попробую перечислить те мировоззренческие противопоставления, которые занимают мысль нашего образованного современника.

Одно из них — это противопоставление «р а ц и о н а л ь н о г о» «и р р а ц и о н а л ь н о м у». Человеку с позитивно-научными взглядами чаще всего представляется, что отход от рационализма есть прямой путь к религии. В действительности же, отказ от рационального есть путь к «философии жизни», путь ведущий к отказу от духовного начала в человеке. Христианство не отказывается от разума, но преодолевает его ограниченность. Евангелие наполнено светом мысли и разума. Апостол Павел, св. Августин, св. Юстин, св. Фома Аквинат — это интеллигентнейшие люди своего времени, блистательно владевшие дискурсивной логикой.

Противопоставление «л о г и ч е с к о г о» и «а п р и о р н о г о» также не отличает религиозного от нерелигиозного. Религия широко использует положения логически выведенные из Священного Писания. С другой стороны, и наука имеет свои недока-

зуемые начала. В недавней дискуссии советских ученых (А. Александрова, Б. Кедрова, Ю. Шрейдера) всерьез обсуждался вопрос о наличии «догматов науки». На первый взгляд может показаться, что последний из них отступил от материализма, а его оппоненты отстаивали материализм. Но в статье П. Федосеева (Коммунист № 1, 72 г.) мы находим слова: «Наивысшая ценность для коммунистов — человеческая жизнь», т. е. прямую поддержку основного пункта статьи Шрейдера, с которым спорит А. Александров.

Столь же не информативна дилемма «о б ъ е к т и в н о е - с у б ъ е к т и в н о е». Отнюдь не только материалистическое мировоззрение признает объективное, независимое от субъекта существование реальности. Когда в христианской теологии говорится о поисках Бога путем обращения внутрь себя, то имеется в виду не отрицание объективности существования Бога, но, скорее, снятие противопоставления «объект-субъект», о растворении субъекта в объекте. Субъективный идеализм в философии (несмотря на то, что в свое время его отстаивал епископ Беркли) скорее тяготеет к научному позитивизму, чем к дуализму Аристотеля-Аквината.

Дилемма «м а т е р и а л ь н о е - д у х о в н о е» также не является определяющей. Категория духовного в той или иной форме признается материализмом, который только в самых вульгарных формах настаивает на сведении сознания к непосредственным материальным феноменам. В свою очередь религия не отрицает материальности мира — Христианская Церковь с пониманием относится к нуждам людей, обусловленным этим миром. Сам Иисус Христос заботился о том, чтобы накормить людей и исцелял больных.

Несколько ближе к делу дилемма «м о н и з м - д у а л и з м», но в столь академических терминах трудно выразить живую мысль.

Я столь долго занимался перечислением возникающих у человека дилемм, чтобы оттенить успех автора книги, сумевшего сформулировать главную дилемму. В сущности, содержание книги целиком выражено в эпиграфе из св. Августина о двух градах. Это не упрек к автору, ибо с равным правом можно сказать, что содержание любой теологической книги уже содержится в Писании. Речь ведь идет о том, как эта идея двух градов преломилась в живой истории, в нашем историческом опыте.

Я позволяю себе в связи с этим вставить небольшое эссе моего друга с моим ответом. Этот эссе написан на обороте картинки Микелино «Поклонение волхвов (королей)»:

— «Пожалуй, эта картинка лжива. Сильные мира сего не становятся на колени перед Божеством, укрытом в маленьком человеке. Впрочем, Евангелие говорит, что это были не короли, но мудрецы-волхвы. А именно, те, кто искренне искали правды. «Кто ищет, тот найдет», «кто стучит, тому отворится», — но ничего не дается даром. Мудрецы с Востока долго путешествовали и перед этим долго исследовали расположение звезд. Они взяли на себя труд и риск большого путешествия, жизненного подвига поиска и провозвествования истины. Сегодня мы тоже должны давать свидетельство истины нашим трудом и нашей верностью. А сильные мира сего будут нам противиться. Если они и станут искать правду у маленького человека, то не для того, чтобы почтить, а чтоб использовать в своих целях или убрать с дороги, если мешает. Мы можем себе пожелать, чтобы наш поклон был правдивым и дары искренними. Остальное от нас не зависит».

— «Дорогой друг! И все же художник нарисовал правду. Короли поклонились младенцу. Но это были короли не из царства кесаря, а короля Града Божьего, получившие незримые короны как награду за свое паломничество.

Они не служили сильным мира сего и уклонились от поручения Ирода сообщить ему, где родился Спаситель. Они были волхвами-служителями фальшивых богов и мудрость их привела к истинному Богу. Они дали нам пример правильного выбора в ситуациях, с которыми мы сталкиваемся повседневно. Остальное зависит от нас.»

И в книге, «Магизм и Единобожие» История человечества предстает перед нами как непрерывный поиск Града Божиего, как выбор между поклонением волхвам и поклонением волхвов. Основное противопоставление истории не в том как мы познаем (научное познание мира не противопоставлено религиозному), на что мы опираемся и чему поклоняемся.

Автор раскрывает в конкретно-исторических ситуациях как сталкиваются культ посюстороннего (будь это Природа, человек, государство или знание о мире) и культ единого Бога. Думается, что автор видит в истории древних цивилизаций Египта, Индии, Междуречья, Ханаана и в предшествующих им первобытных культурах единый процесс Христогенеза — духовной подготовки к пришествию Христа. Во всяком случае, на эту идею наталкивают его психологические реконструкции духовных вождей древности,

из которых безусловной удачей мне кажется образ Моисея — одинокого, непонятого и, в сущности, отвергнутого своим народом. Я бы осмелился упрекнуть автора в излишней историчности, проявляемой в выделении временных пластов — хронологических слоев. Неискушенный читатель может увидеть в этих пронизывающих историю изохронах эволюционную картину духа. Это могло бы затушевать основную мысль автора — предвечное существование Христа, открывавшегося всем людям во все времена, несмотря на грехопадение, отторгнувшее сынов Адама от Бога. Представление об эволюции сюда не подходит из-за отсутствия факторов, обеспечивающих неуклонный прогресс. История духа — это непрерывный свободный в ы б о р человека и это как мне кажется вторая основная мысль автора книги.

Во-всяком случае, эта мысль прочитывается в книге. А смысл истории прочитывается как разнообразие соблазнов, стоящих на пути нашего выбора и закрывающих путь ко Христу. Из них первый — это культ Матери-Природы, изначального женского лона. «Мало того, что само язычество вышло из этого поклонения Матери, ему прямо или косвенно будут обязаны своим существованием и пессимистческий дуализм, и греческий фатализм, и даже материалистическая философия.» Признание основным животного эротического начала вызывает соблазн заставить его служить человеку, обладающему духовными силами. Очень верно (и легко экстраполируется до наших времен) замечание автора, что в шаманстве впервые возникает идея победы человеческого духовного начала над материальным природным, но эта идея неразрывно сочетается с линией овладения темными силами.

Творца, создавшего мир своим словом-замыслом нельзя заставить служить человеку. Но темную эротическую стихию можно обуздать и сделать служанкой. И тут нет большой разницы между отношением к древней блуднице и сегодняшним стремлением овладеть недрами самой земли.

Второй соблазн — это культ красоты. Говоря об Ахейцах, автор пишет: «...в религии, названной Гегелем религией красоты, было много дикого и первобытного.» (стр. 378) Боюсь, что идея Достоевского «красота спасет мир» была не из лучших его мыслей. Красота, воспринимаемая не как воплощение Прекрасного, а как самоценность, как природная гармония, это ведь тоже тупик магизма.

История Египта и Ассиро-Вавилонии воплощает следующий соблазн — соблазн государственного устроительства. Очень ин-

тересно проследить за автором, как ростки единобожия, проявлявшиеся в жреческой касте Египта подавлялись чудовищным культом государства — Царства Кесаря. Нет нужды прибегать к современным аналогиям: они более чем очевидны. Интересно другое, как благородная попытка фараона-реформатора Эхнатона ввести единобожие «сверху», не ломая идеи всевластного государства, привела к провалу. Это, может быть, первый исторический пример обреченности всякой утопии о царстве Божием на земле. Опять таки, было бы совсем банально приводить современные примеры таких попыток и того, к чему они приводят. Поговорим о другом. Сейчас возникает иллюзия о том, что когда-то были христианские государства с христианской властью. Кто-то из французских королей после рассказа о Голгофе воскликнул: «Если бы там был я со своими рыцарями!» Мысль благочестивая, но иллюзорная. Там бы он, скорее всего, командовал бы одной из когорт Понтия Пилата. Христианская государственная власть невозможна и, слава Богу, так называемые христианские монархии ушли в безвозвратное прошлое. Они не были столь плохи, как утверждают их противники. Среди государей были и истинные христиане, и еще больше людей, получивших христианское воспитание. Но власть их была властью кесаря. В свои лучшие времена эта власть благоприятствовала существованию Церкви. Но не более того. Но и такому государству допустимо воздавать только кесарево, а это видимая церковь слишком часто забывала...

В истории Греции впервые проявился соблазн знания, который для нас наиболее страшен, поскольку он очень слабо ощущается как соблазн. Впрочем, здесь лучше перейти к цитате: «Противопоставить Духу заклинание, свободе — необходимость, внутреннему перерождению — науку — вот сущности Прометея. Не случайно Прометей стал на века символом богоборчества... По своей сущности наука, знание — не враг духовного начала. Она становится богоборческой лишь тогда, когда ставит свои ценности превыше всего, видит в них самоцель. Когда же она обретает свое место, то радостно и спокойно вливается в единый поток человеческого творчества, служащий высшим целям.» (стр. 274)

Кажется, что эти слова написаны не про древних эллинов, а про нас. Наше стремление поставить знание на службу человеческой пользе глубоко греховно и опошляет, оскверняет науку. Знание может служить только Истине — тогда оно чудесным образом оборачивается на пользу человеку. Попытка же «осед-

лать науку имеет те же последствия, что попытка оседлать черта. Добром не кончается. Наука-служанка уже дала атомную бомбу, загадила природу, посягнула уже на внутренний мир человека. И здесь магизм проявился в стремлении заставить служить себе темные силы бытия — одинаково пагубном для того к о м у служат и того, к т о служит. Зло само по себе не реально (в онтологическом смысле), оно становится таковым в силу магического отношения. Я думаю, что даже первородный грех не сделал человека злым, а только способным ко злу. Человек, затянутый в дурные дела, становится дурным. Вряд ли семинарист и стихотворец Сосело был злым демоном...

Наконец, последний соблазн — соблазн избранничества. Половина книги посвящена «Народу завета», пронесшего через все соблазны (которым он подвергался и поддавался не меньше других народов) светильник единобожия и приютивший в своем лоне Спасителя мира. В лице народа Израиля Яхве заключил завет с человеком. Автор глубоко прав, усматривая избранничество Израиля, не в каких-то преимущественных способностях этого пастушеского племени, а в том, что этот народ представлял все человечество, со всеми человеческими способностями к добру и злу. И сама идея избранничества оказалась соблазном — она совсем по разному преломлялась у пророков и патриархов и у царей и первосвященников. Поддавшись этому соблазну, народ Израиля отверг подлинного Царя Иудейского (в этой злой шутке римских палачей оказалась правда), не увидев в Нем Бога Авраама, Исаака и Иакова.

В момент Голгофы произошло окончательное разделение двух градов и началась человеческая история. Никогда еще перед человеком не стоял столь строго выбор между строительством града земного с его презрением к Богу и поиском града небесного. Воспоследовавшая вскоре гибель царства Иудейского на земле и диаспора иудеев — возмездие за отказ жить в диаспоре — диаспоре жителей града земного, но граждан Града Божьего. Сейчас становится реальной видимая диаспора христиан, среди жителей града земного. Видимость христианской власти на Земле кончилась. В отличие от иудейской земной диаспоры, диаспора христиан открыта. Дождаться пришествия Христа — это мало. Нужно самим готовить преображение земли и человека. Иудеи много веков ждали рождения Мессии. Истинный Мессия уже родился, воскрес и присутствует в нас.

В плане прагматическом магизм стимулирует деятельность в ущерб размышлению и осмыслению мира. Но путь христианства (в отличие от восточных религий) не есть чистое созерцание. Есть хорошие слова в православной традиции: умное делание. Это деятельность соединенная с отказом от деятельности.

В этическом плане отличие магизма от единобожия можно было бы сформулировать так. Дело не в отсутствии или присутствии в разной степени каких то добродетелей. Даже в самых мрачных и демонических религиях прошлого и настоящего и в рамках атеизма бывали честные, добрые, бескорыстные и мужественные люди. Более того высокие моральные свойства часто высоко котируются среди адептов того или иного вида язычества. Мне кажется, что основная разница этических установок магического политеизма и единобожия может быть пояснена следующей аналогией. Каждый сколько-нибудь порядочный человек более или менее осознано представляет себе, что его дела (а для христианина и намерения) накапливаются на каких-то «расчетных счетах». Так вот магическое отношение к миру состоит в данном аспекте в том, чтобы иметь побольше «сберкнижек» и прикидывать собственный баланс. Исповедующий единобожие понимает, что существен только один — главный расчетный счет. Имеет смысл собирать сокровища только небесные. Все наши добрые дела имеют подлинную оценку только в этом счете, а какое мы произвели впечатление на того или иного человека, оценен ли тот или иной из наших поступков как добрый кем-то на земле — об этом заботиться нечего. Более того, мы не в состоянии получить «справку» о состоянии главного счета. Скорее всего он в неважном состоянии и следует спешить с накоплениями. Тут не обманешь и не откупишься подачкой. Не сумеешь произвести впечатления. Со счетами здесь можно умело манипулировать. Я имею в виду не лицемерие, а «выгодное распределение вкладов». С главным счетом никто из нас не властен. Я думаю, что построить этику на единственном счете совести доступно святым. Но всем доступно понимание того, что есть единственный счет, где ты измерен и взвешен. Наоборот, стремление расширить запас своих «сберкнижек» и самому подводить итоги по ним характерно для магизма. Итак, разница этического плана в этих двух основных системах мировосприятия идет не столько в перечне или уровне достигемых добродетелей сколько в способе самооценки: грех перед людьми, обществом, идеей, законом или грех перед Богом?

В плане психологическом магизм создает у личности уста-

новку: «мне должны». Человек видит зло в том, что ему что-то недодано другими или судьбой, или природой. Христианство внушает каждому чувство вины перед Богом (в иудейском единобожии — чувство долга): «Я несу свою вину за мировое зло». Гонитель ощущает свою вину перед Богом за гонителя. Это не логично, это парадокс.

В логических категориях христианство невыразимо, поскольку оно соткано из парадоксов. Это не «срединный путь» буддизма с отказом от крайностей, но совмещение крайностей. Парадоксальность Христианства начинается с воплощения бесконечного в конечном, Божественного Логоса в человеческом теле. В личности Христа не гармония Божеского и человеческого, а парадокс — совмещения несовместимого по человеческим представлениям. Человеческую точку зрения на историю выразил Гегель: сталкивание противоположностей и разрешение противоречий в синтезе. Это путь удаления парадоксов, имя которому — смерть. Христианский взгляд на историю, на жизнь — это накопление парадоксов, приближение к Христу. Это и есть приближение к свободе. Освобождение от первородного греха купленное ценой жертвы Христа — это бремя непрерывного выбора, осознание парадоксальности жизни. Магизм точно знает ближайшие цели и потому их обессмысливает. Он отнимает свободу выбора. Единобожие отнимает призрак абсолютной ценности злободневного и заставляет выбирать. Избранность народа Израиля проявилась и в том, что поклоняясь идолам он все время не терял из виду единого Бога. История Израиля — это история непрерывного отпадения и возвращения к Богу. Зло магизма в том, что он лишает нас знания о Боге, он боится самой возможности дать человеку выбор.

И тут я позволю себе закончить цитатой:

«Магический политеизм не есть просто ошибка или иллюзия. Он есть подпадение человека под власть демонических сил, «брак» с темными оккультными стихиями и измена Богу истинному.»

ПИСЬМА БРАТЬЕВ-ЕПИСКОПОВ ИЗ ССЫЛКИ

I. Письма Епископа Германа *)

Лазарево Воскресение.

Молитвенно приветствую Вас, дорогая М-ка, М. Е. и всех сестер, какие около Вас с светлой радостью праздника праздников. Рекший женам мироносицам «радуйтеся», да дарует Свое «веселие вечное» и Вашей душе, и свет воскресения, исполняющий ныне небо и землю и преисподнюю, да отгонит от сердца Вашего все скорбное и мрачное, упокоивая душу в живом и умилительном ощущении Христа, близ нас Сущего, а в дни пасхальные независтно дающего нам предвкушение будущих благ и непрестающего блаженства.

По великой милости Господа, мирно, в постоянном посещении Его дома и принесении Ему хвалы уст прошла Св. Четыредесятница. Слава и благодарение Господу! Вот уже достигли до начала Страстей Его и уповая на Его неизреченное снисхождение, надеемся весело прославить и Его тридневное Воскресение. Как то совершенно незаметно прошла зима. И совсем она была мало похожа на суровые северные зимы. Только 2 раза за всю зиму дня по 2-3 были морозы до 40°, все время температура не падала ниже нашей Московской зимы. По реке идет сплошной ледоход. Вероятно, к Пасхе уже пойдут пароходы и приедет, думаем, много гостей. Хорошо бы, если бы нас оставили здесь. Но Г-ду лучше известно, что лучше для нашего спасения и искупления наших грехов. Только бы дал терпения и укрепления физических сил. Конечно, их стало поменьше чем было, но благодарение Г-ду, я бодр духом, да и условия жизни за этот год были гораздо лучше, чем прежде. Стараюсь приучать себя на всяком месте владычества Его воссылать Ему хвалу и, не унывая от длительности своего странничества, чаще помышлять как бы стать достойным хотя самой последней обители, но в Дому Его. Да не вотще будет труд мой.

Да хранит Вас Христос Господь.

13/26.XII-35 г.

---

*) Владыка Герман скончался мученическою смертью в ссылке на севере. Матушка, схиигумения Олимпиада Акатовского монастыря, скончалась в селе под Калининым. Более подробными сведениями о нем мы не располагаем. Письма его очень ценны как духовное руководство.

Спаси Вас Господи и помилуй, дорогая М-ка за память о моих именинах и за теплые воспоминания со благодарением Г. о нашей встрече около благов. и любимого нами Ал-дра Невского. Я тоже в нынешнем году почему-то все это вспоминал с самыми мельчайшими подробностями. Полезно вспоминать и дни древние, но не для того, конечно, чтобы потужить о том, что их уже нет, а чтобы научиться от них и утешиться милостию Бога нашего, Который и вчера и сегодня Тот-же и во-веки. Он милостив — всегда и б. м. особенно в те дни, когда мы болезнуем и считаем себя несчастными, подобно тем малым детям, которые капризничают и плачут, когда их моют, не зная того, как им будет легко и радостно, когда они станут после этого чистенькими и на них оденут праздничные одежды. В жизни истинного последователя нашего Небесного Учителя обязательно должны отобразиться в той или иной форме особо важные ее моменты и никто не может прожить без своей Гефсимании или Голгофы. М. б. для Вас наступила теперь Ваша Гефсимания, когда что-нибудь, разумею не столько внутреннее искушение (в чем чаще всего бываем повинны мы сами и наши демоны-страсти), сколько внешние обстоятельства, как-бы насильно, помимо нашей воли и часто вне зависимости от каких-нибудь наших раннейших поступков, слов и начинаний, врываются в нашу жизнь, то это явный знак, что это от Бога: «Путь Божий, говорит Ис. Сирин, есть ежедневный крест. Никто не восходит на небо, живя прохладно. А из сего узнается, что он под Промыслом Божиим, когда Бог непрестанно посылает ему печали.

Тем и отмечаются сыны Божии от прочих людей, что они живут в скорбях, а мир гордится роскошью и покоем... Во всяком деле предоставляет им Бог, по мере сил показать подвиг свой и потрудиться в молитвах. Потому попускает Бог, чтобы святые Его искушаемы были всякой печалью, чтобы опытно изведали помощь Его и то, сколько промышляет о них Бог, потому что вследствие искушений приобретается мудрость. (Ис. Сир.). Вот для этого Вам и дана настоящая обстановка и теснота и постоянные посетители и неотвязчивый контролер Ваш «пакостник плоти» и вынужденное общение с мирским. Вы иногда в нетерпении говорите или спрашиваете Его: «За что же Ты послал на меня такой крест?» И сам крест, Вашими же устами отвечает: «Не за что, а на что он Вам послан», чтобы показать мне мои недостатки, чтобы я поняла, что во мне кроется»... Думала, что люблю Бога и ближних, а теперь вижу, что нет во мне этой любви, нет самоотречения, раздражаюсь (значит есть и самолюбие и гнев и б. м. даже и гордость),

злюсь (это дар, только не Св. Духа), не могу потерпеть даже больной, (а Он праведникам скажет «болен был и вы походили за мной»), раздражаюсь даже, когда никто не раздражает, люблю только свой покой, а забываю, что и мой ближний тоже хочет, чтобы ему никто не мешал, не огорчал, ропщу, обвиняю других в немилосердии, а сам всячески хочу с себя сбросить венец милосердного Самарянина... «Может быть и смирюсь (значит, пока смирения не хватает — научится от Мене, ибо Я кроток и смирен сердцем»).

Дорогая М-ка! Да, послушайте все это! Это ведь не я, а Вы сами говорите! Это Вы сами разъясняете, сколько великих духовных благ Вы уже получили от этого своего настоящего, разумеется не особенно и не для всех легкого креста. Поймите, родная, какая дана Вам большая радость от этого креста. Ап. Павел учит своего любимого ученика Тимофея: «Вникай в себя и в учение, занимайся этим постоянно, ибо так поступая и себя спасешь и слушающих тебя», а Вы не только вникаете в себя, но и увидели кое-что и больное, б. м. случайное, но все же как нарост и болячка, но приставшее к Вашей душе. Когда идем куда-нибудь, где должны быть в полном порядке, то внимательно осматриваем себя с ног до головы и как бываем благодарны зеркалу, что оно облегчает нам эту работу. А мы ведь собираемся на вечерю к небесному Жениху и как нам надо благодарить Его за то, что Он нас поставил в такие условия, что мы увидали мельчайшие пятнышки на своем сердце. Какая это великая радость! Какая это великая милость Божия увидеть самого себя! Кто сподобился увидеть самого себя, тот выше сподобившегося увидеть ангелов, говорит пр. Ис. Сирин. Конечно, без смирения, а Бог дает его всем независтно, трудно мириться с этим крестом, но если смиренно будешь думать о себе, говорит Авва Пимен, то найдешь покой везде, где бы ты ни был. Тем и благодетельны испытания, что скорби их рождают смирение. «Если стремишься к добродетели, то предай себя на всякую скорбь. Кто без скорби пребывает в добродетели своей, тому открыта дверь гордости — вот как учат нас те, у кого слово было делом. Тот же Исаак, которого я очень полюбил за сокровищницу его богатых духовных мыслей и подвижнического опыта, говорит, что ничто так скоро не избавляет монаха от беса гордости и нечистой страсти, как посещать больных, одержимых скорбию плоти. Конечно, не легко быть все время на людях, но теперь для того нас Господь и лишил уединения, чтобы мы через общение с мирскими увидели свое мирское настроение, но отнюдь не для того, чтобы

мы всячески сторонились тех, кого Он дал нам для наших ближних. Для многих служит достаточным побуждением, говорит Златоуст, к дружбе не только то, что имеют общий стол, но и то, что они из одного города, а мы, у которых град и дом, и стол, и путь, и дверь, и корень, и жизнь, и Глава и Пастырь и Царь и Учитель и Судия и Творец и Отец — все общее, какое будем иметь извинение, удаляясь общения друг с другом. Конечно, здесь нужно большое терпение. Но Вы прошли уже хорошую школу терпения и Вам ли надо напоминать, что всякое тесное обстоятельство и всякая скорбь, если нет при них терпения, служат к сугубому мучению, потому что терпение отражает бедствие, а малодушие есть матерь мучения. Терзание их есть матерь утешения и некая сила, порождаемая широтою сердца. Человеку трудно найти такую силу в скорбях своих без Божией помощи, обретаемой неотступностью молитвы и излиянием слез (Ис. Сир.). Просите и дастся вам. — Вот «колицыми книгами» написал Вам. Да будет это все Вам к одобрению и спасению. Взаимно молитвенно приветствую Вас и сущих с Вами с В. Праздниками. Да будет мир Божий и радование Его благоволения с Вами. Пока у меня все по прежнему. Стали только вместо двух ходить к благодетелю три раза. Это хорошо. Лишний разок пройдешься по свежему воздуху, лишний раз из глубины пути вздохнешь и легче будет встретиться с воздушными контролерами. А. Н. на днях кончил и уезжает. На всех нас он произвел хорошее впечатление и один случай показал его глубокую преданность своему делу и благородство души его. Всегда можно ошибаться в человеке. Будем молиться, чтобы Господь исправил путь каждого из нас и примирил нас друг с другом ради Торжества Его истины и любви. Мой привет и благословение всем сестрам и Вашим домашним. Христос с Вами.

№ 2. 15/XII-36.

Взаимно молитвенно приветствую Вас с Светлыми Праздниками. Да утешит и Вас Христос тем миром, какого не знает мир и да успокоится Ваше сердце от всего, что мешает Вам с душевной теплотой больше пребывать в лучах Солнца Правды, чем быть среди сумрака забот и тревог мимотекущей жизни. Передайте мой привет и бл. живущим с Вами сестрам. Спасибо Саше за гостинец, какой мной получен, но вообще посланное таким способом часто пропадает и лучше делать это проще или передавать для меня Т. Как относиться к снам Вы знаете. Безопаснее им не доверяться и

лишь принимать как выражение нашего душевного и физического состояния. Мне кажется пригрезившееся Е. К. говорит только о том, что около нее много всякой нечисти и если она будет забывать обращаться к Кому следует, то эта нечисть может ее захлестнуть. Видение, конечно, имело своею целью показать, как близко около нас и смерть и истязание воздушных мытарей и только благодать Божия и заступничество тех, к кому мы прибегаем, может спасти от внезапности искушений и страшного часа. Думаю, что слишком дерзновенно думать, что это была М. Б. Недавно умер один знакомый мой Епископ. Когда я начал свою службу в Пскове, он был ключарем Собора, и рег. арх. хора. Арх. тогда был Арсений, впоследствии митр. Новгор., а потом Ташкентский, где не так давно (нет еще года) он умер. Ключарь перешел к нему в Новгород, где потом и стал викарным епископом. Он готовился служить в день своей смерти. В ночь перед службой во сне приходит к нему М. Арс., взял его за руку и сказал: «пойдем на суд». Он проснулся, задумался, но все же стал готовиться к служению. Вскоре почувствовал недомогание, служить не смог, и слег в постель. После службы его пособоровали и причастили и в 5 час. вечера этого же дня он скончался, по мнению врачей от разрыва сердца. Вот дал бы Господь такую блаженную кончину. Игн. Брянч., на основании писаний Св. Отцов, говорит, что «внезапная смерть не случается с людьми, желающими очистить себя покаянием, хотя бы они по временам и побеждались своими немощами». Хотите этого и Вы, а потому храните это желание и все о чем пишете, считайте за крест, какой смиренно носите , не малодушествуя а непоколебимо веря в Того, Кому себя уневестили. Вы хорошо сказали, что у Апостолов, оставивших Господа во время Его страданий, «малодушие не пересилило любви», будем и мы всегда просить Его, чтобы ни соблазны мира, ни испытания, ни малодушие не осилили нашей веры в Его благой Промысл и любви к Его истине.

Т. *) мечтает, что отец маленькой не только приедет к ней в гости, но и останется жить, т. к. иждивенцев прописывают. Но мне пишут из Ленинграда сестры, с какими я путешествовал на юге, что прописывают только отца, мать, брата, сестру и только. Пока не разочаровываю маленькую, но мало верю в ее мечту. Не знаю, как Господь все устроит. От Него направляются стопы человека и Его прошу, чтобы указал путь, каким надо итти. Самому решать этот

*) Т. — Татьяна инокиня, послушница В. Г.: Она же "маленькая". Отец "маленькой" — епископ Герман.

вопрос — страшно трудно. Пока у нас все мирно. С каждым днем будет сильнее чувствоваться приближение праздников. Хотелось бы их провести без всякой суеты и огорчений. Нынешний сочельник особенный... Многие ли не постыдятся Его пред человеками? Да хранит всех Вас Христос. Мир Вам.

Канун Успения М. Б. 1936 г.

Милость Божия да будет с Вами, дорогая о Господе М-ка! Спаси Господи за весточку. Помоги Вам М. Б. в скорбях Ваших. Мы всегда по немощи нашей возмущаемся ими, забывая, что нам ясно сказано, что в мире, где мы теперь живем, будем иметь скорбь. Св. Отцы говорят, что скорби — печать избранничества. Если бы мы были духовны, то должны бы не только без смущения, тем более уныния и ропота, а с радостию встречать и терпеть находящие скорби. А мы всегда унываем и печалимся, что нет у нас покойного и беспечального жития. Не знаю как Вы, а под этим покоем всегда мыслю житейское беспечалие: квартирка, дрова, продукты и т. п. А про этот покой Отцы говорят, что он самый главный и коварный враг инока. Надежда покоя во все времена — говорит Исаак Сирин — заставляла людей забывать великое благо и добродетели. Если человек небрежет о Цар. Неб., то скорее всего по надежде малого здешнего утешения.

Вы скорбите, что жизнь Ваша шла и теперь идет и складывается не так, как хотелось бы Вам. Как это подчас бывает тяжко, я знаю, как часто это раздражает против людей, а часто ожесточает даже против Бога, к сожалению мне тоже знакомо. Но надо нам, хотя бы в единодесятый час нашей земной жизни стараться научиться жить по мудрой народной пословице «не так живи, как хочется, а как велит Господь». Не желай, говорит Авва Дорофей, чтобы все так делалось, как ты хочешь, но желай, чтобы оно было так, как будет (т. е. как устраивает Г.) и так обр. будешь мирен со всеми. Указывать Б.; так и так меня спасти невозможно, п. ч. спасение как дар Б. выше постижения человеческого. Посему желающий спастись должен просить себе спасения как неизреченной милости Божией, предавая себя вполне воле Божией (Игн. Брянч.). Бог приводит человека к дух. целям такими путями, которые по внешности имеют характер неприятностей и несчастий. Смиримся пред этой благой ведущей нас ко спасению десницей Бож. и одно только всегда будем вопиять Ему от сердца: «ими-же веси судьбами спаси мя».

В отношении родных по плоти нам даны примеры и указания в житиях древних. Как знаете, они более склонялись к отказу от длительного общения с ними и отнюдь не поощряли особого ухаживания за ними. Думаю, Вы не особенно погрешите, если не будете особенно привлекать к себе тех, кто «против». Их не переубедите, а с ними расстроитесь. А к чему? Разве это Ваш долг? Мне кажется, Вы не погрешили, отпустивши А. к сестре, чему она и сама не противилась и к чему подошли обстоятельства, каких Вы искусственно не создавали. Конечно, обращать много внимания на упреки В. не приходится, п. ч. она мыслит по житейски, а не так, как нам заповедано. Здоровье Р., как Вы его описываете, кажется куда хуже, чем то нездоровье, в каком она была у Вас. Неужели так ожесточилась ее душа, что ей стало чуждо все, чему принесена в жертву и молодость и отданы лучшие и самые высокие порывы души? Да избавит и ее и нас Г. от этого окамененного нечувствия. Жаль, что телесные Ваши недуги препятствуют Вам посещать любимый уголок. Это огромное лишение. Но разве Вы не могли бы с палочкой при помощи других дойти до уголка? А там все время можно сидеть. Ваша рана, вероятно, такого же происхождения, как и у моего сожителя. Это от закупорки вен. Ему помогают теплые ванны из некрепкого раствора марганцовки. Помогает и ихтиоловая мазь. Ногу, конечно, надо забинтовывать на день, когда Вы ходите, и на ночь давать отдохнуть от бинта. Как знаете Лествичник называет болезни — «отраднейшим подвижничеством». Все духовные требования к болящему сводятся гл. обр. к трем основным: терпи, благодари и молись краткими молитвами. Да поможет Господь приготовиться в путь бол. м. Аполлинарии. Об этом пути всегда надо помнить, а нам пора уже помаленьку и собираться. По утешительному убеждению Игнат. Брянч. «Б. верен и никак не лишит спасения того человека, который желает спастись. Он не пошлет преждевременной и безвременной смерти такому человеку, но даст ему время на приготовление. Надо бояться не телесной, а духовной смерти, избавлением от которой является милостыня. Хорошо бы и м. Аполлинарии располагать к этому, пока она жива. Это облегчит ей переход от здешнего к тамошнему и будет лучшим средством избавиться от воздушных мытарей. Пока у меня все по-прежнему. Тревожусь только о московских дочках и Т., какая осталась без угла. Да будет Хр. с Вами, ободряя, утешая и исцеляя Вас. Прошу с. м.

3/1-35.

Взаимно молитвенно приветствую Вас, дорогая М-ка и живущих с Вами сестер с великими праздниками Христовыми. Его ясли да научат нас смирению, вертеп — не бояться бедности и убожества, пастухи — простоте и незлобию, волхвы — подчинять свое мудрование и все земные познания мудрости Евангельской, звезда — ходить в свете просвещенной Его благодатью совести, ангелы — взаимному миру и славословию, Иосиф — праведности, а Дева Матерь непорочной чистоте и целомудрию, которые не только видят Бога, но и воспринимают Его в себе. Все ближе и ближе праздник. Церковные песни уже видят грядущую к Вифлеему Деву, подготовляют к торжеству пастырей, собирают хоры ангелов, торопят от Персиды мудрецов востока и ужасаются безумию Ирода, замышляющего убить Христа. Они уже полны предпраздненственного ликования и зовут к нему небо и землю. Как и чем откликнется на этот зов наша душа? Найдется ли место около Его колыбели нам, бедным любовью и смирением, бессильным в своей слабой вере и решимости итти к Нему, как бы долог и тяжел не был путь?! Когда-то были Им сказаны полные глубокой нежности и светлых обетований слова: «Вселюсь в них и буду жить». Возможно ли это для нас и нам ли это сказано?! Нам... и возможно. Какая радость! Какая радость стать Его учеником, чадом Б. Какая радость осветиться Его кротостью и беззлобием, просиять его чистотою, стать носителем благоухания от Его святыни и любви, живя в миру стать «не от мира», отречь себя от его скверны и победить его похоти и холод суеты теплотою веры и добродетелей! Узки врата к этому, тесен и тяжел путь; «много скорби праведнику», но только чрез них сострадая Ему и сраспинаясь с Ним можно войти в нездешнюю радость Его мира. По Его неизреченной милости я пока благополучен; здоров больше, чем полезно и бодр духом. Да утешит и Вас Христос Своею благодатной силой, немощныя врачующей и оскудевающее восполняющей. Да устроит Господь М. Е. и Сашу. Благоволение Его, милость и мир да будут со всеми Вами.

День преп. Антония К. П. 36 г.

Мир Вам, дорогая о Господе Матушка! Пользуясь отъездом в Вашу сторону маленькой *, чтобы с ней послать привет ко дню чтимой Вами блаж. диакониссы Олимпиады. Да утешит Вас в теперешней Вашей жизни образ этой добровольной мученицы и подвиж-

*) "Маленькая" навестила В. Г. на севере.

ницы, променявшей покой и довольство сытой и богатой жизни на дела милосердия и служения Ц. Б., на муки сострадания к обиженным и гонимым и, наконец, на скорби и лишения изгнанничества и смерти на чужбине. Наши письма разошлись и мое письмо к Вам пришло, очевидно, одновременно с Вашим ко мне. Я не спешил Вам отвечать, п. ч. во многом посланное письмо к Вам отвечало на Ваши недоумения и скорби. От них никуда не убежишь и чем мы рьянее от них огораживаемся, тем назойливее они нас преследуют, п. ч. только терпение, а еще вернее и благодарение Богу за них умеряют их напор на нас. Убегать от скорбей, по мнению Отцов, то же, что убегать от спасения. Это тот огонь, каким должна осолиться жизнь каждого, кто хочет наречься чадом Бож., кто стремится к тому, чтобы жизнь и дела его стали благоугодной жертвой Богу. Вы к этому стремитесь, а отсюда вытекает и образ Ваших отношений к Р. Ясно, через нее испытывается Ваша любовь к людям, Ваше смирение, незлобие и т. д. Так Вы и смотрите на нее, как на своего рода земное мытарство, как на искушение, какое надо преодолевать силою Бож. в духе заповеданной кротости. Оно указано определенно нам, как обязательный пример для подражания. Христос пришел послужить нам и омывая ноги учеников Своих, что делали рабы, прямо указал, что этим Он дает нам образец («образ») нашего отношения к людям. Помоги всем нам Христос в терпении спасать души свои, смиряясь друг перед другом, уступая во всем, что безразлично или не вредит спасению, сострадая и ожидая за все скорби и лишения воздаяния в царстве неувядаемой славы и невечернего дня. Маленькая кое-что рассказала мне про жизнь сестер. Не многим удалось быть при уголках и эти, конечно, более счастливы, чем другие, какие боялись в свое время стать на эту работу, оберегая покой свой, а в итоге ни телесного, ни дух. покоя. Видно надо прежде всего и во всем стараться исполнять заповеди, данные, как единое на потребу, а «остальное», если не сразу, но все же приложится, а главное будет внутренний мир, без чего никакое изобилие не дает удовлетворения. Пока по милости Б. у меня все по-прежнему. У нас стоит чудесная погода. С Рождества Предтечи пришли обильные дожди, все отдохнуло, зелено, свежо и благоуханно. Я купаюсь и сплю на свежем воздухе. Но самая большая радость это возможность каждый день бывать у Матушки и приносить «хвалу уст». Передайте мой привет всем Вашим сестрам. Да хранит всех вас Г-дь Своею благодатью. В терпении будем стремиться спасать души наши.

Канун Владимирской 1936 г.

Благодать Г.Н.И.Х. *) и Отца и причастие Св. Духа Утешителя да будет с Вами, дорогая Матушка, и сущими с Вами. Вот прошли уже все великие праздники, завершенные Пятидесятницей и идет седмица Св. Духа. А я, сначала из-за распутицы, а потом, поджидая весточки от Вас, пропустил все сроки и только теперь молитвенно приветствую Вас с великой милостью Бож. Как струя чистого свежего воздуха, ворвавшаяся в зараженное всякими испарениями и смрадом темное и сырое подземелье, так и эти святые дни и благодать их для нашей жизни. Это ли не милость Б. и радость среди всех скорбей и невзгод?! Как далеко ни ушли мы сердцем и жизнью от всего того, что вспоминается в эти светлые дни, как ни огрубела наша душа, стала нечуткой, неспособной воспринять их таинственные силы и ощутить в их радости зачатки «божественного веселия» невечернего дня, а все же без них нам нечем было бы дышать и жить. Поэтому, когда Господь дал нам здесь мирно, утешаясь прекрасными службами в уголке нашей Матушки *) провести всю душеполезную Четыредесятницу и с великим торжеством, при постоянном обилии гостей, встретить все великие праздники, начиная с Пасхи, это почувствовалось с особенной силой. Еще перед Пасхой начался отлет от нас нашей молодежи, гл. обр. москвичей **). После Пасхи с пароходами уехали в Ваши края и остальные. Большинство из них были очень близки к Папе Маленькой и с ними он сам молодел душой и заражался их горячностью и любовью к Тому, в Ком свет и жизнь. С последней партией уехал и известный Вам Зосимовский Исидор, некоторое время подвизавшийся в Ак. Они поехали через Вологду, чтобы по-

---

*) Г.Н.И.Х. — Господа нашего Иисуса Христа.

*) "В уголке нашей Матушки" — храм во имя Божией Матери Казанской — с. Кочпон.

**) "Отлет от нас нашей молодежи", гл. обр. москвичей" — духовные дети В. Г.

"Уехали остальные" — в числе их и я. "Были очень близки к папе Маленькой" — речь идет о нас.

Зосимовский Исидор ехал с нами. Ехали через Вологду мы четверо. "Двое из самых близких" — послушник Петровского монастыря Владимир и я были у "болящего" — архиепископа Варлаама, брата родного епископа Германа. Арх. Варлаам умер в тюрьме в Вологде.

Со слов "маленькая комнатка" — это выдержка из моего письма к В. Г. "Интересовался жизнью брата", т. е. епископа Германа.

Посоветовал ему больше заниматься внутренним миром — писано мною по указанию арх. Варлаама.

видать болящего... Двое из самых близких были у него. Маленькая комнатка с грязными обоями, отделенная от хозяев тонкой перегородкой с занавеской вместо двери. Бедно покрытая кровать, около нее столик и два других стола у стен. Вот и вся ее обстановка. Пишут, что он худой, бледный и совершенно седой. Чувствуется скудость, как им показалось (это так и есть), приятная для болящего. Он принял их очень ласково, интересовался жизнью брата и посоветовал ему больше заниматься внутренним миром, чем делами внешними, хотя и добрыми. В этом тоже много правды. Дал им духовные советы и очень их утешил. Спаси его Хр. Он доволен своею болезнью, приковавшей его к кровати и сделавшей его почти затворником. Я сам глубоко верю в промыслительность этого; это спасает его от утомительных передвижений и несомненно помогает ему еще больше накопить то дух. тепло, какое так нужно в наше холодное время. Его брат пока живет в тех же условиях. Вы вероятно знаете про болезнь *), какая захватила его близких. Для него это великая скорбь, хотя все случившееся не без воли Б., какая лучше нас знает как надо вести каждого человека к его конечной и вечной цели. А как милует Вас Г-дь? Я о вас ничего не знаю, кроме как из маленького Вашего письмеца к Т., недавно ко мне пересланного. «В терпении Вашем стяжите души ваша». Да хранит Вас Хр. Привет и бл. сестрам.

12/XI-34 г.

Сердечно благодарю Вас, дорогая Матушка за привет и пожелания к моему тезоименитству. Очень бы хотелось, чтобы Господь за Ваши молитвы дал мне душевный мир. Это Вы мне желаете и это особенно мне нужно. Все же остальное, что Вы мне желаете и все великие названия, какие даете, отношу к Вашей любви, но отнюдь не к себе. Если и можно назвать меня страдальцем, то только в том смысле, что все время страдаю от своего нерадения, плотоугодия и многоразличных страстей. Несомненно Господь и меня и всех моих братий для того и ставит на путь, каким давно идет Папа Маленькой Т., чтобы светить своей верой, терпением, кротостью и любовью, но я со всей искренностью могу сказать, что чем дальше идешь этой дорогой, тем больше убеждаешься в своей крайней привязанности к миру, в своем маловерии, несдержанности, холодности сердца, внутреннем непостоянстве, дух. лености и многом

*) "Знаете про болезнь" — арест.

другом. Уж если этот путь, ведущий в жизнь, мало исправляет, то что же будет, если действительно получишь возможность подвинуться ближе к Вам. Я думаю, что иждивенчество будет равносильно добровольному отходу от того дела, которое я так люблю. Да если бы и дали дело, то разве есть надежда, что заслужишь что-либо иное от своих чад, чем мои собратья? Если бы, паче чаяния и можно жить у Маленькой, то там нет самого главного, чем утешает нас Господь здесь. Там еще заметнее станешь тем пятном, какое раздражает сынов века сего. Если прежде не было никакого блаженства идти за горьким, то за сладким — целый подвиг и мука. А если мой жребий заключается в затворе и молчании, о каком усиленно говорила мне одна блаженная прозорливая старица, когда я отдыхал год в Ар., то здешние условия гораздо благоприятнее для этого, чем где-либо в другом месте. Поэтому у меня нет не только огнепального, но и вообще обычного желания итти даже на комиссию, какая будет через несколько дней. Думаю, что не получу и необходимую категорию. Но вероятнее всего все же пойду и если паче чаяния получу «вторую», то только к весне начну все остальное. Получившие вторую два месяца назад и представившие поручительства, все еще здесь; с ними обычная, хорошо нам знакомая канитель: «приди сегодня, приди завтра» и т. д. Вот и не хочется добровольно итти на эти мытарства, ни тем более на те, о каких пишете Вы. Помоги Г-ди Вам. Глубоко благодарен Вам за гостинец. Меня это особенно трогает, п. ч. все, что по любви — не малое, а великое и вечное. Да поможет Господь Вам келейничать так, чтобы быть Марфой для работающих и Марией для своей души и спасения. Когда я был в Средней Азии, то для своих я не только устроил Сион и нес заботы о нем, но очень часто помогал им в житейском: ходил на базар, закупал продукты, дрова и т. д. И, однако, эта суета для других и во имя любви сделала то, что я почти всегда чувствовал необычайную душевную легкость, внутренний мир и сердечную теплоту и умиленность в молитве. Полагаю, что такова награда всякому кто помнит и по силе выполняет заповедь Господа. Радуюсь, что С. и А. около Сиона. Как счастливы все, кому Господь дал эту радость. Им более чем кому надо помнить завет Дмитрия Ростовского: «с утра в молитве будь Серафимом, в делах Херувимом, в обхождении Ангелом». Спасайтесь все о Господе и помолитесь о мне нерадивом. Пока у меня все благополучно. Мир Вам.

День Скоропослушницы.

Молитвенно приветствую Вас, дорогая М-ка с светлым праздником Скоропослушницы. Да услышит Она сокровенные вопли и боли Вашего сердца и дарует скорбь Свою и благодатную помощь. Сердечно благодарю Вас за привет, Е. А. С. и Любу за память и гостинец. Вы сами пишете, что он есть выражение их «большого усердия» и «любви», а всякое выражение любви трогает душу, тем более, что все это не ради меня, а ради Г-да. Да воздаст им Господь вместо их телесного духовными Своими дарами: прежде всего укреплением в терпении, смирении и уповании на Промысл Божий, Который всех ведет, хотя и разными дорогами, к спасению. Хорошо понимаю Вас, М-ка, как Вам тяжело и с б-ой Р. и с народом, как Вам хочется и отдохнуть и сосредоточиться, но думаю, что не без воли Б., что к Вам идут и Вам бóльшее время приходится быть не одной. Если бы шли только ради времяпрепровождения для празднословия или иного чего малоспасительного, то тогда, конечно, надо-бы принять меры, чтобы пресечь это и оберечь себя и чужие души от языкоболия, от которого множество грехов и великое опустошение для души. Но к Вам идут за духовным словом, ободрением, утешением, и здесь надо быть сугубо осторожной, чтобы свой покой не возлюбить больше заповеди Господней, заповедывавшего нам всегда отрекаться от себя и итти за Ним, взявши тот крест, какой Он Сам накладывает на нас в ту или иную пору нашей физической и духовной жизни. Быть с Р. *) конечно крест, но если его примете ради спасения своей души и ради того, чтобы Р. что не сделала с собой в другом месте, то услышите: «болен был и походили за мной». Как ни ненормальна Р., но она почему-то боится итти от Вас. Думаю, что ее душа инстинктивно жмется к Вам, п. ч. чувствует, что ей в другом месте с другими людьми не одолеть ни тоски своей, ни отчаяния. Конечно, если уж совсем нет сил оберегать ее от злого искусителя какому попущено б. м. перед скорой ее смертью искушать ее, то надо попросить взять ее в психиатрическую лечебницу. Если нет такой возможности и нет человека, который ради Господа походил бы за ней на ее квартире, то потерпите ее, не опасаясь ни за свои телесные, тем более духовные силы. Конечно, в ее болезни валерьянка мало пригодна, нужен бром или что-нибудь в этом роде, а еще лучше почаще прибегать к лекарству Ап. Иак., тем более, что оно действует не только на физические корни болезней, но и на всю психику, сни-

*) Р — Матушка Рафаила — душевнобольная.

мая с души даже забываемое, но не сознательно от «свидетеля» утаеваемое. Почему утаивалось? Вероятно, от стыда пред человеком, по гордости и бесстрашию пред Богом и той страшной расплатой, какая рано или поздно постигает человека и разит его здесь мучительными нравственными состояниями (что часто и ведет к искреннему раскаянию), или там бесконечными муками. Да исцелит Господь душу Р., а наш долг молиться, чтобы Господь не попустил врагу насмеяться на ней. Когда у нее бывают просветы, надо энергично убедить ее пойти к свидетелю, или даже пригласить на дом с тем, чтобы она обязательно рассказала все утаенное и воспользовалась после этого животоворными водами от Источника бессмертного. Да поможет Вам Ваша Скоропослушная Мать всех христиан и наипаче подражающих Ее чистоте. Относительно «гостей»... Конечно, они приезжают не для того, чтобы таскать воду, колоть дрова или исполнять неотложные работы. Но думаю, будет невредно для Вас, когда особенно взаимная беседа начинает больше походить на празднословие, попросить помочь Вам в чем нужда. Мы мало прежде умели жить началами взаимопомощи, но теперь надо к этому приучать и себя и других, и только совсем неразумная не поймет, что это и естественно и должно. Ведь к Вам приезжают главн. образом сестры, и думаю каждая с любовью принесет воды, поставит самовар, поколет дрова. А Вам, когда с ними утомляетесь, не грех прилечь, а их попросить почитать что-нибудь назидательное, или хоть немного вместе помолиться. Если можно так делать, то и физически не будете переутомляться и, тем более, не будут остывать и окаменевать сердца. Теперь каждому из нас надо особенно хранить внутреннее сердечное тепло и, видя и слыша про ужасы и падения свои и близких, нам чаще вздыхать по Господу и окаевать себя. Все это наши детища: брошено когда-то м. б. очень давно легкомысленное слово, допущена какая-нибудь вольность в обращении, брошен на кого-нибудь взгляд или даже просто зажглась искра страсти и т. д., все это б. м. и забыто и в самих себе изжито, а оно пошло бродить по свету и слабым душам и часто к нам, виновникам дурного, приходит и уже пришло в тех мерзостях и нравственных ужасах от каких мы достойно и праведно страдаем. Когда что-либо из этого видим или о том слышим, будем всегда вопрошать свою совесть: «не я ли, Господи?» О смерти О. В. слышал от маленькой. Я надеюсь, что Любочка, Бог даст, освободится от излишнего надеяния на свой разум, что никого не приводило (в дух. жизни) к добру, и будет мыслить о себе

так, как надо ученику Христа. Еще Премудрый Соломон говорил: «надейся на Господа всем сердцем твоим и не полагайся на свой разум», а Новозаветное Слово дополняет его и предостерегает, что кто почитает себя чем-либо, будучи ничто, тот обольщает сам себя. (Гал. 6,3). Да поможет Господь в работе Вашей. Е. Я. согласен с Вами, что лучше не ездить по торжественным собраниям, а сидеть дома, довольствуясь скромным уголком, куда ходите по праздникам. По Милости Господа пока у меня все слава Богу. Мой день очень меня утешил всем. Самое трогательное в том, что в этот день мне подарили здесь старинный крест со многими частицами, среди которых Св. Ник., Св. Гар. и многих других. Обычная будничная служба в Сионе *) превратилась в праздничную и думаю, что это оттого, что в храме оказались в своих честных останках именитые Граждане Небесные. Все это меня очень утешило. У нас в продаже есть почти все. Можно посылать деньгами. Да хранит Вас Христос, Вам, всем Вашим мир и благословение Божие.

22/X-35.

Сегодня после обеда наша письмоносица принесла Ваше письмо. Спаси Господи за весточку о себе и добрые чувства и пожелания. Я благодарил бы Господа, если бы хоть немного был таким, каким кажусь Вам. «Венец старцев многосторонняя опытность и хвала их — страх Божий» (Сирах). По летам и годам иночества, казалось бы, пора быть уже старцем, а до сих пор нет ни опытности, т. к. не было духовных подвигов, нет ни страха Божия, п. ч. тогда не было-бы постоянной рассеянности и неисправимого нерадения. А если что и есть, то что все наши добродетели без смирения? Не более как пыль, уносимая первым дуновением гордости (митр. Филарет). Вот наша беда, что учим других и знаем, что все должно начинаться со смирения, все должно им оберегаться, что оно является тою «солью», какая должна осолять все приносимое нами Богу, а сами почти не чувствуем его благодатного веяния в себе, п. ч. далеки от всего, что его воспитывает. Правда, есть надежда, что самый путь, которым Господь ведет меня, в конце концов приведет к Нему, п. ч. все на нем бывающее смиряет. Но у меня еще далеко нет того, что является его преддверием. Чем ближе подходит чело-

*) ..."служба в Сионе" — храм в с. Кочпоне.

век в своем внутреннем делании и настроениях к Истинному Свету, тем больше и больше открывает в себе темных сторон и притаившихся во мраке духовной лености и греховности страстных навыков или наклонностей. Именно, как пишете Вы, «с каждым днем все больше и больше чувствует свою никуда негодность». Это значит, что стал понемногу светить в нашей совести Свет, Которого не сможет уже объять никакая греховная тьма, раз мы сами искренно желаем от нее освободиться. Не надо нам забывать, что и с духовными нашими немощами бывает то же, что и с физическими болезнями. У каждой болезни есть свой период, раньше которого никогда не наступает кризис и не может быть выздоровления, как бы ни искусен был врач и ни хотел этого сам больной. То же и с нашими духовными немощами. «Бог производит в нас и хотение и действие по Своему благоволению» (Филипп. 2). Потому и великий апостол языков все приписывает Богу. «Я тружусь и подвизаюсь, говорит он, силою Его, действующей во мне могущественно», поэтому не надо падать духом, потому что не изжиты у Вас тяготящие Вашу совесть и душу немощи, хотя всячески Вы хотите переломить себя. Значит не пришел еще для этого час воли и милости Божией. Надо, следовательно, еще и потужить, и помолиться, и поплакать, и потомиться, сугубо ощущая свой грех и необходимость все побеждающей благодати Божией. Сравнительное уединение и безмолвие, в каком Вы теперь живете, тоже будет помогать в этом стремлении к духовному здоровью. «Безмолвие, как говорит Ис. Сир. умерщвляет внешние чувства и возбуждает внутренние движения». Конечно, Ваши повседневные занятия нельзя назвать «занятием внешним». Не на этих занятиях сосредоточены интересы и цели Вашей жизни, не в них Вы полагаете смысл Вашей жизненной миссии и потому надо стараться, чтобы они не выходили из своего чина, как необходимого дела для поддержания тела, не вытесняли самого главного и были тем физическим занятием, каким занимались и отцы, чтобы дать некоторый отдых себе от напряжения молитвенных подвигов и других дел, ведущих к благочестию. Больше надо помышлять о небесном отечестве и о том Чертоге, для которого необходимо еще здесь приготовить подобающее одеяние, чтобы не оказаться недостойной Вечери. Не к нам ли должен быть отнесен призыв древнего пророка Сафона: «Взыщите Господа, взывает он, все смиренные земли, исполняющие закон Его. Взыщите правду, взыщите смиренномудрие, может быть вы укроетесь в день гнева Господня». Если

мы еще далеко не смиренные, то смиряемые; таких он и разумеет и им-то и указывает ту защиту от бед и одержащих их скорбей и искушений, которую никогда не сможет осилить вся злоба и соблазны мира. В этом стяжании кроткой Христовой праведности и живой воды чистого смирения, да и поможет нам Господь. Маленькая устает от своей работы ночного сторожа и все никак не может понять, что нельзя ей жить вместе с отцом и гл. обр. от этого расстраивается и обижается на других. Варл., видимо, совсем стал инвалидом: не может ходить более нескольких минут от крайней утомляемости сердца. Я пока здоров и благополучен. Да укрепит вас всех Господь Своею благодатию.

Мир Вам.

Канун Митр. Филиппа М.

Милость Божия и утешение от Духа Св. да пребудут с Вами, боголюбивая М-ка! Спаси Господи за письмо с конвертиком от М. М. А. и С., которое в полной исправности получено сегодня мной. Очень благодарю Вас за пожелания. В моей жизни как будто не было особенных бед и горестей, если не считать (а это есть действительное несчастье) многих грехов и страстных навыков, которых с удовольствием бы отпустил в вечность, а вот мира и спокойствия душевного, какого желаете мне, действительно у меня мало. Вернее всего от гордости, какая боится и своей тени, или от маловерия. Вера, какая все время, как евреи в пустыне, искушает Господа и испытывает Его, плохая вера. Только вера, согретая теплой любовью ко Господу и Его правде, только эта вера крепка, стойка и мужественна. Конечно, как постоянная духовная сила она дар Божий и стяжать его да поможет нам Господь. Что касается красоты, то у всех людей, если не одинаковая внешность, то душа несет на себе печать Божией красоты. И если не увидим, что портит или искажает эту красоту, то никогда и не достигнем того преподобия, без которого, пожалуй, нас не признают там за званных на Вечерю. На земле оно у нас смешано с «высоко», а это все надо оставить, чтобы увидеть кроткого и смиренного сердцем. Вот для этого и посылаются нам те искушения, какие случались и с Вами, дорогая М-ка, в связи с Вашей болезнью и блажью Р. Этот случай, конечно, и смирил Вас и показал какие искушения могут с нами быть при смертном часе. Ведь едва-ли нам придется умирать со всеми удобствами и случай с Вами, думается мне, должен научить Вас, чего

Вам надо бояться. Вы ведь собирались умирать? Просили у Бога терпения (если просили об этом вслух, то этого не надо делать, лукавый заранее узнает Ваши планы и легко берет Вас тем, на что Вы более другого податливы) и вдруг такие плачевные результаты: раздражение, нетерпение, гнев, обида, уныние, ропот и т. д.). У Макария Великого есть указания, как одна страсть или немощь связана с другой. У Вас после описанного происшествия остался такой осадок против Р., что это очень похоже на ненависть. У Макария Великого как раз и начинается с нее. Отчего же ненависть? Ненависть, — говорит Великий подвижник, — от гнева, гнев от гордости, гордость от неверия, неверие от жестокосердия, жестокосердие от лености, леность от ослабления, ослабление от презрительства, презрительство от уныния, уныние от малодушия, малодушие от сластолюбия.»

Привожу Вам эту справку, чтобы легче было ставить себе диагноз, когда захватит душу напасть, подобная той, какую Вы мне описали. Мне кажется лучше для спасения, если б. м. не совсем правильно увеличим список своих немощей и будем смиряться и пред Богом и людьми, чем его сократим и выбросим то, что в смертный час врасплох нападет на нас и приведет нашу душу в крайнее и лютое смущение. То же можно сказать и о той «благодати», какую ощущали у Вас другие (и чем б. м. и ублажалось Ваше сердце и какой не стало с Р.). Я глубоко уверен, что она послана Вам как испытание Вашего терпения, смирения, сострадания, кротости и всего того, что должно быть в нашем багаже, когда пойдем в последний путь. Обычно люди, упражняющиеся в физических играх и различного рода видах спорта, прежде чем вступить в состязание, подготовляются к этому, изучают всевозможные положения, в каких они могут очутиться, тренируются — так надо и нам, подумывающим о последнем подвиге и встречах с воздушными мытарями. Так советую, и смотрите на приезды Р. как на те испытания, какие неминуемо надо будет преодолеть на мытарствах. Мне кажется каждое отдельное мытарство будет не только напоминанием о той или другой страсти, но и соблазном этой страстью. Если душа еще здесь на земле привыкла и знает как и чем ее можно преодолеть, то и там легко преодолеет искусителей, а если этому мало научилась и имеет сильное предрасположение к ней, то ей будет очень трудно и опасно. Р. и помогает Вам вскрывать в себе то, что Вы еще не преодолели, и лучше учиться на ней побеждать таящееся в себе, чем увидеть при смертном часе или, не дай Бог,

уже при самом восхождении к Господу. Разумеется, если можно на время отдохнуть от нее, то воспользуйтесь (укоряя себя), а если нет, то покорно и без ропота примите как горькое, но очень полезное для спасения лекарство. Первый стих 10 главы Ев. Иоанна ясно говорит о том, какие о-цы, к каким идут даже такие понимающие, как Люба. Они вошли в нашу церковную жизнь не как реформаторы, а как самые обыкновенные жулики и все у них по внешности «одинаково» а по существу от «лукавого». Он ведь тоже умником является в образе ангела светлого, а то и Самого Владыки жизни. Там, где все от самовласти, там нет смирения, там, где гордость и клевета, там нет благодати. Они пришли не чрез дверь канонов и законного преемства, а потому ясно, что они, пришедшие не в Его, а в свое имя. Да поможет всем вам Господь спасаться. Пока все у меня по-прежнему.

Мир Вам. Праздники, слава Богу, провели торжественно, но враженок стал сильнее нападать на Сион, да и нас слегка лягает.

Игумен ГЕННАДИЙ (Эйкалович)

РАЗВЕРНУТЫЙ ИЕРОГЛИФ

Памяти архим. Евфимия Вендта (1889-1973)

«Если бы переложить Ваши писания на музыку, то получилась бы атоническая громада, состоящая из скопления элементов до потери образа, которые громоздились бы друг над другом и внезапно бы завершились удивительным порядком уже под куполом» — писала о. Евфимию одна из его духовных дочерей. Это — сравнение меткое, но его надо оговорить: гармоническое завершение для нормального читателя творений о. Евфимия остается в области интуиции, оно постулируется, но не выступает с полной очевидностью.

Чувство такта, как будто, повелевает живых людей не перехваливать, а умерших — не порицать. Это краткое введение, задуманное при жизни о. Евфимия, вернее — предложенное к написанию, (как оказалось за несколько дней до смерти о. Евфимия), в свете вышеприведенного принципа и перед лицом наступившей кончины «интеллектуального друга», изменило, слегка, свою намеченную было тональность. Предоставив писать «евлогию» его более близким друзьям, лучше знавшим о. Евфимия и дольше с ним пребывавшим в общении, нам остается сказать несколько слов о трех томах его сочинения, которое он заканчивал, как будто уже впопыхах, перед приближающейся кончиной.

Труд о. Евфимия представляет собой некий богословско-философско-литературный уникум по своей форме, да и по содержанию, не имеющий себе прецедента, насколько мне известно, не только в отечественной литературе, но и во всем мире. Как некую весьма отдаленную аналогию можно было бы привести ветхозаветную апокалиптическую письменность, до сих пор своей символично-числовой и визионерски-фантастической формой представляющую неразгаданную тайну.

Как всякое творение представляет собой проекцию своего творца, некоторую объективизацию его личности, так и необычная форма сочинения о. Евфимия отчасти объяснится и оправдается, если мы примем во внимание, кем был о. Евфимий. Нам лично он представляется новым типом блаженного, Христа ради

юродивого, на своих особых путях пытавшегося уразуметь и выразить Откровение.

Хотя подвиг юродства встречается и в других странах, но нигде этот тип подвижничества не выступал так часто и характерно, как в русском народе. Русский агиолог, Г. П. Федотов указал на следующие, наиболее характерные черты юродства: *)

1. Аскетическое попрание тщеславия,

2. Выявление противоречия между глубокой христианской правдой и поверхностным здравым смыслом и моральным законом с целью посмеяния миру (I Кор. I-IV), и

3. Служение миру в своеобразной проповеди, которая совершается не словом и не делом, а силой Духа, духовной властью личности, нередко облеченной пророчеством.

Если о. Евфимий не сочетал в себе всех этих особенностей, то некоторые из них, весьма индивидуально проявленные, были ему присущи. Его монашеская аскеза выражалась в молитвенном подвиге, бдении, постничестве и изнурительном физическом труде. Иногда такая аскеза делает монаха суровым, о. Евфимия же она просветлила добротою и благодушием, которое постоянно излучалось из его лица, и согревала духовно беседующих с ним. Поэтому то в числе его многочисленных духовных чад были люди столь разнообразные в смысле характера, положения и образования. Все они говоря об их духовном отце, отмечали с в я т о с т ь ему присущую.

В чем же заключалось его юродство? В избрании интеллектуального стиля совсем необычного типа, столь необыкновенного что его нельзя определить иначе, как и н т е л л е к т у а л ь н о й г л о с с о л а л и е й или б о г о с л о в с к о й з а у м ь ю. Эта его интеллектуальная глоссолалия выражалась, во первых, в изографичности, во-вторых, в его языке.

Итак, свои религиозно-интеллектуальные интуиции и озарения о. Евфимий изображал разнообразными чертежами и схемами, совершенно уникальными по своей форме, оснащенными разными терминами и словесными «скратками» (как он их называл). О. Евфимий нигде не объяснил, почему он употребляет такие фигуры, что означают отдельные графические детали, одним словом — не раскрыл своего графического кода. Некоторые из схем, правда,

*) "Святые древней Руси", Нью Йорк, 1960, стр. 193.

можно опознать в качестве энергем Лосева, но — в «евфимовском», так сказать графическом оформлении. Даже «Таблицы Творения» Вронского о. Евфимий наносил на собственные графические канвы... Это — относительно изобразительной техники.

Что же касается техники словесной выразительности, то он попрал все грамматические и синтаксические общепринятые законы и ввел огромное количество новых словообразований, несчитаясь ни с духом русского языка, ни с семантикой. Большинство его предложений столь диковинно, что у нормально мыслящего человека, облекающего свои суждения в нормальные суждения и грамматически построенные предложения, они не вызывают смыслового резонанса. Странно, поэтому, звучит жалоба о. Евфимия, что за три десятка лет с лишним он не встретил никого, кто бы пожелал постичь его систему. (*) Дело ведь не в желании, а в возможности! А такой возможности, в настоящее время, должны признаться, не видим.

Мог ли о. Евфимий писать иначе, т. е. «нормально»? Думается, что — да. Незадолго до его смерти нами был получен от него комментарий на некоторые философские писания, составленный совершенно нормальным языком. В чем же секрет его языкового юродства? Об этом он сам пишет в нескольких местах своего труда.

Как почти все мистики, о. Евфимий не имел вкуса к официальному, исторически сложенному и на академических кафедрах излагаемому школьному («школярному») догматическому богословию. В основу своего богословия, или еще лучше сказать, бога-славия, о. Евфимий клал живое религиозное виденье (умозрение), а не сухой реестр схоластических формул и канонов. Итак, напр. знакомство с книгой Исаака Сирина ослабило его интерес «к риторскому Ефрему или Лествичнику»; знакомство с Кантом вызвало в нем «острое отталкивание от всех мировоззрений, сделанных ученостью, а не виденiем» (стр. 87). Упоминая в одном месте о глоссолалии, о. Евфимий признает, что он предпочитает говорить даже на «незнакомом языке», лишь бы не говорить на языке знакомого литературного богословия.

*) "На всех долготах и широтах нашего общения и служения за три с половиной десятка лет ни один человек не вошел в понимание (нашей) дедуцирующей чертежной словесности" (стр. 89).

Как известные из истории русской церкви юродивые готовы были делать всякие нелепые, иногда даже безобразные выходки, чтобы этим выразить свой протест против уложившегося, устоявшегося и окаменевшего религиозного благочестия того общества, в котором они жили, так и о. Евфимий хочет взорвать **) привычные формы богословия, в котором много прохладной учености и мало живого откровения. Поэтому он избирает свой язык, свой стиль изображения и выражения «как бы «в пику», «в пику» консенсу всех»» — вырывается у него на стр. 253-2, первого тома. (подчеркнуто мной, иг. Г.)

Но где лежит граница между сознательным избранием такого юродствования и подсознательным вкусом к нему? Никто этого не сможет определить, даже сам автор.

2.

Высказав эти общие предположения относительно личности о. Евфимия и его общего стиля жизни, рассмотрим **снаружи** его труд, носящий основной титул: НАЧЕРТАНИЕ И НАРЕЧЕНИЕ ОТРЕШЕННОГО. Что это значит? Подтитул поясняет, что это «Графика и Грамматика Догмата», или, как в другом месте, «Графика и Грамматика Догматов Религии». Имеются и иные пояснительные названия, но уж в тексте: «Энергема и Экзегема Догматов Абсолютного» или «Образ Выражения и Выражение Образа». Это название следует понимать, как **графическое и словесное изложение основного догмата о способе и цели сотворения мира Богом.**

Что положено в основу этого труда?

Мистическое озарение, содержанием которого было религиозно-интеллектуальное интуитивное постижение этого основного догмата.

Озарение это имело место однажды, когда о. Евфимий читал «Книгу Слов» св. Исаака Сирина. Оно наступило мгновенно, име-

---

**) "Книга, которую я Вам посылаю, отвратительная схоластика и она же — страстный поход на то, что Вы называете категориями "нормальной лексики, и синтаксиса и семантики". Разумеется — я инженер, изобретший Перворисунок Неба и Неба Небес Троицы, не похвалюсь словесностью, но этот рисунок, дав мне Норму Норм, взорвал нормы языково-языческой грамматики языка" (Из письма).

ло гносеологический характер, хотя и выразилось «в чувствах дальнего осязания: ощущении зрительном и слуховом». Содержание этого озарения можно выразить, посредством аналогии с видением Иакова: «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней...» (Быт. 28,12-13).

В этом образе имеются все основные элементы богословствования о. Евфимия: Творец, Небо, Земля и Связь между ними, совершающаяся в двух направлениях: нисходящем и восходящем. О. Евфимий любит употреблять термины греческого происхождения — «катаволия» и «анагогия» (вспомним учение св. Максима Исповедника о «катавазис» и «анавазис»), которые он иногда употребляет в русском собственном переводе: «сброс» и «подъем», а также параллельными терминами: «онтос» и «аксиос», «Здание Бытия» и «Создание Церкви».

Возымев однажды постижение этого «единого на потребу», о. Евфимий посвятил всю свою интеллектуальную жизнь на изыскание средств изображения и выражения своей основной интуиции. Все, что не относилось непосредственно к этой задаче, он отбрасывал прочь за ненадобностью. Интересны некоторые попутные замечания, которые он делал на фоне этого отборочного процесса. Итак, напр. Бердяев казался ему слишком легким, скользящим по наружной стороне сути вещей и явлений, не углубляющимся в оптические глубины тайны Бога и мира. В своем последнем письме, полученном мною незадолго до смерти о. Евфимия, он писал: «Вас могла удивить резкость моего тона в отношении Бердяева. Поверьте, что это не связано с недооценкой его роли в минувшем и цены в настоящем. Вам будет понятно, когда я скажу, что в ту же линию отчуждения я отправляю и Лосского (Н. О.), которого я изучал более внимательно. Бердяев всегда казался слишком легок. Критику Чистого Разума я изучал по переводу Лосского, по переводу, как мне казалось, превосходному.Но когда я затем брал Логику Лосского, где была и критика Критики Чистого Разума Канта, и которая была для меня примером онтологической логики, а затем и другие книги Лосского, то я убеждался в том, что Лосский не взял из Канта то, что было для меня у Канта самым ценным, и именно смысловой образ целого, которому Кант не изменял ни на одной из своих страниц. И Лосский оказывался для меня натуралистом и естественником, поставившим себя вне пределов формального знания. Тетра триад Канта — изображаемого целого —, которую я нашел у него

уже имея изображенным Целое Священных Архитектоник, дала мне для них философский язык, в котором мною применялось все введенное им терминологически, но в Священных Архитектониках принимало уже прямое натуральное и богословское освещение. Нужны оказались и вещь вообще, и вещь в себе, и явления и антиномии и их решения у самого Канта, и паралогизм, и нумен и феномен. Нужны оказались не только термины, но и сами слова их выражающие, архитектоника и морфология, начертание и наречение. И если я потом брал ту или иную книжку Лосского, то обычно попадал в своего рода каботажное плавание на утлом суденышке идеал-реализма с заходом во все порты других философских «измов» ». Нельзя не признать за этим отзывом, хотя и преуменьшительным, зоркости и остроумия.

О. Евфимий набирал в свои интеллектуальные паруса только попутный ветер. Так, напр. совсем пренебрегши немецким идеализмом (Фихте, Шеллинг, Гегель) о. Евфимий радостно ухватился за Критику Чистого Разума Канта, которую, по собственному признанию, он проштудировал тридцать раз! Не меньше времени посвятил он изучению весьма трудной книги А. Ф. Лосева «Философия Имени». Много позже о. Евфимий ознакомился с философией М. М. Гоэнэ-Вронского, но сразу же сосредоточился на том, что ему было нужнее всего: на схематических «таблицах творения», которые и проинтепретировал по-своему на стр. 329-356 своего труда. Между прочим о. Евфимий писал:

«У французского вронскиста Франсиса Варрена есть заглавие (книги): **Метафизическая Арматура** (.....) Воспользуемся этим названием распространенно. Вронский в ранней молодости был артиллеристом: батарейная установка в действии есть арматура. В современности: установка, посылающая снаряды в космос: Кап Кеннеди, Байконур суть тоже арматурные установки. Энергема Священных Архитектоник, нами вводимая, есть арматура. И для нее мы использовали арматуру Критики Чистого Разума Канта и арматуру Философии Имени Лосева».

«Работа наша — продолжает о. Евфимий — есть работа Конструкции и о Конструкции. В ней на помощь нам приходили три конструктора: Кант, Лосев и Вронский. Не приходил отец Сергий (Булгаков) — он не конструктор. А между тем он единственный разработчик материалов всякой конструкции, Всеконструкции» (стр. 380).

В другом месте о. Евфимий писал о Вронском: «Элемент Веды, (Элемент) Нейтральный, элемент Быту выростает потом в такое богатство Содержания, поданное при этом интеллектуально, схематически и рисуночно, что вызывает восхищение! Тут, кажется, по моменту изобразительности, ценность превосходящая всю Русскую Софиологию, даже и Лосева, поскольку он не рисует» (стр. 191).

Просматривая труд о. Евфимия легко заметить, что он все время интеллектуально беседует с этими тремя философами: Кантом, Лосевым и Вронским, хотя последнего он ставит м е ж д у Кантом и Лосевым. В тон своему постоянному триадическому умонастроению он и здесь усматривал полный триадический философский аккорд: немецкий критицизм — польский мессианизм — русский софианизм.

3.

Себя о. Евфимий считал определенным софиологом. Вполне оценивая учение о. Сергия Булгакова, о. Евфимий, собственно говоря, почти ничего характерного у первого не заимствовал, а иногда с ним и не соглашался. Он проходит совсем мимо софиологии Вл. Соловьева и едва упоминает о. Павла Флоренского, хотя последний, по своим математическим и логистическим способностям, казалось бы, был сродни о. Евфимию. Зато он всецело погружен в софиологическую стихию Лосева. Нужно заметить, что софиологическая терминология о. Евфимия живописна но, как и все остальное, не выдержана систематически. Иногда он употребляет термин Премудрости (напр. Премудрость Божественного Троеличия, Премудрость Неба, Премудрость Земли, Премудрость Отчего Происхождения, Премудрость Цели Совершений). Параллельно этому он различает Софию Земли, Софию Связи Крестной, Софию Ангела и много др. Конечно, оставаясь верным самому себе, о. Евфимий нигде не определяет, что он под всеми этими различными наименованиями подразумевает.

Бывает, что фотографии, сделанные с птичьего высокого полета, обнаруживают на поверхности земли характерные контуры, невидимые с самой поверхности, без далекой перспективы. Нечто подобное мы имеем и в случае философии о. Евфимия. Но — философия ли это? Вернее это сплав интеллектуальной мистики, философии и богословия, в которой вкраплены, добавочно, элементы Священного Писания и Литургики. Так или ина-

че, детали его писаний в подавляющем большинстве случаев кажутся неудобопостижимыми. При повторных просмотрах книги создается некое туманное, прозрачное, интуитивное впечатление, позволяющее различать в совсем общих чертах некие узоры на его богословской ткани.

Ткать, это значит — пропускать у т о к по о с н о в е. Так вот о с н о в а построений о. Евфимия это учение о трансцендентном Боге, создавшем (в силу присущей Ему творческой мощи и благодаря жертвенной любви) вселенную с человеком, разумным существом, во главе. Вселенная состоит из идеального неба, материальной земли и человека, стоящего на грани этих двух миров. Вселенская драма состоит из двух фаз: космической и исторической, завершающейся апокалисическим свершением. Это — та объективная основа, которая встречается и у иных мыслителей, решающих ее более или менее удачным способом. Эта основа изображена у о. Евфимия своеобразно и его оригинальность выступает в аспекте формы, а не содержания. Оригинальным можно было бы посчитать его у т о к, выражающийся в том, что он рассматривает космологическую и историческую канву сквозь у з о р б и б л е й с к и х ш е с т о д н е в о в, причем Моисеев шестоднев накладывается у него на католическую фазу, а шестоднев Христов — на фазу анагогическую.

О. Евфимий чувствует себя более сильным и творческим во второй области, «нареченческой», ибо для более глубокого проникновения в область катаволии нужны, по его мнению, способности и образование «метамателогическое» и «метаматемофизическое», тогда как он «всего лишь инженер».

Но есть еще в богословствованиях о. Евфимия область, в которой он чувствует себя первооткрывателем: это область «гения языка», и открытие в ней им «побуквенных категорий». Рассмотрим, что он под этим разумеет.

У нас нет возможности уклониться в рассмотрение теорий происхождения языка или углубиться в сущность между «номиналистами» и «реалистами». Интересующиеся этим вопросом могут ознакомиться с исчерпывающим исследованием о. С. Булгакова «Философия Имени», изд. в 1953 г. в Париже (ИМКА-ПРЕСС). Здесь нам будет достаточно отметить, что все разнообразие теорий и гипотез можно поместить между двумя крайними (и потому в своей предельной односторонности, вероятно, ложными) точками зрения: первая из них утверждает, что слова суть продукт человеческой выдумки, имеющей целью достижение взаимопони-

мания посредством таких условных средств (звуков и знаков); вторая, которую мы подадим в формулировке о. С. Булгакова, ибо он к ней склоняется сам, утверждает, что слова не изобретаются человеком, но что в них и ими космос звучит, т. е. говорит, ч е р е з человека, которому, таким образом отводится роль некоего медиума. При этом ставится вторичный вопрос, что является единицей смысла: слово или предложение (суждение).

В этой области о. Евфимий занял весьма обособленную позицию. Он не только склоняется к мысли, что слова-имена имеют онтологическую подоснову, но что даже отдельные буквы представляют собой кристаллы смысла, не говоря уже о сочетаниях их в слогах и словах. Может быть эта исходная точка предопределила то, что о. Евфимий, сосредоточившись на этих трех элементах языка — букве, слоге и слове, пренебрег фразой и предложением. После случившегося мистического переживания «стихия языка», пишет о. Евфимий, «все более и более наплывала на нас, стало возможным чувствовать категориальный смысл отдельных букв и размещать их на энергеме» (стр. 87).

Совсем ли новая это точка зрения? Нет, в истории человеческой мысли у о. Евфимия были предшественники п о и д е е, хотя и не по о ф о р м л е н и ю е е. Во-первых, упомянем пифагорейскую школу, учившую, что в основе сущности вселенной лежит цифра, число, и что посредством математики человек сможет не только проникнуть в тайны вселенной, но и возобладать ею. Далее, более близким и по времени и по духу была Каббала, возникшая среди иудеев рассеяния после X века нашей эры. Каббала представляет собой эзотерическое учение сочетающее элементы иудаизма и вне-христианского гнозиса. Вторая книга Каббалы, С е ф е р З о х а р, учит, что Бог, будучи Высочайшим, Безграничным и Бесконечным существом, обнаруживает себя **в** или **через** десять Сефиротов, т. е. исчислений или могуществ, которые эманируют из Него и составляют с ним «единоцелое». Эти Сефироты образуют первый мир, нетварный, из которого, в свою очередь, создается второй мир тварный тоже десяти Сефиротов, но уже низшей потенции. Из второго же мира образуется мир третий, «формативный» со своими нематериальными Сефиротами, а из него уже возникает мир четвертый, материальный. Это напоминает известную нам из гностических учений смену эонов, разделяющих материю от Божества (или их соединяющую). В Каббале имеются также отзвуки учения о «восстановлении всяческих», которое, через Оригена, вдохновляло много православ-

ных мыслителей. Мы не будем затрагивать здесь темы человеческих судеб (совершенствование, пришествие Мессии и эсхатологические свершения), но продвинемся поближе к нашей основной теме. Создатели Каббалы считали, что древне-еврейский язык является единственным онтологическим языком, ибо на нем вел беседу с Адамом сам Бог и на этом же языке Адам нарекал, данной ему от Бога мощью, имена всей твари. Каждая буква еврейского алфавита имеет свое числовое значение. В связи с этим каббалисты развили три основных герменевтических метода(заимствовав их в перовоначальном виде у гностиков): 1) **Темура** — искусство перестановки букв для созидания слова; 2) **Гематрия** — искусство перевода числовых комбинаций в слова и 3) **Нотарикон** — искусство аллитерации, т. е. составления слова из начальных букв всех слов данного предложения. Эта же часть Каббалы, Зохар, заключала в себе некий код, доступный только посвященным, который состоял из формул, т. е. комбинаций чисел и букв, которые, якобы, позволяли адептам этой науки сноситься с невидимыми силами и обретать мощь над элементами природы.

Совершенно ясно, что эта часть Каббалы уходит корнями в астрологические и алхимические традиции ближнего востока. Небезынтересен и тот факт, что традиция признавать онтологическое значение за буквами неожиданно проявилась в поэзии, и то в начале этого века, и то у нас — в России: это был так наз. «футуризм». Сторонники этого нового направления в литературе исходили из положения, что осуществляющаяся в России политическая, социальная и экономическая революция должна отразиться в революционной литературе, прежде всего — в поэзии. Футуризм, в своей отрицательной тенденции, выразился в борьбе против старых форм быта и искусства; в положительном, «прогрессивном» направлении футуризм должен был создать формалистическую теорию «заумного языка», который самым подбором звуков должен был передать «тонус», «звучаль» переживаемой эпохи.

Если решительно нет каких либо данных подозревать непосредственное влияние Каббалы на построения о. Евфимия, то, как нам кажется, мы не погрешим, усмотрев в его стиле некое отражение причудливых **футуристических** тенденций, тем более, что о. Евфимий дважды упоминает талантливого поэта В. Хлебникова, одного из главных бардов «зауми». О. Евфимий не только знал «философию зауми» Хлебникова, но и разделял ее.

Усилия проникнуть в «заумную» область языка были сделаны и в Германии, где в свое время Штейнером была создана дисциплина «эвритмии». Штейнер считал, что отдельные буквы немецкого алфавита являются символами соответственных ритмов и что физическое воспроизведение этих ритмов может способствовать уяснению мета-смысла данного слова.

Если постулаты русской «зауми» или немецкой «эвритмии» до сих пор не оправдались практически, то это не значит что сама идея «заумного» языка, т. е. мета-языка, не имеет никакого основаняи.

О. Евфимий притязал, что он п е р в ы й создал таблицу или словарь «побуквенных категорий», представляющую собой **ключ** к заумному языку.

Кроме 34-х основных диаграмм «атласа» (стр. 1-36), выраженных огромным количеством чертежных схем, о. Евфимий приводит свой «букварь» (стр. 80-83), о котором пишет, что «буквы-звуки энергематичноэкзегемны», что «каждой из букв, одиночно взятой, мы приписываем значение, выражаемое словом, состоящим из букв, оснащенных каждая своим значением». «Эти обобщения звуков, продолжает о. Евфимий, — категории, — по сравнению с категориями Аристотеля и Канта, кажутся странными, но они продиктованы вообразностью языка Энергем и, как побуквенные, объясняют каждое слово, следовательно, и категории Аристотеля и Канта. Их настоящая сила будет явлена только когда они пройдут призмами и всех других языков. Они не могут ничего не значить, ум и умысел не глуп. Звуки — смысловыразительны, словообразны» (стр. 84).

«Атлас» и «Букварь» о. Евфимий снабжает «схолиями».

Автор этой статьи, знакомый с философскими трудами разнообразной шкалы удобочитаемости и удобопонимаемости с сожалением должен отметить, что «схолии» о. Евфимия ничего ему не дали для постижения этого «Атласа» и «Букваря».

Замысловатое выражение, приведенное нами выше, может означать, что всякое слово представляет собой синтез зачаточных смыслов, наличествующих в составляющих его буквах, которые, в свою очередь, отдельно, принимают на себя отсвет смысла целого слова (нечто в роде того, как в химической формуле H_2SO_4 отдельные буквы и числа означают количественные соотношения отдельных химических элементов водорода, серы и кислорода, но в к у п е они означают реальность высшего разряда, химического соедине-

ния серной кислоты, обладающей уже своими собственными качествами и придающей специфический характер своим составным частям, которых они, сами по себе, не имели).

Если бы труд о. Евфимия состоял из предложений, подобных вышеприведенному, его можно было бы истолковать. К сожалению трудности, связанные с чтением этого труда, несравненно более сложного характера. Описать своеобразие стиля, в котором выдержан по большей части этот труд, это значит составить отдельную статью. У него есть множество фраз, составленных порочно с точки зрения общеобязательных грамматических правил. Смысл последующей фразы не обязательно является продолжением или развитием фразы предыдущей. Между отдельными фразами, таким образом, получается смысловой «перескок», а не переход. В книге нет параграфов или абзацев в том виде, какими они выступают в обыкновенных научных произведениях, равно как нет делений на главы и, следовательно, нет заглавий и подзаголовков, предупреждающих читателя о чем будет идти речь. Читать этот труд это значит, если можно употребить такое сравнение, отыскивать без плана жилище знакомого в большом городе, в который вы попали впервые, и в котором нет названий улиц и нумераций домов. Мы уже упоминали, что ни автору труда, ни читателю, не ясно, что этот труд, в основном, собой представляет: философию, богословие, языковеденье, «словесную апокалиптику»?

И еще один из парадоксов этой книги: о. Евфимий выступает против школьности, систематичности, организованности языка, лежащих в основе всякого научного труда, и вместе с тем пользуется диалектическими приемами (весьма своеобразно) и мнит, что он создал с и с т е м у побуквенных категорий.

Что же такое система? Это совокупность взаимосвязанных идей и утверждений, исходящая из единого принципа. Или, по Вронскому, система есть рациональное объединение детерминаций, в котором соответственные места всех составных частей основаны на едином принципе.

Каков же этот «единый принцип» у о. Евфимия? Можно з а н е г о ответить, что его «единым принципом» было мистическое озарение, т. е. illuminatio mentis, интеллектуально-религиозного характера. Переложима ли такая интуиция на язык понятий? И нет, и да! Ап. Павел свидетельствовал о собственном мистическом опыте: «Знаю человека во Христе, который (....) восхищен был до третьего неба (....) и слышал неизреченные слова, которых

человеку нельзя пересказать» (II Кор. 12,1-4). Некоторые мистики, чтобы как-то, приблизительно, описать пережитое, пользовались парадоксальными выражениями, вроде определения «божественного мрака, более светлого, чем солнце». Озарения интеллектуальной интуиции лучше поддаются изложению. Вспомним, напр. Ньютона, которому незначительное внешнее событие (падение яблока) послужило толчком для выражения уже зревшей в нем интуиции всемирного тяготения, или Вронского, который долгое время не мог выйти из фихтевской апории «легальности» метода, пока не озарился идеей абсолюта.

Чем больше выработан философский язык, тем легче воплотить в слова данные интеллектуальной интуиции. Такое воплощение будет иметь общеобязательное значение, т. е. будет доступно пониманию других людей, если оно выразится в понятиях и формулах уже известных в данной научной области, если же мыслителем создается новое понятие, то оно должно быть объяснено при помощи ближайших родственных терминов.

Писания о. Евфимия вышеприведенным критериям не отвечают. Он разбивает не только абзацы и предложения, но даже отдельные слова, произвольно переставляя буквы в одном и том же слове, что представляет собой некое «словоубийство». И о. Сергий Булгаков, и Лосев, да, впрочем, и все серьезные «философы слова» считают, что элементом речи и языка является **слово.** Слово не выдумывается, а рождается вместе с воплощением нового смысла. Слово, во всяком случае в своем «корне» (этимоне), не разложимо, в аспекте смысла, на отдельные букво-смыслы. Перестановка хотя бы одной буквы корнеслова лишает его смысла. О. Евфимий же рассыпает слова на буквы и из произвольного составления, как из кубиков, нового же псевдослова тщится **создать** н о в ы й с м ы с л. Но слова т а к не рождаются и смыслы т а к не открываются. Это ясное насилие над языком, над семантикой и представляет собой и г р у элементами фоносемантики. Сознавал-ли это сам о. Евфимий? Не знаю, — во всяком случае он увещеваниям писать «нормально» не поддавался. В начале этого года он писал в письме: «Научно, или не научно, искусно, или не искусно, хорошо уже и то, что в болотном наплыве гуманитарной словесности на место свято религиозного космоса, хотя бы и очень искательно (в части нарекательной) появляются у меня моменты показательные. (...) Это моя задача, мое дело, и **чем меньше результат похож на плодящиеся образцы богословских и философских гладких рассуждений, тем мне сла-**

ще доживать свой век» (мой курсив, и. Г.) Несомненно, что **такое** обращение с буквами доставляло ему большое удовольствие. «Картина в закономерном движении, — писал он дальше — а буковки юлят, ликуют, не лукавят, ловят, ласкают, любуют, льют». Вот она, фоносемантика о. Евфимия!

Это был ответ на мое письмо, в котором я писал о. Евфимию, приблизительно, следующее.

«Я просматривал Вашу книгу, скользя взором по тексту, как человек смотрит на проходящие над ним облака. В такой перспективе Ваши высказывания показались мне интеллектуально-художественной глоссолалией, требующей особого толкователя, который обладал бы **Вашими способностями и интуициями,** и отличался бы даром вразумительного изложения. Ваш способ видения исключительно своеобразен, Вы смотрите на мир через двойные очки: интеллектуальную пару стекол у Вас наложена пара стекол художественных, и поэтому **то, что** Вы через них прозреваете в имманентной действительности библейского текста и логистики — представляет собой смешение или же чередование в одной и той же фразе понятий и символов, значений и смыслов. Для Вас это понятно, волнующе, радостно... для других это выглядит диковинно и непостижимо. Беда в том, что Вы не в состоянии передать в категориях **нормальной** лексики, семантики и синтаксиса звучание «неизреченных глаголов», которые Вы слышите в Вашем «внебовзятии». А то, как Вы излагаете свои прозрения, есть не что иное как филолого-теолого-философское юродство».

О. Евфимий нисколько не обиделся на мои слова, наоборот, ответил мне вскоре: «С восторгом принимаю Ваш термин (хотя и в кавычках) — «внебовзятие». Ближится мой час! (...) А мне хочется чтобы Вы не погнушались, в чертежи всмотрелись. В них **моя претензия, без претензии. Пред смертью говорю, — у меня есть учительная роль.** Юродствую же, действительно, перед Лицом Встречи, — так и не допонимаю (или надо, понимаю, в тексте неясно (и. Г.), и в книжках это сказывается: от динамики математического символа, как и Вы заметили, к Лицу Встречи: престал рисунок, ослепился зрак! Да! Ваша характеристика имеет масштаб. Еще раз за нее благодарю». (Это письмо датировано 30 дек. 1972 г., за неполные четыре месяца до смерти о. Евфимия).

4.

Мне совершенно ясно, что огромный труд, вложенный о. Евфимием в его сочинение, не был пустой забавой для него, хотя и не был лишен некоей доли интеллектуальной игры, той игры, которой наслаждалась и Премудрость, когда «была при Нем художницей, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время, веселясь на земном кругу Его...» (Притч. 8,30-31). Не было-ли здесь налицо некоей доли прельщения? «Прелесть» — по Далю — то, что пленяет и льстит чувствам, или покоряет себе ум и волю. В этом значении (но не в том смысле, какой связан с этим словом в монашеской аскетической терминологии) онтологическая ценность построений данного мыслителя должна выдержать какую-то объективную поверку. Поверку — смысла. Об этом хорошо пишет кн. Е Трубецкой:

«Спрашивать о смысле — значит задаваться вопросом о **безусловном значении** чего либо, т. е. о таком мысленном значении, которое не зависит от чьего-либо субъективного усмотрения, от произвола какой-либо индивидуальной мысли. (...) ...речь идет не о том, что значит данное слово или переживание для меня или для кого-либо другого, а о том, что оно **должно** значить для всех. Так понимаемый «с-мысл» есть логически необходимое предположение и искомое всякой мысли. Основное задание логической мысли заключается в том, чтобы не быть только субъективным переживанием. Поэтому всякая логическая мысль стремится утвердиться в чем-то безусловном и всеобщем, что носит название истины или смысла. Мысль же только субъективная, которая не достигает цели этого стремления, мысль, неспособная стать общезначимой, отбрасывается всяким логически мыслящим, как **бессмысленная.** Иначе говоря, «смысл» есть общезначимое мысленное содержание или, что то же, общезначимая мысль, которая составляет обязательное для всякой мысли искомое.

Нетрудно убедиться, что так понимаемый «смысл» представляет собой логически необходимое предположение не только всякой мысли, но и всякого сознания. Со-знать именно и значит — осмыслить, т. е. отнести сознаваемое к какому-нибудь объективному, общезначимому смыслу. Пока я только **переживаю** те или другие ощущения, впечатления, эмоции — еще не сознаю; со-знаю я только с того момента, когда мысль моя, возвышаясь над воспринимаемым, относит его к какому-нибудь общезначимому

мысленному содержанию, утверждаемому как «смысл».» *) Прибавим к этому, что **мнение** (докса) преображается в **смысл** путем либо горизонтального соотнесения с общезначимостью, «консенсусом», либо вертикального отношения к смыслу высшего плана, к смыслу, так сказать второй степени. (Так, напр. утерянный смысл слова при типографской опечатке восстанавливается из смысла всего предложения). Смысл же более сложного текста, напр. абзаца или главы или даже целого произведения может проверяться диалектическим путем, так, как его понимал Платон: надо установить **самое сильное положение** (гипотезис) и все производное соотносить с этим основным положением: все согласно сохранять, а все противоречивое, отбрасывать.

Итак, напр. Вронский, открыв Закон Творения, применял его многократно к различным дисциплинам, прежде всего — к математике, и лишь убедившись в его объективной пригодности, возвел его в основной принцип своей философии.

Субъективное мнение может быть иллюзией предъявляющейся с большой настойчивостью, вплоть до одержимости. Идея, оказавшаяся при поверке противоречащей общепринятому смыслу, но упрямо поддерживаемая носителем этой идеи, является **антисмыслом** (анти по греч. значит **против** и **вместо**). В случае анекдотического мальчика, которому казалось, что диаконский возглас «вонмем», (который он слышал раздельно **«вон** мем»), означает грубую форму изгнания, наряду с вежливым «оглашении **изыдите**» — мы имеем дело с **псевдо-смыслом,** сразу истаявшим в лучах настоящего смысла этого слова, когда мальчику объяснили, в чем дело. Можно еще различать **квази-смысл,** как некую интуицию «еще не осмысленного», ибо еще не выраженного, не воплощенного смысла, всего лишь рождающегося, в зачаточном состоянии — и вот нам кажется что именно в этой области надо искать разгадки умозрения о. Евфимия. Он, вероятно, не мог или не хотел, довести свои «домыслы» или «квази-смыслы» до «нормальной» объективации. Мы допускаем возможность «не мог» на основании следующего признания о. Евфимия.

«В научной сообщительности, даже чувствуя себя очень одиноким, оказывается затруднительным пользоваться личным местоимением «я» и искреннее говорить, т. е. искреннее и правдивее говорить «мы». Как ты ни одинок, но с кем то ты в одном «мы» можешь говорить «они». (...) Основное «их» противительно «на-

*) "Смысл Жизни", Берлин, 1922, стр. 9-10.

шему»: академическое гуманитарное комильфо — не «наше»! За ним — дипломы и кафедры. Якобы достоинственное — оно оплот критериальности, трибунал истины. В обращении к нему, в общении с ним **мы в очень неловком положении, и эта неловкость прошла через всю нашу жизнь и общение с «ними»** (стр. 88) (подч. мной, и. Г.)

Возникает вопрос, справедливо ли, отправляясь от смыслового несовершенства, даже больше — юродства, писаний о. Евфимия, заключать о природе его внутреннего мира квази-смыслов? Думаю, что нет. Суждения такие обладали-бы лишь некоторой степенью вероятности без возможности поверки. Ведь Бетховен, будучи уже глухим, обладал звуковым смыслом своей последней симфонии и мог бы либо совсем не засимволизировать своего ноэматического переживания этой музыки в нотных знаках, либо сделать это сознательно или подсознательно — неправильным образом. Вот почему объективизация не адекватна объектизирующемуся. В случае о. Евфимия нам остается больше верить и гадать, чем толковать и объяснять.

Вот поэтому я и писал ему совсем недавно следующее:

«Разлагая слово на составные элементы можно предаваться «фантазированию от себя». Поэтому я не считаю этот процесс наукообразным. Если еще оправдано доискивание смысла слова путем обнажения этимона от всех исторически-производных наростов, то переставление букв «корнеслова» не может быть ничем оправдано».

У меня мелькнула еще одна догадка. Нормальным способом суждения писаний о. Евфимия является усилие прийти к какому то смыслу **отправляясь от букв** произвольно переставленных им в данном слове. Возможно, что процесс словообразований у о. Евфимия шел в обратном порядке: от интуитивного квази-смысла к побуквенно-категориальной объективации. Но так как он не умел **объяснить** этот процесс, а лишь дал таблицу побуквенных категорий, то и не вызвал у своих читателей ни смысла (со-мысли), ни со-знания. Возможно, что с его фоно-граммо-смыслами будет так, как случилось с египетскими иероглифами, расшифрованными Шамполлионом лишь в начале прошлого века. Возможно, что усовершенствованные электронные аппараты в будущем откроют тайну связи фонетики с семантикой. К этой мысли привели меня следующие соображения.

5.

Сперва — философские предпосылки.

Уже еп. Василий Селевкийский (V в.), а некоторые учители Церкви и до него, обратил внимание на творческие и словотворческие способности человека. Толкуя библейский текст из Книги Бытия, гл. 2, ст.19-20, Василий Селевкийский писал: «Адаму надо было узреть неизреченное устроение, носимое в себе каждым животным. И все они подходили к Адаму, признавая этим свое рабское состояние... Бог говорит Адаму: «будь, Адам, творцом имен, коль скоро ты не можешь быть творцом самых тварей... Мы делим с тобой славу творческой премудрости. Пусть познают Меня, как Зиждителя по закону естества, тебя же, как владыку по смыслу именования» (Патр. Гр. М. 85, кол. 40-41).

Этот текст был очень широко использован о. Сергием Булгаковым в его «Философии имени». О. Сергий, в своей воодушевленной словоисследовательской целестремительности, готов даже приуменьшить, иногда, именотворческую роль самого человека. Вот несколько текстов:

«Бог привел человеку животных, чтобы видеть, как он их назовет, или, **по нашему пониманию, как они сами назовутся в нем,** через него. Словам научает человека не антропоморфизированный Бог, но Богом созданный мир, онтологическим центром коего является человек, к нему протянуты и в нем звучат струны всего мироздания» (стр. 33).

«Слова рождают сами себя, идея сама сращается с звуковым символом, смысл воплощается в звуки».

«Слова суть вспыхивающие в сознании монограммы бытия» (стр. 30).

«...слова суть самосвидетельство «вещей», действия в нас мира, пробуждающие свои соответственные идеи. В словах содержится энергия мира, словотворчество есть процесс субъективный, индивидуальный, психологический только по форме существования, по существу же он космичен. Мировое **всё,** разлагаясь, дробясь и сверкая в лучах смыслов, отражает эти лучи, и это суть слова (стр. 25). Правда, в другом месте о. Сергий поправляет несколько самого себя: «И, однако, это именование было не пассивным со стороны человека, он не был только зеркалом вещей, в которое они смотрелись, чтобы узнать себя в идее, в имени своем, но и действием человека (.....) и от человека требовался

некий подвиг его человечности, творческое усилие, проявление его силы» (стр. 24).

Мы приводим эти цитаты (а их можно было бы привести **ад либитум)** чтобы отметить ту гносеологическую координацию субъекта с объектом, в котором первый постигает в подлиннике суть второго (выражаясь словами Н. О. Лосского), в результате чего рождаются слова-имена, как онтологически адекватные определения вещей.

Не ссылаясь на библейское откровение, к подобному пониманию слова-имени приходит чисто диалектическим путем А. Ф. Лосев: «...тайна слова заключается именно в общении с предметом и в общении с другими людьми. Слово есть выхождение из узких рамок замкнутой индивидуальности. Оно — мост между «субъектом» и «объектом». Живое слово таит в себе интимное отношение к предмету и существенное знание его сокровенных глубин. Имя предмета — не просто наша ноэма, как и не просто сам предмет. Имя предмета — арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, вернее, познающего и познаваемого. В имени — какое-то интимное единство разъятых сфер бытия, единство, приводящее к совместной жизни их в одном цельном, уже не просто «субъективном» или просто «объективном», сознании. Имя предмета есть цельный организм его жизни в иной жизни, когда последняя общается с жизнью этого предмета и стремится перевоплотиться в нее и стать ею (....). Тайна слова в том и заключается, что оно орудие общения с предметами и арена интимной и сознательной встречи с их внутренней жизнью» («Философия имени», стр. 46-47).

Технические предпосылки.

Старая философская истина гласит, что все имманентно всему. Современная наука гласит (повторяя тоже известную древним истину), что все состоит из разных энергий и из их различных сочетаний. Энергии взаимо-удобо-превратны, т. е. могут преображаться одна в другую, т. е. менять модус своего воплощения (напр. термоядерная, световая, тепловая, механическая, если упомянуть только некоторые виды энергии), подобно тому как слова одного языка могут переводиться на слова другого языка и, следовательно, на слова всех языков, стоящих на одинаковой ступени развития.

Человек, использовав на заре своей истории энергию внешних стихий (ветер, вода и т. п.), в настоящее время открывает все

новые источники все более могущественных энергий и подумывает уже о произвольном взрывании небесных тел для обретения все новых видов энергий. Он изобретает все более тонкие аппараты для измерения этих энергий и способы «перевода» одной энергии в другую. Его внимание все более сосредотачивается на исследовании сущности интллектуально-духовной энергии (напр. в области пара-психологии) и он уже изобрел электронные аппараты, реестрирующие не только чисто интеллектуальные, психические или волевые явления, но и комплексы ноэтико-психосоматических явлений, (т. е. умственных, волевых, душевных и физических). В качестве примера можно привести научную разработку проектируемого аппарата, который, реестрируя и сигнализируя волевые импульсы, возникающие в мозгу, претворил бы эту энергию на энергию механическую, выражающуюся, напр. в соответственном движении протеза у калеки на подобие того, как волевой импульс передается из мозга в мускул посредством соответственного напряжения нерва.

А так как возможности богоподобного человеческого разума неограничены, то можно постулировать, что в будущем будут сконструированы аппараты, при помощи которых будут раскрыты многие тайны языка и речи. Во первых должны быть вскрыты и объяснены закономерности не только перехода от смысла к символону (воплощение идеи в слове), но и обратного перехода, от внешних, буквенных и циферных, знаков к смыслу. Ведь это суть **процессы,** а не магия, и потому они, в принципе, постижимы и объяснимы. Во вторых, наука должна не только постулировать (ибо это уже делает философия) некую общность трех реальностей: субъекта — логоса — объекта (т. е. человеческого разума — слова — вещи), но и зареестрировать ее, т. е. изобразить в каких то новых символах, доселе неизвестных. При теперешнем развитии человеческого разума это кажется невозможным, но припомним себе, сколько таких «невозможных» за последнее время стало «возможным».

В этой связи вернемся еще к «Философии имени» о. Сергия Булгакова. У него имеется много мыслей, свидетельствующих в пользу вышесказанного. Так как косвенно связано с проблемой о. Евфимия, то прислушаемся к следующим высказываниям о. Сергия.

«Устройство органов слуха и речи нам постепенно раскрывает теперь наука. Из опознавания этих органов, быть может, в конце

концов и окажется вычитана тайна языка и тайна слуха. Несомненно, эти органы представляют собой некоторую онтологическую криптограмму мира, которую мы не умеем прочесть. (...) Если слова разлагаются на звуки и шумы, т. е. определенные колебания звуковых волн, то можно рассматривать основу слов, как некоторые ритмические движения, возникающие в физической среде, так, что слова, или ранее буквы, звуки, суть определенные квалифицированные ритмы. (...) Что можно считать первоэлементом речи? Вот один из проклятых вопросов философии слова: буквули, как Каббала, слог, слово?» (стр. 39)

О. Сергий задает себе вопрос, что является генетическим «приус»: орган или функция? Слухо-голосовые органы человека создали буквы, или наоборот, космические звучания (в данном случае звуко-буквы) выработали в человеке соответственные органы?

«Голосовые органы таковы, отвечает он, потому что таковы буквы: не произнесение букв вообще, но определенного качества звуков есть их задача. И как глаз, орган света, существует потому, что есть свет, так и орган речи и слуха существует потому, что есть звук, как мировая энергия. Звуки создают для себя органы в человеке, в котором должно быть вписано все мирозданье. И поэтому, отвлекаясь от фонетики и физиологии речи, мы должны считать буквы (в вышеуказанном смысле) имеющими действительно самостоятельное бытие, а не только «флатус воцис». (...) Что буквы или голосовые звуки действительно выражают некоторые первоначальные космические качества, как краски, ритмы определенного типа, как числа, быть может, как и другое: элементы химии, минералы, планеты и т. д., в этом мы совершенно не можем сомневаться». (стр. 40,41).

«...нельзя принципиально отрицать возможности, что слова и образующие их буквы имеют, так сказать, несколько измерений, в частности, поучительна не только их физиология — слово, но и анатомия — буквы, и в скелете слова можно вычитать смысл, не словесный, но иной, ему эквивалентный, цифровой» (стр. 43) — или еще какой нибудь иной, доселе неизвестный, добавим от себя. Все выше сказанное свидетельствует, как будто, в пользу основной интуиции о. Евфимия. Но до тех пор, пока не будут изобретены средства общезначимой проверки, все это останется в области гаданий и предположений.

7.

Подведем итоги вышесказанному.

Если окажется, что значение, приписываемое о. Евфимием букво-звукам, имеем объективное основание, то его «таблица побуквенных категорий» станет пионерским достижением в области фоносемантики.

Чертежи и схемы его «атласа», поскольку к ним нет ключа, останутся неразгаданными и непереведенными на язык понятий до тех пор, пока не найдется человек интеллектуальной и художественной формации конгениальной личному строю ума и сердца о. Евфимия; только он смог бы исполнить роль Шамполлиона по отношению к «изображению и наречению» о. Евфимия.

Что-же касается философско-богословской стороны труда, то она выражена, в стяженной форме, самим о. Евфимием:

Типология Триема Триех (Троица Святая),
в двух (неба и земли),
в двух (спуска и подъема), каждое из них: —
при двух (гетерономии и автономии)
трижды тройственна на спуске (в трех Царствах Природы, в трех иерархиях духов),
трижды тройственна на подъеме (в трех небесах, в трех иерархиях душевных).
И все это Институтивно.
В трех закреплениях Софийных (неба), земли и их связи в Воплощенном).
А это — Субститут.
В трех третях Текста (Св. Писания Нового Завета),
в трех апостолах (Первоверховных)
А это — Конститут.
то есть: —
в трех Института, Субститута и Конститута (Бытия в Церковь),
— ДАНА — типология —
в двух (начертания ОБРАЗА выражения — по Бытию,
наречении ВЫРАЖЕНИЯ образа — по Языку)

Если историю Богочеловечства можно было бы сравнить с книгой в которую отдельные люди вписывают свои жизни в виде абзацев, предложений, слов, отдельных букв и даже знаков препинания, то запись в ней о. Евфимия представляется мне в виде своеобразного иероглифа.

В. С. ЯНОВСКИЙ

САМОСОХРАНЕНИЕ ИЛИ САМОУНИЧТОЖЕНИЕ *)

Работы последнего десятилетия по пересадке органов и, в частности, сердца, вскрыли некоторые противоречивые особенности нашего пресловутого инстинкта самосохранения. И эти неожиданные проявления человеческой природы, кажется, еще не были философски или религиозно осмыслены.

Вот перед нами очередная «чудотворная» операция: больному, сердечнику, дарят новый, здоровый орган другого человека. Что может быть желаннее этого? Хирургия, в техническом отношении, блестяще справилась со своей задачей; не было и досадных послеоперационных осложнений. Однако, вскоре (слишком скоро) пациент умирает. Он умирает потому что «изрыгнул» новое сердце, как «чужое», враждебное ему тело. Больной решительно отказывается от спасительного органа под влиянием слепого механизма самозащиты. Можно утверждать, что подталкиваемый тираническим инстинктом самосохранения, он кончает самоубийством.

Знаменитая спазма гортани может привести к полной остановке сердечной деятельности, а задумана она была как средство защиты дыхательных путей. Утопающий, случается, душит человека который выплыл к нему на помощь.

Кровоточащий больной сужает (стягивает) свою кровеносную систему — чтобы терять поменьше крови... И этим самым он замедляет или совершенно пресекает нормальное питание мозга.

Еще пример: тенденция крови сворачиваться под влиянием страха, боли, гнева (и других эмоций, связанных с борьбой). Эта предосторожность на случай опасных ранений, теперь только способствует образованию смертельных тромбозов и эмболий.

Больной на операционном столе все время (на разных ступенях сознания) борется с наркозом и с анестезиологом, что тоже является выражением бессмысленного инстинкта самосохранения и часто приводит к катастрофе.

Лет десять тому назад, в Центральной Африке, власти, по высшим соображениям, решили затопить огромную площадь земли. Перед тем как открыть шлюзы, сотни добровольцев прошли по всей территории, стараясь спасти побольше зверей этой обре-

*) Из книги "Философия Обратимости".

ченной области. Некоторых мартышек, змей, антилоп, зебр действительно удалось эвакуировать. Но более сильные и смышленные так ловко и отважно боролись, что отбились от своих самоотверженных спасителей. Так что выжили не наиболее приспособленные, сильные, умные звери, наоборот, они то все погибли: их подвело слишком развитое чувство самосохранения. Инстинкт самозащиты полезен только до известного предела — дальше он превращается в нашего смертельного врага.

Другой формой этого предательского инстинкта надо считать нашу общую склонность приспосабливаться, приноравливаться. Это свойство почитается специалистами весьма положительным. Современная биология, психология, социология, педагогика все еще пестрит такими штампами, как «хорошо приспособлен, дурно приспособлен, не умеет приспосабливаться»... Сколько поколений детей мы изуродовали этими псевдо-научными жупелами.

Надо ли так легко и охотно приспосабливаться ко всему внешнему, временному (пусть всесильному) и терять собственное лицо... Тут маленькой выгоде отдается предпочтение перед подлинными и вечными ценностями. Герман Мелвилл именно это имел в виду, воспевая кита:

«О, человек! дивись и старайся уподобиться киту! Храни и ты свое тепло среди льдов. Живи и в этом мире, оставаясь не от мира сего, как и он. Не горячись на экваторе, не меняй своего обычного кровообращения на полюсе. Подобно великому куполу Святого Петра и подобно великому киту, при всякой погоде сохраняй, о человек! собственную температуру».

Здесь, не впервые и не в последний раз, поэтическое (или религиозное) откровение противопоставляет себя лже-научной истине. Защищаться всегда, слепо и яростно, приспосабливаться, любой ценой, это род мании, ведущей к самоуничтожению.

Согласно современной генетике, вековой опыт прошлого, из поколения в поколение, передается генам: наши клетки честно хранят «информацию» далеких эонов. Считается, что жизнь сумела «отстоять» и победоносно шествовала вперед именно благодаря этой памяти клеток. Такое чисто детерминистическое учение нельзя больше принимать всерьез: мы теперь знаем, что на микроскопическом уровне преобладают спонтанные, свободные процессы. (Антидетерминизм величайшее открытие пост-квантовой физики).

Но допустим на минуту, что это отчасти верно, что настоящее предрешается клеточной памятью далекого прошлого... Тогда

возникает вопрос: какую практическую выгоду может мне принести «информация», полученная клетками когда они прозябали в состоянии каракатицы, рыбы, амфибии, даже гориллы? Нужна ли мне такого рода «осведомленность»? Обогащает ли она меня или, наоборот, сковывает, мешает: висит на шее мертвым грузом... Не пора ли нам, наконец, освободиться от этой массы ненужных правил и законов? Иначе я поперхнусь любой крошкой хлеба, откажусь от помощи добрых друзей и отрыгну желанный, новый орган — все по прихоти дикого, рудиментарного инстинкта самосохранения.

В новых условиях, слепо-эгоистический аппарат самозащиты становится вредным. Если бы наши клетки могли здраво рассуждать, они постарались бы поскорее отделаться от этой старомодной «информации», попросту забыли бы ее.

Верность жизни, в корне, священное чувство, но направление этой интуиции должно радикально изменить.

Уже Бердяев говорил, что заботиться о хлебе для себя, для своей семьи это чисто материалистическое (эгоистическое) занятие; но добывать хлеб для ближнего, для его семьи, это уже вполне духовная, альтруистическая деятельность. (Тот же ветер понесет парусник в другую сторону — если переменить галс).

Недавно, в научной литературе, были опубликованы выводы опыта, которые переворачивают вверх ногами все наши представления о самозащите... Эксперимент велся над больными злокачественной меланомой (по существу, неизлечимой). Пациентов группировали попарно и каждому прививали ткань опухоли его товарища по несчастью. Пересадка, разумеется, не принялась, но в крови каждого подопытного больного появились особые антитела, которые, при переливании в кровь другого члена пары, вызывали стойкое улучшение, а иногда и полное исчезновение начальной опухоли.

Бог ведает какими соображениями руководствовались врачи, задумывая эту работу, но теоретические, философские, религиозные итоги эксперимента, мне кажется, не подлежат сомнению: только помогая ближнему, напарнику, другу, можно, кружным путем, сохранить собственную жизнь.

ШАРЛЬ ПЭГИ

Большому французскому поэту и писателю Шарль Пэги (1873-1914) в русской культуре не повезло. До Революции его не успели узнать (да и во Франции он был тогда известен скорее как публицист). После Революции и до наших дней уже узнать не могли: даже в новейшей советской литературной энциклопедии Пэги начисто отсутствует. В эмиграции о Пэги написал превосходную, хотя и краткую, статью Г. Федотов: "Религиозный путь Пэги" (См. сборник **Лицо России**). Переводили Пэги И. Тхоржевский, М. Расловлев и Л. Зандер. Последний мечтал написать о Пэги статью, в которой собирался показать близость Пэги к Православию.

Пэги прошел сложный путь от социализма к христианству. Выходец из крестьянской семьи, выросший в Орлеане, городе освященном Жанной д'Арк, Пэги сочетал в себе черты социалиста-патриота и средневекового рыцаря. Получивший отменное высшее образование, он был заклятым врагом учёности и академизма. В 1906 году, в благодатном озарении, он снова обрел веру, потерянную в отрочестве. Но он не перестал быть антиклерикалом, врагом всякого внешнего авторитета. Свободолюбие, боязнь ритуализма, а так же тот факт, что жена его была некрещенная (вследствие чего его брак не был признан церковью) помешали ему жить церковной жизнью (жена и дети крестились после его смерти). Но все его творчество глубоко-церковно, пронизано общением со святыми и молитвенным вдохновением. Пэги был убит на войне 5-го сентября 1914 г.

Слава его стала возрастать в конце двадцатых годов и достигла своего апогея после Второй мировой войны. Его мистическая трилогия, **Мистерии** (1910-1912), а так же большая поэма **Ева** (1913) рассматриваются некоторыми как самое крупное явление западной христианской культуры после достижений Средневековья.

Н. С.

ШАРЛЬ ПЭГИ

К столетию со дня рождения (1873-1973)

ОТРЫВКИ ИЗ МИСТЕРИИ О НЕВИННЫХ МЛАДЕНЦАХ

I. *Свобода*

Рабство — это воздух тюрьмы, воздух больницы (говорит Бог)
А свобода моя, свобода, та, которую Я создал — это свежий воздух долины; или горного склона; или вершины горы — Открытой ветрам.
В этом воздухе — запах здоровья и люди дышащие им — сильны; их кожа загорела, их взгляд — глубок; их кровь — горяча.
Они правдивы друг с другом, Они правдивы и со Мной.
Они не скрытны друг перед другом; и не таятся от Меня.
И... надо сказать правду... они не боятся спорить со Мной.
Со Мной — Богом, Святым и Царем.
Но когда они любят Меня, то любовь эта подлинна и глубока.
И за Меня они пойдут на смерть.
И залог их любви — их свобода:
Свобода их слова, свобода их чувства
Придающая их любви тот острый оттенок,
Который есть лучшее в мире, ибо это — отблеск моей собственной несозданной свободы.
Каковая лежит в основе Творения
Как его Тайна, сердце и корень.
Человека Я создал по Моему образу и подобию
И свободу его создал по образу и подобию Моей собственной изначальной свободы.

Поэтому его свобода — это отблеск Моей свободы
И дар его любви есть отблеск Моей благодати.

. . . . . .

Людей нужно любить таковыми, каковы они есть, говорит Бог.

Когда любишь — принимаешь их каковы они есть.
Совершенство принадлежит только Мне
И именно поэтому Я и знаю, что такое совершенство
И не требую его от людей,
Ибо знаю как оно трудно и недоступно.
Но когда Я вижу как трудна их жизнь,
Мне порою хочется поддержать их Моей мощной рукой
Так как отец учит своего сына плавать
Поддерживая его посреди течения реки.
Но перед ним стоят две возможности и он колеблется между ними.
Ибо если поддержка его будет сильна и верна, дитя понадеется на нее
И никогда не научится плавать.
Но если он не поддержит ребенка в нужную минуту — он нырнет и легко захлебнется...
Так и я вечно колеблюсь между двумя возможностями
Ибо если Мой промысел будет неизменен и чрезмерен,
Люди никогда не станут самими собой.
Но если я не поддержу их в нужную минуту,
Эти бедные дети захлебнутся в бездне греха
Такова эта трудность; она велика.
И такова двойственность, такова противоречивость Моей задачи.
С одной стороны надо чтобы они совершали свое спасение сами.
Это закон. И его изменить нельзя.
Иначе все станет бессмысленным. И люди перестанут быть людьми.
А я хочу чтобы они были мужественны, смелы и свободны.
Но с другой стороны нельзя допускать, чтобы они захлебнулись в бездне греха.
Такова тайна свободы человека, говорит Бог.
Тайна Моего промысла о человеке и его свободе.
Если я стану помогать ему чрезмерно — он перестанет быть свободным.
А если я отнимаю у него свою помощь
Он гибнет.
Если Я помогаю ему чрезмерно — под вопросом его свобода.

А если Я отнимаю у него свою помощь — под вопросом его спасение.

А и то и другое одинаково драгоценно
Ибо спасение его не имеет цены
Но что такое спасение без свободы?
А Я хочу чтобы человек сам совершал свое спасение.
Сам человек. Своею волею.
Чтобы спасение это шло как бы от него самого.
Такова тайна свободы человека.
Таково достоинство, даруемое Нами свободе человека

Ибо Я сам свободен, говорит Бог, и сотворил человека по Моему образу и подобию.

И такова тайна, таково достоинство
всякой свободы.

Ибо эта тварная свобода есть совершеннейший образ свободы Творца.

И поэтому она так ценна.

И чем было бы спасение без свободы, без воли и труда свободного человека? Что оно может значить?

Какой в нем смысл?
Блаженство рабов, спасение рабов, рабье блаженство — к чему мне оно?
Какой смысл в любви раба?
Если речь идет о Моем могуществе, то оно не нуждается в свидетельстве рабов; оно и так всем известно, ибо все знают, что Я — Всемогущий.

И могущество Мое сияет во всем творении и во всей его жизни;

В песке морей и в звездах неба...
И никто не оспаривает его, ибо все его знают
И оно сияет в неживой природе и в промысле и в самом появлении человека.

Но творя мир разумный Я хотел большего, говорит Бог.
И лучшего. Гораздо лучшего. Я восхотел свободы.

И я создал эту свободу.

И когда познаешь свободную любовь —
подчинения больше не хочешь.

Когда познаешь любовь свободного человека
рабские восторги становятся противны.

Когда раз увидишь пред собой коленопреклоненного St-Louis, то отворачиваешься от толп восточных рабов валяющихся в прахе на земле.
Быть любимым свободно!
Раз ощутил вкус быть любимым свободно,
Нет ничего, что могло бы с этим сравниться
Это конечно лучшее, что я создал,
Все остальное — только подчинение необходимости.

II. *Молитва.*

Как Мне защититься от людей, говорит Бог.
Мой Сын открыл им тайну... Он научил их молиться „Отче наш";
И вот они знают, что я — их Отец.
Мой Сын так любил их, что научил их молиться этими словами,
Через которые никогда не переступит мой гнев и мое правосудие.
И вот эти два слова стоят впереди их прошений, как сложенные на молитву руки, как волнорез корабля, за которым следует весь флот...
И как могу Я судить их,
Когда они идут ко мне как к Отцу.
Известно как судит Отец...
Да, Сын Мой, научив их молиться, связал мое правосудие и развязал мою милость...
И вот что я теперь вижу.
С высоты моего величия, с престола моей справедливости Я вижу, как с края земли на меня плывет флот трирем.
Они подобны стае журавлей, треугольником летящих в небе, с вожаком впереди,
Который грудью режет ветер;
А за ним вся стая, тесно прижавшихся друг ко другу и друг за другом укрываясь.
Таков этот флот — и первый корабль — это Мой Сын, принявший на себя грех всего мира.
А за ним — все множество людей, — кораблей скрывшихся за Моим Сыном от Моего гнева и правосудия.

Таков этот флот трирем бесчисленный как звезды неба и вооруженный как древние воины — в латах и шлемах...
Он плывет на меня и я ничего не могу противопоставить силе его молитвы.
А за ним я вижу другой флот молитв — также бесчисленный, но плывущий уже не на веслах, а на парусах.
Флот легких белых каравелл, клонящихся под ветром к голубым волнам моря.
Они подобны нежным голубкам — таким своим и привычным, что хочется взять их в руку...
Что флот молитв Божьей Матери: Богородица Дева Радуйся, Радуйся Царица, Матеродевственная Славо!
Но эти нежные голубки, эти легкие каравеллы — быстрее всех других кораблей и первые достигают гавани...
А за ними следует третий флот — всех без различия молитв:
Тех, что читаются за литургией и за вечерней;
За утренней и за полунощницей.
Молитв монахов и мирян; дня и ночи.
И тех молитв, которые читают, благословляя дымящееся блюдо.
Но и это еще не все. Ибо за ними следует четвертый флот — невидимый:
Тех молитв, которые не были сказаны, тех слов, которые не были произнесены.
Тайных воздыханий души, добрых движений сердца.
Тот кому они принадлежат их не сознает и не знает.
Но я слышу их и приемлю и считаю и храню
Ибо я Судия Тайного...

Отрывки из Преддверья к Мистерии о второй добродетели

III. *Творение*

Вера меня не удивляет
Она так естественна (говорит Бог).
Ибо я так ослепительно сияю в Моем Творении:
В солнце, в луне и в звездах — во всем что Я сотворил.

В небесных светилах и в морских рыбах —
Во всем мире моих творений
В лике земли и в лике морей...
В ветре, который проносится над морем и в ветре долины
Тихой долины,
Скрытой горами долины...
В деревьях и в животных и в лесных зверях;
И в человеке — моем творении.
В народах и в людях и в царях и в простых крестьянах,
В мужчине и в женщине — его подруге
А главное в детях — моих Творениях
В детских глазах и в голосе детей,
Ибо дети даже в большей степени мое Творение
Чем взрослые люди.
Ибо жизнь, земная жизнь их еще не успела испортить.
И среди всех моих творений — они — мои слуги
Прежде всех.
И голос ребенка более чист, чем голос ветра
в тишине долины — долины скрытой горами.
И взгляд ребенка более чист, чем голубизна неба,
чем небесная млечность и луч звездного света
в тишине ночи.

Я так ослепительно сияю в Моем творении (говорит Бог)
В лике гор и в лике полей
В хлебе и в вине, и в человеке, который пашет; и в человеке, который сеет; и в сборе зерна и в сборе винограда.
В свете и во тьме,
И в сердце человека, которое глубже всего в сотворенном мире,
Ибо оно недоступно ничьему взору
Кроме Моего,
В буре, вздымающей волны и в буре гонящей листья деревьев в лесу и вместе —
В спокойствии тихого вечера
В песках морей и в звездах, которые суть пески небес,
В камне порога, в камне очага и в камне алтаря,
В престоле, на котором совершается таинство,
В доме человека и в храме, который есть Мой дом на земле.

И в орле — моем создании — который пролетает над вершинами гор,
В царственном орле, крылья которого далеко отстоят друг от друга
И в муравье — Моем создании — который ползает по земле и собирает песчинки. —
В муравье, — который Мне служит.
Служит мне терпеливо, без остановки, без отдыха — если не считать смерти и долгого земного сна.
И даже в змее,
Которая прельстила жену и за это должна пресмыкаться на чреве.
Но и она тоже — Мое создание и Мой слуга.
Змея, которая прельстила жену — которая Мне служила; прельстила и Мужа — Моего слугу.
Я так ослепительно сияю в Моем творении
Во всем что случается с людьми и с народами — с бедняками
И даже с богатыми
Которые не хотят признавать себя Моим созданием.
И прячутся
От того чтобы служить Мне.
Во всем, что человек создает и разрушает — в добре и во зле (и на что Я не обращаю внимания, как Хозяин, который воссоздает то, что человек разрушает и разрушает, то что он создает)
Я сияю даже в соблазне греха...
И во всем, что случилось с Моим Сыном
Случилось из-за человека
Моего создания,
Которого я сотворил.
В воплощении, в рождении и в смерти Моего Сына
И в святейшем Таинстве Его крови.
Во всяком рождении и во всякой жизни и в смерти
И в вечной жизни, которой не будет конца
Которая победит смерть...
Я так сияю в Моем Творении (говорит Бог)
Что не видеть Меня — для этого надо быть слепым
И для того чтобыне верить в Меня, надо учинить над собой насилие, извратить себя, обессилить, измучить.
Надо засохнуть, умереть...

IV. *Надежда*

Что Меня удивляет (говорит Бог) так это надежда.
Я сам удивляюсь ей; ибо она непонятна.
Как эти бедные дети могут думать, что завтра все будет иначе.
Как могут они думать, что завтра все пойдет лучше — видя как все происходит сейчас.
Это удивительно и непонятно.
И повидимому это самый великий дар Моей благодати
Которому Я сам удивляюсь.
Ибо Моя благодать вероятно имеет непонятную силу
И течет из источника который никогда не иссякает
С того самого мгновения как она излилась
На все Мое творение:
Духовное и телесное, каковое тоже духовно
Вечное и временное, каковое тоже вечно
Смертное и бессмертное
С того мгновения как Моя благодать еще раз излилась подобная реке крови из пронзенного ребра Моего Сына...
Какова же сила Моей благодати
Помощью которой эта девочка — Надежда —
Колеблемая ветром греха, задуваемая всеми ветрами —
Остается все той же — верной, чистой, прямой; непобедимой, непотухающей и бессмертной...
И вот это Меня удивляет, говорит Бог,
И Я сам не могу прийти в Себя от удивления
Эта маленькая девочка Надежда,
Эта слабенькая девочка Надежда
И она — бессмертна...

Ибо вера — это верная жена
А любовь — это любящая мать
А надежда — маленькая девочка...

Вера твердо стоит во веки веков
Любовь вся отдается во веки веков
А Моя маленькая надежда
Каждый день встает со своей детской кроватки и говорит нам: доброе утро!

Вера бдит во веки веков
И любовь бдит во веки веков
А Моя маленькая надежда
Каждый вечер ложится в кроватку
И помолившись на ночь спокойно спит
Чтобы утром встретить восходящий день
Новым словом и новой молитвой.

Ибо вера — это храм всего мира
А любовь — это больница всех бед и скорбей
Но без надежды все это было бы только кладбищем.

V. *Детство*

Вся жизнь начинается с нежности — говорит Бог.
Когда смотришь на дерево, когда смотришь на дуб,
Когда видишь его жесткую его грубую кору
Которая твердой броней одевает его столетний ствол;
И его ветви подобные сплетению мощных рук
И его корни подобные огромным ногам.

Когда видишь эту силу и мощь и грубость —
Маленький нежный побег на конце его ветки
Кажется незначительной случайностью.

Кажется маленьким наростом: живущим на дереве,
Растущим на дереве, питающимся им.

Он как бы выростает из дуба, от него зависит, не может без него быть.

Но на самом деле обратно.

Было время, когда не было дуба, а был этот нежный побег, эта зеленая почка, которая дала жизнь дубу.

Ибо вся жизнь начинается с нежности
Вся жизнь начинается с этого нежного апрельского побега, с этих клейких листочков, покрытых, согретых, завернутых в белый пушок волокнистых нитей...

В этой свернутой, нераскрывшейся почке — тайна всей жизни.

Жесткая кора дуба кажется панцырем по сравнению с нежным побегом,

Но на самом деле эта кора только затвердевший, ставший старым побег.

И самый грубый воин был когда-то младенцем, сосавшим грудь матери

И самый твердый мученик, молчащий под пыткой, как бы застывший, затвердевший в страдании был когда-то младенцем сосавшим грудь матери.

Вся жизнь начинается с нежности и без этого зеленого побега, без этой маленькой почки весь мир — только сухие сучья,

Которые годны только сгорать.

(Перевел с французского Л. Зандер)

В. ВЕЙДЛЕ

«БЛАГООБРАЗИЕ»

Из заметок о народно-христианских чертах
в русской литературе недавнего прошлого.

Если бы я писал эти заметки по-английски, я бы их назвал заметками о религиозном «фоне» или «заднем плане» (background) русской литературы, — можно было бы сказать и «культуры», и «духовной жизни», да и просто «жизни». Подошло бы тут и недавно придуманное, нудно звучащее словечко «подтекст», тем более, что основой этих заметок служат тексты знаменитейших наших авторов. Недавних? Прошлого века, главным образом. Но я нарочно выбрал неопределенное обозначение времени, оттого что «подтекст» этот, думаю, или некоторые его черты, нетрудно было бы обнаружить и у Солженицына или, например, в «Докторе Живаго» Пастернака. Так что уже заглавие мое шатко: гадательно, как и все озаглавленное им. И ничего, конечно, кроме заметок, отдельных замечаний не могу я предложить, единственная цель которых — вызвать интерес к огромной, трудной, требующей тщательной разработки теме (1).

Тема эта трудна, не потому что спрятана, а потому что слишком уж лежит открыто — у славянофилов (до чего нелепо, Боже мой, люди эти были названы!), у многих западников и народников, у Достоевского, у Толстого. Может показаться, что она исчерпана или испорчена, что незачем или что опасно (для четкости мышления) к ней возвращаться. Согласен. Опасно. Тем не менее,

(1) Статья эта была написана пять лет назад для обширного сборника статей в честь о. Георгия Флоровского. Сборник был ему поднесен в день его семидесятипятилетия, но, насколько мне известно, до сих пор не появился в печати. Кое-что о "благообразии" уже сказано мной было в статье "Наследие России", вошедшей в мою книгу "Безымянная страна" (YMCA-PRESS, 1968). Страничка о г-же Комиссаровой была напечатана, в другом варианте, в "Вестнике РСХД".

она центральна; и многогранна; понималась и может пониматься очень по разному. Скажу сразу, как я ее вижу. Я вижу ее как просачиванье горизонтальной культуры в вертикальную, как просвечиванье того, чем жил крестьянский народ, в том, что мыслилось и создавалось «на верхах», усадебных и городских, Петром взращенных, открытых всем ветрам, дувшим с Запада.

Наследием допетровской Руси, или верней продлением своей прежней, христианством пропитаной горизонтальной культуры жило крестьянство, и оно жило только им, тогда как дворянство, не говоря уже о после-дворянской разночинной интеллигенции, наследие культуры старых, допетровских верхов почти полностью утратило. Разрыв, на который сетовали Киреевский и Хомяков, был реальностью; но был он все же менее полным, чем им казалось (иначе они бы его не чувствовали внутри себя), да и предстает он нам теперь в другом свете, чем в их время. Своеобразие того цветения России, которое началось с Державина и еще ярче расцвело после него, состоит не в том, что цвела при этом одна лишь вертикальная ее культура (так же обстояло дело и в Германии времени Гете, и во Франции времени Расина и Паскаля, и в Англии времени Шекспира), а в том, что горизонтальная сохраняла здесь еще и в это время целостность и мощь, давно утраченные ею в западных странах, так что именно просачиванье ее вверх, хоть и не само цветение, но своеобразие этого цветенья и определило: дало ему тот особый характер, из которого проистекает чужеземцами испытываемая притягательная сила русской литературы, музыки, многого другого русского, самой русской жизни.

Преимущество дворянской помещичьей культуры перед разночинно-городской заключалось прежде всего в том, что в ее обиходе просачиванье, о котором идет речь, происходило с недостижимой в других условиях естественностью, само собой: через нянюшек и дядек, а также и через других дворовых и через деревенское житье вообще. «Дворовые и слуги — говорит Версилов в «Подростке» — чрезвычайно много разделяли интересов частной, духовной и умственной жизни своих господ в былое время». И влияли на господ, можно прибавить, своими «интересами» едва ли не больше, чем господа влияли на них. Общение здесь бывало на удивительно «равной ноге»; как запросто, например, беседует Адуев с поваром Любецкой в «Обыкновенной истории» Гончарова! А недружелюбный наблюдатель еще и позднее находил, что настоящей аристократии в России нет: родовитейший дворянин

превращается в мужика, надев овчинный тулуп, у себя в имении (2). Но главное, конечно, не легкость опрощенья, порой и напускного, а то, что́ получали помещичьи дети от таких своих «людей», как знаменитая пушкинская няня или заслуживающий не меньшей славы Николай Афанасьевич, дядька Тютчева. Причем не надо забывать, что нянюшки и позже не перевелись: не одни помещики их держали. Разночинцы, к тому же , не одним махом прикончили дворянство. Толстой еще жил в Ясной Поляне, после того как был срублен чеховский вишневый сад. Бунин и вдали от России, после «Октября», остался отчетливо дворянским писателем (3). «Classicus adsidnusque scriptor, non proletarius», как сказано при немножко ином смысле всех трех прилагательных, у Авла Геллия (Noct. an. XIX.8.15).

«Белинского и Гоголя с базара понесет». Насколько «беспочвенным» было это мечтание, видно из условий, в которых оно сбылось. Вертикальная культура — или мешанина из крох ее, политграмоты и суконно-газетной канители — стала проникать в крестьянскую среду лишь после того, как старая крестьянская культура, неразрывно связанная с Церковью и церковным бытом, была начисто изничтожена, а само крестьянство частью истреблено (раскулачено), частью выселено из деревень, частью же в

---

(2) «Aristokratie im echten Sinne gibt es in Russland nicht. Der hochgeborenste Edelmann geht auf sein Gut, zieht den Schafpelz an und ist ein Bauer». Victor Hehn, *De moribus Ruthenorum,* Stuttgart 1892, p. 153. Жаль что пишущие о России прошлого века так редко заглядывают в эту несправедливую, но проницательную книгу. Я уже пытался обратить на нее внимание в моей книге "Задача России" (Чеховск. Изд. 1954). Там же см. о терминах "горизонтальная" и "вертикальная" культура.

(3) Перелом, который не означал еще упразднения дворянской культуры, произошел во второй половине тридцатых и первой половине сороковых годов. — В книге Сергея Соловьева "Письма Александра Блока" (1925), стр. 38, читаем: "Блок был страшно увлечен Грибоедовым, говорил даже: "он мне дороже Пушкина". Развивал мысль о "Пушкинско-Грибоедовской культуре", которая, по его мнению, была уничтожена Белинским, отцом современной интеллигенции". Разговор этот относится к октябрю 1915 года. Возможно, что в Блоковском "увлечении" сказался некий "рессентимент", приведший через два года к "Скифам" и "Двенадцати"; но "мнение", или верней оценка с ним связанная, заимствована им была повидимому у Розанова, который в "Опавших листьях" (1, стр. 285) писал: "Пришел вонючий 'разночинец'. Пришел со своею завистью, пришел со своею грязью (...). И разрушил дворянскую культуру от Державина до Пушкина. Культуру и литературу..."

деревнях подвергнуто переделке на городской лад. Сто лет назад, однако, не мужику был нужен Некрасов, а мужик Некрасову: без него ни «Власа», ни «Кому на Руси...», он не написал бы. Старообрядческие села не жили по Мельникову-Печерскому; это ему без них было бы — хоть ложись да помирай. И далеко тут не в одном сыром матерьяле дело. Самая главная особенность России прошлого века сравнительно с тогдашним Западом заключается в том, что ее «высокая» культура — литература и музыка (4) прежде всего — сознательно или нет, но постоянно питается крестьянской, а крестьянская из высокой не впитывает ровно ничего. Если что и перепадает туда «сверху», то, в отличие от древней Руси и от обычного положения вещей повсюду на свете, очень немногое, и остающееся наносным, не втягиваемое в более глубокий ее состав. Но чем же именно питает, «окормляет» она ту, совсем не интересную ей, далекую, высокую?

Какой-нибудь особой этнической, но принимаемой за национальную, квинт-эссенцией? Щами да кашей, рукавицами, лаптями, все тем же надеваемым барином в деревне овчинным тулупом, рубахой Толстого, мурмолкой, благодаря которой Константин Аксаков, как слышно, походил на персиянина? Или, быть может, былинами, песнями, сказками, столь усердно собиравшимися в то время? Отчасти, конечно, и ими, но подражание им лишь в редких случаях приводило к чему то полноценному; характер и значение русской литературы прошлого века определило не оно. Заимствование творений или форм горизонтальной культуры наблюдалось, но большой роли не играло. Гораздо важнее было просачивание из нее вверх образа мыслей, ей свойственного, духовных навыков, оценок и чувств, издавна в ней живших. О них я теперь речь и поведу. Но в виду расплывчатости и безбрежности, неотъемлемых от этой темы, не решусь пойти дальше замечаний об отдельных точках инфильтрации, кажущихся мне особенно важными и всего лучше поясняющими природу этого явления, взятого в целом. Обозначаю я точки эти словами наиболее способными инфильтрируемые содержания охарактеризовать, если и не в точности определить, и еще того менее исчерпать. Об итогах и

---

(4) Русская музыка прошлого века, прежде всего в лице Мусоргского и его друзей, связана не только с народной музыкой, но и с хорошо известными народу древними церковными ладами. Из этих двух источников проистекает ее особенность сравнительно с музыкой западно-европейской, на основе которой она развилась,

выводах я при этом не пекусь, а лишь расстилаю перед читателем далеко не полный материал для его дальнейших размышлений. Ограничусь на этот раз рассуждением о благообразии.

*
**

В своей замечательной книге «Пути русского богословия», о. Георгий цитирует (стр. 68) Розанова: «**Типикон спасения,** — вот тайна раскола, нерв его жизни, его мучительная жажда» и прибавляет от себя: «Не следует ли сказать скорее: спасение как типикон ... спасение и есть типикон, т. е. священный ритм и уклад, чин или обряд, ритуал жизни, видимое благообразие и благосостояние быта». В отношении русского старообрядчества, поправка эта весьма уместна, и замечание о ритуале ж и з н и, как и о в и д и м о м благообразии и благосостоянии весьма проницательно, причем «видимое благосостояние» вполне законным образом направляет нашу мысль в сторону характеристики пуританства данной Максом Вебером (5). Но если от этого особого предмета отвлечься (чего о. Георгию делать было незачем), то сразу же станет ясно, что союз благообразия с благосостоянием только здесь, только этим предметом и обеспечен, тогда как сами по себе это две вещи совершенно разные, — даже и до того, что видимость благообразия совсем не то же самое, что видимость благосостояния, да и к «типикону», и тем более к спасительности типикона относятся они (вне таких ситуаций, как старообрядчество или пуританство) совсем по разному. Ведь и сходство самых этих слов обманчиво. Второе — калька с французского; первое — с греческого через церковно-славянский. «Благообразие» принадлежит к обширной, западным языкам чуждой группе слов, не только начинающихся с этой излюбленной греками приставки, но и греками в самом деле созданных, а внутри ее к гораздо менее обширной группе таких слов, встречающих-

(5) При всей своей доктринальной противоположности протестантизму, наш раскол привел к похожим результатам с социологической точки зрения. Мимоходом я на это указал в конце моей статьи **Some Common Traits in Early Russian and Western Art (Oxford Slavonic Papers, IV** 1953). Надо, впрочем, иметь в виду, что многое в таких аналогиях объясняется чисто внешними причинами. Католики в Англии являют социологическое подобие протестантам во Франции: тут и там перед нами преследуемое (или подвергавшееся некогда преследованиям) меньшинство.

ся в новозаветных текстах. Благообразным назван в Евангелии от Марка (15,43) Иосиф Аримафейский, «благообразный Иосиф» песнопений Великой Субботы (6). Веками это слово, для простых, пусть и неграмотных, русских людей, звучало литургически, церковно. В обиходный их язык оно не вошло, но в сознание их проникло, пережито было ими, путеводительным сделалось, смысл его стал жизненного воплощения искать. В этом издавна возникшем движении своем и встретило оно отклик на верхах литературы.

«Благообразия в них нет», «благообразия не имеют» говорит старец в «Подростке» о неверующих интеллигентах; сам же он, Макар Иванович, Достоевским показан именно как пример благообразия. Отнюдь не одного лишь внешнего, конечно. Как и порицание, вложенное в его уста, не относится к отсутствию внешнего благообразия. Тут Розанов, подхвативший обвинение это в «Уединенном», дабы предъявить его революционерам-террористам, точное значение его слегка сместил. «Нет гармонии души, нет величия. Нет 'благообразия', скажу термином старца из 'Подростка', нет 'наряда' (одежды праздничной), скажу словами С. М. Соловьева, историка». Розанов увлекся: он выстрелил дробью и «в точку» не попал. «Величие» здесь не причем; «гармония» (или дисгармония) не совсем уместна; а «наряд» как раз и может нас склонить к слишком внешнему истолкованию благообразия. Эта внешняя сторона в нем есть, неотъемлемо ему принадлежит, но не ее одну и не ее прежде всего видит Достоевский в своем старце — как и Толстой в Платоне Каратаеве, о котором сказано: «в его речи, события самые простые, иногда те самые, которые, не замечая их видел Пьер, получали характер торжественного благообразия». Благообразие — иного оттенка, но того же источника, что у старца — свойственно не только речам, но и всему облику Пла-

---

(6) Благообразие по-гречески εὐσχημοσύνη. Соответственному прилагательному εὐσχήμον новозаветные авторы придают два разных смысловых оттенка: более "низкий", как в 1 Кор. 12,23 ("приличный", "пристойный") и более "высокий", как у Мр. 15,43, где Иосиф Аримафейский зовется εὐσχήμον βουλευτὴς, что вульгата переводит nobilis decurio. Прилагательное это почти то же здесь и значит, что "благородный", но с преобладанием "духовного", "внутреннего" смысла над буквальным, социальным. Преобладание это закреплено в русском слове "благообразный" не столько евангельским, сколько литургическим его контекстом. "Благообразный Иосиф, с древа снем Пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив" и т. д.

тона Каратаева; дело, однако в том, что оно, как и у старца, идет изнутри наружу, **просвечивает** в его внешности, но оборачиваясь ни на миг одним «нарядом» (7).

Вся значительность благообразия и заключается в его несводимости к наряду и к обряду, — к **видимому** благообразию, поскольку в видимом не сквозит невидимое. Типикон, «священный ритм и уклад», это еще не оно; не оно — даже и ритуал самой жизни, превращающий ее в богослужение, но ведь, быть может, и в одно лишь видимое богослужение; хотя все это видимое и бывает искомо (старообрядцами, пуританами, и не только ими) как образ невидимого блага (но опять таки двоясь: как свидетельство спасенности или как путь к спасению). Благообразие Платона Каратаева столь же в религиозности, и притом в церковной религиозности укоренено (хоть Толстой об этом и молчит) как и сугубо церковное, молитвенное благообразие старца. Многие скажут, что корень тут надо искать в той особой гармоничности, которая приписывается православию вообще или русскому, в особенности. Конечно о России думает Розанов, когда пишет: «Православие в высшей степени отвечает гармоничному духу, но в высшей степени не отвечает потревоженному духу». Сперва с ним соглашаешься, но потом вспоминаешь, что он тут же, в «Уединенном», о «гармонии души» не совсем кстати упоминал, и этот «гармоничный дух» в свою очередь начинает казаться чем то внешним, обрядовым, чем то потревоженному духу враждебным, но неспособным его уврачевать. А ведь Розанов знал, в том же «Уединенном» писал, что ничего нельзя понять в этом русском православии, если ничего кроме обрядов в нем не видеть (8). Есть гармония не ис-

---

(7) Не упуская из виду, что и С. М. Соловьев, говоря о "наряде" не сводил его к простому факту праздничной одежды, можно все таки сказать, что "благообразие" сильней сопротивляется чисто внешнему пониманию, чем "наряд" и даже, чем "гармония". Академический "Словарь современного русского литературного языка" совершает недопустимое насилие над этим языком, пренебрегая Толстым и Достоевским (которых он в других случаях цитирует) и сводя благообразие к "приятной внешности". Если верить ему, "благообразный", это всего лишь "имеющий привлекательную наружность, приличный, приятный на вид". Точно так же и русско-английский словарь Смирницкого, на горе читателям "Подростка" и "Войны и мира", предлагает им понимать благообразие как comeliness (!).

(8) **"Душа** православия — сказано у Розанова ("Уединенное", лето 1911 г.) — в даре молитвы. Тело его — обряды, культ. Но кто подумал бы, что кроме обрядов в нем и нет ничего (Гарнак, дерптец-балтиец) — тот все таки при всяческом уме не понял бы в нем ничего". Насчет

ключающая, а врачующая тревогу; она не в обрядах, а по ту сторону обрядов, хоть их и принимает, хоть и выражает себя в них; самое верное имя ее, в христианстве греческого корня: благообразие.

Высший смысл его мы точней всего поймем, если сопоставим слово, именующее его, с другими, родственными ему, такого же типа и происхождения словами. Ближайших к нему есть два: благолепие (εὐπρέπεια) и благочиние (εὐταξία). Первое относится, в русском словоупотреблении, не к человеку, не к его видимому и невидимому («нравственному») облику, как благообразие, а к такому же облику его деяний и творений. Нынче сказали бы: к их эстетической оценке, но это было бы неверно: далеко не все эстетически одобряемое может быть названо благолепным, а лишь то, что находится в ограде Церкви или невдалеке от нее, да и тут эта оценка с чисто-эстетической не совпадает. «Старцу надо отходить благолепно», «блаженно и благолепно», — это опять Макар Иванович в «Подростке» говорит, и в этих словах этики нисколько не меньше, чем эстетики, да они, в религиозном мышлении его, одна от другой и неотделимы. Как и вообще никто, покуда слова этого не изъяли из словарей, не стал бы его применять для похвалы, не только чему либо соблазнительному с точки зрения церковной морали, но и просто музыке или архитектуре вполне светского назначения и характера. Что же касается «благочиния» (по-латыни bonus ordo), то его издревле относили на Руси к послушанию и порядку, к распорядку церковных должностей и служб, к «чину», «типикону», к тому, что отвечало духу Иосифа Волоцкого скорей, чем Нила Сорского, — тогда как благолепие Рублева не от Сергия ли Радонежского шло? А потому и докатиться благочинию было суждено до Табели о Рангах и до Управы Благочиния. Оно в сторону нас отводит. Благолепие же с благообразием одной дорогою идет; благообразному труженику подобают благолепные труды; благообразному старцу — благолепная кончина. Достоевский научился этому не из книг, даже и не из цер-

---

Гарнака Розанов по обыкновению (инославный, иноземный) несправедлив. В своем "Духе христианства" знаменитый немецкий ученый свидетельствует о том, что «beim Russischen Bauern oder niederen Priester, trotz Bilder — und Heiligendienst, doch auch eine Kraft des schlichten Gottvertrauens, eine Zartheit der sittlichen Haltung und eine tatkräftige Brüderliebe findet, die ihren Ursprung aus dem Evangelium nicht verleugnet.»

ковных книг, и не он этому научил старца своего Макара, как и Толстой ничего не подсказал солдатику своему, Каратаеву, как и Тургенев никак не мог бы **выдумать** свою Лукерью, в «Живых мощах» (9). Сами эти дворяне-грамотеи учились у дворовых, у солдат... У народа? Да, у народа. Оттого и склонны были слово это писать с заглавной буквы. Так его писали и славянофилы, и Герцен, и «народники» всех мастей, и агитпропы многоногие и двуногие, начиная с Ульянова В. И.; как его пишет и нынче, кажется даже и в мыслях своих, нынешняя Россия. Только означает большая эта буква очень большое недоразумение.

Не говоря уже о том, что превознесение это не у всех бывало искренним и не всегда относилось к тому же самому мыслимому предмету, пусть и обозначавшемуся все тем же величавым именем, оно уже в самом подлинном и незамутненном источнике своем основано было на ошибке: с большой буквы следовало писать наименование не тех, у кого учились, а того, чему учились. Ведь если было чему учиться у народа, то ведь именно тому, чему он сам, за долгие века, был научен Евангелием и Церковью. Правда, учение это передавалось не только словами, устною, живою речью, но и примером, воплощением в живом лице, так что было за что уважать и любить учителей; однако возвеличивать в первую очередь надлежало само передаваемое этой передачей, и никак не могла идти речь о каком то экстракте народности, всасываемом барским младенцем вместе с молоком деревенской его кормилицы. Впитывалось вертикальной культурой из горизонтальной, преподавалось образованным людям необразованными, часто и неграмотными людьми не «славяно-русское» нечто, а церковно-славянское и древне-русское: открывалась им в благообразии Макара Ивановича, Лукерьи, Платона Каратаева не «почвенная», не этническая черта, а, как указывает само это слово, черта высокой греческой мудрости, усвоенной и освященной христианством: отказ отделять добро от красоты (10). Но нисколько это, вместе

---

(9) В "Живых мощах" все "подлинно". Выдуманным, в дурном смысле слова, представляется мне лишь образ Христа в первом сне Лукерьи. "Безбородый, высокий, молодой, весь в белом, — только пояс золотой, — и ручку мне протягивает". А также через две строчки: "Крылья у Него по всему небу развернулись, длинные, — как у чайки..." Таким, действительно "Его не пишут" (слова Лукерьи); сомнительно, чтобы Лукерья могла Его таким вообразить. Это скорей в благочестивых протестантских книжках "для народа" так Его изображали.

(10) "Добро не имеет ничего общего с красотой" ("Что такое

с тем, не умаляет значительности того факта, что греческая эта мысль явлена была Толстому не Платоном (красота как излучение добра), а совсем другим Платоном, в речах которого «торжественное благообразие» обеспечивается однако, все тем же слиянием добра и красоты, усмотренным и Достоевским, и Тургеневым, и многими другими в словах и делах «простых людей», людей «из народа». Из какого народа? Только из того, который еще жил церковно-народной стародавней духовной жизнью.

Этим сразу же разоблачается трагикомическая пустота славословий народу, которому жить этой жизнью воспрещается, которого лишают или уже лишили горизонтальной его культуры. Но для нашей темы нам всего важнее выяснить, что же изменилось в той древней мудрости оттого что она прошла сквозь русское крестьянство-христианство. То самое с ней и случилось, чего можно было ожидать: она опростилась и более евангельской стала, чем была. Лексикографически рассуждая, само это слово, «благообразие» (или «благообразный») даже и более евангельским обернулось, чем было в самом Евангелии: с некоторых пор перестало быть уместным применять его к лицам, которым подходила бы квалификация nobilis decurio, но и ничуть оно, конечно, не приблизилось к простейшему своему греческому смыслу пристойности, приличия (как в 1 Кор. 12,24). В русском языковом сознании даже и сам благообразный Иосиф не в силу своего звания и богатства («советник», член синедриона; богатым его называет Матфей 27,57) благообразным пребывает, а в силу своей благости и праведности (Лука 23,50) и своих во всех четырех Евангелиях упомянутых деяний. Характерно, что в древне-русских, как впрочем и византийских иконах Снятия со Креста не было принято (в

искусство?"). Это одна из навязчивых идей Толстого в старости. Правильней было бы сказать: куда ни глянь, вокруг нас, добро и красота разлучены; но ведь как бы нам хотелось, чтобы они не разлучались. Позднышев, в "Крейцеровой сонате", разоблачает эту мысль, настаивая на ней. "Удивительное дело — восклицает он — какая полная бывает иллюзия, что красота есть добро. Красивая женщина говорит глупости, ты слушаешь и не слышишь глупости, а слышишь умное. Она говорит, делает гадости, а ты видишь что то милое..." Тут я повторяю уже сказанное в статье "Наследие России". Но ведь слышишь и видишь ты это, потому что ты влюблен и потому что влюбленность твоя приподнялась до любви, иллюзорно осуществившей требуемую ею нераздельность. Если не приподнялась бы, не создалось бы иллюзии, не было бы и надобности в ней. В требовании, а не в иллюзии все и дело. Толстой сам прожил всю жизнь в отказе отделять добро от красоты.

отличие от западных изображений этой темы, начиная с XIV века) облекать Иосифа в особенно богатые одежды. Мыслилось как бы: не в этом благообразие его. Что же до недавних времен, о которых у нас идет речь, то мое воспитанное ими языковое чувство с полной ясностью подсказывает мне, что совершенно так же, как неприложимо слово «благолепие» к дворцовому церемониалу или оперно-балетному роскошеству, так и благообразным нельзя назвать даже и православного государя (в отличие от византийского или еще московского, во всенародно ощущавшейся их церковности), не говоря уже о самых добродетельных его канцлерах, фельд-маршалах, тайных и действительных советниках. Не подходит это прилагательное также и ни к каким, хоть и к святости близким военачальникам, чиновникам, помещикам, интеллигентам, а лишь к лицам попроще, конечно исключительным и в своей среде, из числа крестьян, как наши Макар и Платон (или Лукерья, Калиныч, да и Касьян с Красивой Мечи, при всей невзрачности его, или в кругу духовенства, а также по старинному строю живущего купечества. Пример благообразия, проистекавшего из этой последней среды мне довелось видеть собственными глазами. Стоит о нем рассказать.

Это было в 1917 году, между Февралем и Октябрем, весной, в Крыму, куда я поехал на поправку после тяжелой болезни. Мы познакомились там, жена и я, с пребывавшей в том же пансионе супружеской четой из Москвы, средних лет, средне-купеческого или в этом роде звания. Фамилия их была незаурядная и по тому времени пророческая: их звали Комиссаровы. Муж ничего особенного собой не представлял. Жена была — иначе не могу выразиться — чудом культуры; и олицетворением благообразия. Была она полновата, но не слишком, миловидна, ходила плавною походкой, все движения ее были мягкие и плавные. Темнорусые волосы причесывала гладко, на прямой пробор, носила закрытые темные платья и всегда платок на плечах, вообще одевалась необычно: на крестьянско-купеческий лад, по-русски. Вкус она в этих своих нарядах проявляла отменный; все ей было к лицу, ни в чем ни шва, ни складки, ни цвета изменить казалось немыслимо. Заглядишься, бывало, на нее... Но уж не заслушаться было невозможно. Голос у нее был чудесный, — певучий, грудной, а русская речь ее ни с чем, что я прежде или позднее слышал, была несравнима; даже с речью Ремизова (все таки кривлялся он немного) или Бунина (рисовался слегка и он). До тех пор я и не догадывался, что речь эта может быть до такой степени богата оттенками, точна,

выразительна, мелодична. О чем бы она ни говорила, можно было слушать ее часами. Сказок она не рассказывала, но любой ее рассказ — о семейном недалеком прошлом, о вчерашнем вечере, о снах, о том, что увидела она утром, распахнув окно — превращался в сказку, в нечто лучшее, чем сказка. И ни разу за этот месяц, проведенный с нею, мы не слышали от нее ничего ни грубого, ни слащавого, ни одной сплетни, пошлости, банальности, ни одного плоского пустого слова. Расставшись с нею, мы сговорились о переписке, надеялись встретиться опять, но времена были не те. Получили мы от нее не больше двух или трех открыток, досадно цветистых, а по слогу и особенно по правописанью, редкостно безграмотных. Вся культура эта была устной, и только. Но какое варварство, рядом с ней, почти все, что я читал в газетах, за пятьдесят лет, пролетевших с той поры!

На религиозные темы, помнится, не произнесла она ни слова; разве только вспоминала порой праздничные дни, в деревне или в Москве. В церковь она, конечно, ходила, обычай соблюдала: строй души ее весь был обрядово-бытовой. Не считала только нужным говорить о том, что составляло стержень ее жизни, да и не сумела бы об этом сказать ничего обобщающего, извне усмотренного. Но все это «чудо культуры», воочию мной виденное, было «чудом» (исключительной чистоты образцом) именно той народно-христианской, устной — со словесностью, но без литературы, со многими, но не городскими художествами — культуры, которую нельзя грамотностью заменить и даже трудно с грамотностью совместить, поскольку чтением открывается доступ (или открывался, теперь он и без чтения открыт) к тому, что эту культуру разрушает. Благообразие — только одна из ее черт (т. е. постулатов, идеалов), наряду с другими, такими, например, как смиренномудрие и сострадание, о которых я надеюсь высказаться в другой раз; но именно с этой стороны, в этом ее облике, г-жа Комиссарова ее собою и явила. Сторона эта или черта столь же в христианстве укоренена, как и две упомянутые только что другие, но в православном, греческом христианстве более подчеркнутым образом, чем они. Благообразие, как было сказано уже, — слияние добра и красоты; его я и узрел, полвека назад, в Симеизе. Не то чтобы явлена была мне там излучающая красоту праведность или святость, да и совсем высокой, превыше своего различия с добром вознесенной красоты я там тоже не видал. Однако в благообразии малограмотной этой женщины все таки доброго от пре-

красного отличить было невозможно; любовались мы в ней тем, что по-гречески зовется этосом, а миловидность ее и ее речей очарованье внушали нам любовь к доброму в ней, добрую к ней любовь.

«Благообразия в них нет», «благообразия не имеют», — о чем тут и речь, как не о слиянии этом, которого некогда в России жаждали, искали, и которое в нынешнем мире считается нелепым, так что никто его не ищет, никто и не думает искать.

Максимилиан ВОЛОШИН

НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ*)

ПУСТЫНЯ

Как незапамятно и строго
Звучали из глубин веков —
Глухой пастуший голос рога
И звон верблюжих бубенцов,
Когда овеянный туманом,
Сквозь мир миражей и песков
Я шел с ленивым караваном
К стене непобедимых льдов,
Шёл по расплавленным пустыням,
По непротоптанным тропам
Под небом исступлённо синим
Вослед пылающим столпам,
А по ночам в лучистой дали
Распахивался небосклон,
Миры цвели и отцветали
На звёздном дереве времен.
И хоры горных сил хвалили
Творца миров из глубины
Ветвистых пламеней и лилий
Неопалимой купины.

ТАНОБ

(из поэмы „Путями Каина„)

Горючим ядом было христианство.
Ужаленная им душа металась
В неистовстве и корчах, совлекая
Отравленный хитон Геракла — плоть.

*) Эти девять стихотворений вероятно лишь небольшая часть неизданного литературного наследства М. Волошина. В 1974 году в издательстве YMCA-PRESS выйдет посильно полное издание стихотворений Волошина.

Живая глина обжигалась в жгучем
Вникающем и плавящем огне.
Душа в борьбе и в муках извергала
Отстоенную радость бытия
И полноту языческого мира.
Был так велик небесной кары страх,
Что муки всех прижизненных застенков
Казались предпочтительны. Костры
Пылали вдохновенно, очищая
От одержимости и ересей
Заблудшие мятущиеся души.
Доминиканцы жгли еретиков,
А университеты жгли колдуний.

Но был хитёр и ловок Сатана:
Природа мстила, тело издевалось, —
Могучая заклепанная плоть
Искала выхода, в глухом подполье
Монах гноил бунтующую плоть
И мастурбировал, молясь Мадонне.
Монахини, в экстазе отдаваясь
Грядущему в полночи жениху,
В последней спазме не могли различить
Иисусов лик от лика Сатаны.
Весь мир казался трупом, солнце — печью
Для грешников, Спаситель — палачом.
Строители коралловых атоллов
На дне времен, среди безмерных вод —
В ограде кольцевых нагромождений
Своих систем — мы сами свой Таноб.
Мир познанный — есть искаженье мира
И человек недаром осужден
В святилищах устраивать застенки,
Идеи обжигать на кирпичи,
Из вечных истин строить казематы
И вновь взрывать кристаллы и пласты
И догматы отстоянной культуры:
Познание должно окостенеть,
Чтоб дать жерло и направленье взрыву.
История проникнута до дна
Коллоидальной спазмой аскетизма
Сжимающею взрывы мятежей.

Свободы нет, но есть освобожденье!
Наш дух — междупланетная ракета,
Которая взрываясь из себя
Взрывается со дна времен, как пламя.

1925 Коктебель.

ДОБЛЕСТЬ ПОЭТА

I.

Править поэму, как текст заокеанской депеши.
Сухость, ясность, нажим — начеку каждое слово.
Букву за буквой врубать на твердом и тесаном камне:
Чем скупее слова, тем напряженней их сила.
Мысли заряд волевой равен замолчанным строфам.
Вытравить из словаря слова: „Красота", „вдохновенье" —
Подлый жаргон рифмачей... Творцу же поэту — понятья:
Правда, конституция, план, равносильность, строгость
и точность.

II.

„Что" важнее, чем „как", но что несравненно важнее: —
Творческий ритм от весла, гребущего против теченья.
В смутах усобиц и войн, постигает целокупность.
Быть не частью, а всем: не с одной стороны, а с обеих.
Зритель захвачен игрой — ты не актёр и не зритель,
Ты соучастник судьбы, раскрывающий замысел драмы.
В дни революции быть человеком, а не Гражданином.
Помнить, что знамена, партии и программы
То же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома.
Быть изгоем при всех царях и народоустройствах.
Совесть народа — поэт. В государстве нет места поэту.

НАДПИСИ НА АКВАРЕЛЯХ

Сквозь зелень сизую растерзанных кустов
Стальной клинок воды в оправе гор сожжённых
В шафранных сумерках лиловые холмы.

И малахитовые дали
В хитоне ночи голубой.

В скорбном золоте листов
Гор лиловые молитвы,
И зазубренные бритвы
Дальних снеговых хребтов.

Волокнистых облак пряжи
И холмов крылатый взмах,
Как японские пейзажи
На шелках

На огненной земле в экстазе дня и света...

Над перламутровыми лбами
Клубятся белыми столбами
Предгрозовые облака.

Отвесный взор вперила высота
И глубина простерла к небу руки

(Карадаг)

На дне долин, напитанных полынью,
С утра лежит пустая тишина.

Из померкших далей холм
Рыжим выхвачен закатом.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА *)
(1900-1925)

Каждый рождается дважды. Не я ли
В духе родился на стыке веков?
В год изначальный двадцатого века
Начал головокружительный бег.
Мудрой судьбой закинутый в сердце
Азии, я-ли не испытал
В двадцать три года всю гордость изгнанья
В рыжих песках Туркестанских пустынь?
В жизни на этой магической грани
Каждый впервые себя сознаёт
Завоевателем древних империй
И заклинателем будущих царств.
Я проходил по тропам Тамерлана,
Отягощенный добычей веков,
В жизнь унося миллионы сокровищ
В памяти, в сердце, в ушах и глазах.
Солнце гудело, как шмель упоенный
Зноем, цветами и запахом трав,
Век разметал в триумфальных закатах
Рдяные перья и веера.
Ширились оплеча жадные крылья
И от пространств пламенели ступни,
Были подтянуты чресла и вздуты
Ветром апостольские паруса.
Дух мой отчаливал в желтых закатах
На засмоленной рыбацкой ладье —
С Павлом от пристани Антиохии,
Из Монсеррата с Лойолою в Рим.
Алые птицы летали на запад.
Шли караваны, клубились пески,
Звали на завоевание мира
Синие дали и свёртки путей.
Взглядом я мерил с престолов Памира
Поприща Западной тесной земли,
Где в утаённых портах средиземья
На берегах Атлантических рек

*) Печаталось частично.

Нагромоздили Арийские расы
Улья осиных разбойничьих гнезд.
Как я любил этот кактус Европы
На океане Азийских пустынь
Эту кипящую магму народов
Под неустойчивой скорлупой!
Это огромное содроганье жизни,
Заклёпанной в недрах машин.
Эти высокие камни соборов,
Этот горячечный бред мостовых,
Варварский мир современной культуры,
Сосредоточившей жадность и ум,
Волю и веру в безвыходном беге
И напряженности скоростей.
Я со ступеней тысячелетий,
С этих высот незапамятных царств
Видел воочию всю юность Европы,
Всю непочатую ярь её сил.
Здесь у истоков Арийского мира,
Я, преклонившись, ощупал рукой
Наши утробные корни и связи,
Вросшие в самые недра земли.
Я ощутил на ладони биенье
И напряженье артерий и вен
Неперекушенную пуповину
Древней праматери рас и богов.
Я возвращался, чтоб взять и усвоить,
Всё перечувствовать, всё пережить
Чтобы связать половодное устье
С чистым истоком Азийских высот.
С чем мне сравнить ликованье полёта?
Из Самарканда на запад в Париж?
Взгляд Галилея на кольца Сатурна...
Знамя Писсаро над сонмами вод...
Было, всё было... так полно, так много
Больше, чем сердце может вместить:
И золотые ковчеги религий
И сусмасшедшие тромбы идей...
Хмель городов. Динамит библиотек.
Книг и музеев отстоянный яд.
Радость ракеты рассыпаться в искры

Воля бетона застыть как базальт.
Всё упоение ритма и слова,
Весь Апокалипсис туч и зарниц
Пламя горячки и трепет озноба
От надвигающихся катастроф.
Я был свидетелем сдвигов сознанья,
Геологических оползней душ
И лихорадочной перестройки
Космоса „в двадцатых вторых степенях".
И над широкой излучиной Рейна
Сполохов первых пожарищ войны
На ступенях Иоаннова зданья
И на сферических куполах.
Тот, кто не пережил годы затишья
Перед началом великой войны,
Тот никогда не узнает свободы
Мудрых скитаний по древней земле.
В годы, когда расточала Европа
Золото внуков и кровь сыновей
На роковых перепутьях Шампани,
В польских болотах и прусских песках
Верный латинскому духу и строю,
Сводам Сорбонны и умным садам,
Я ни Германского дуба не предал,
Кельтской земли не изменил.
Я прозревал не разрыв, а слиянье
В этой звериной грызне государств,
Смутную волю к последнему сплаву
Отъединенных историей рас.
Но посреди ратоборства народов
Властно окликнут с Востока, я был
Брошен в плавильные горны России
И в сумасшестие Мартобря.
И в сумасшествие Мартобря.
Я пережил испытанье огнём:
Страшный черёд всероссийских ордалий
Новым тавром заклеймившим наш дух.
Видел позорное самоубийство
Трона, династии, стран, алтарей,

Славу „какангелия“ *) от Маркса,
Новой враждой разделившего мир.
В шквалах убийств, в исступленьях усобиц
Я охранял всеединство любви,
Я заклинал твои судьбы, Россия,
С узлом на сердце, с кляпом во рту.
Даже в подвалах двадцатого года,
Даже средь смрада голодных жилищ,
Я бы не отдал всей жизни за веру
Этих пронзительных звонких минут.
Но... я утратил тебя, моя юность!
В людоворотах гражданской войны,
На перепутьях и росстанях Понта,
В зимних нордостах, в тоске Сивашей...
Из напряженного стержня столетий
Ныне я кинут во внешнюю хлябь
Где только ветер, пустыня и море
И под ногой содроганье земли...
Свист урагана и топот галопа
Эхом еще отдается в ушах:
Стремя у стремени четверть пробега,
Век, мой ровесник, мы вместе прошли.

16-XII-1927 г.

Коктебель в дни
землетрясения.

*) Ев — по гречески “благой”.
Какос — “злой, дурной”.

ИУДА АПОСТОЛ

И когда приблизился праздник Пасхи,
В первый день опресноков в час вечерний
Он возлег за трапезу — с ним "двенадцать".
В горнице чистой
Хлеб, преломивши, раздал:
„Это тело мое, сегодня в жертву приносимое
Так творите".
А когда окончили ужин
Поднял он чашу:
„Это кровь моя, за все проливаемая
И рука пролыощего между вами".
Спор возник между учениками:
Кто из них больший?
Он же говорит им:
„В этом мире цари первенствуют:
Вы же не так — кто больший, будет меньший.
Завещаю вам свое царство.
Сядете судить на двенадцать тронов
Но одним из вас я буду предан.
Так предназначено, но предателю горе!"
И в смущении ученики шептали: „Не я ли?
Он в соль обмакнул кусок хлеба,
Подал Иуде
И сказал: „Что делаешь — делай".
Тот же, съев кусок, тотчас же вышел:
Дух земли — Сатана — вошел в Иуду —
Вещий и скорбный.
И никто из одиннадцати не понял,
Что сказал Иисус,
Какой он подвиг возложил на Иуду
Горьким причастием.
Так размышлял однажды некий священник
Ночью в древнем Соборе Парижской Богоматери.
И воскликнул
Боже, верю глубоко,
Что Иуда — твой самый старший и верный
Ученик, что он на себя принял,
Бремя всех грехов и позора мира,
Что когда ты вернешься судить землю,

И померкнет солнце от твоего гнева,
И сорвутся с неба в ужас звёзды
Встанет он, как дымный уголь из бездны
Опаленный всей проказою мира,
И сядет рядом с тобой
Дай мне знак, что так будет.
В то же мгновенье
Сухие и властные пальцы
Легли ему на уста. И в них узнал он
Руку Иуды.

1918 Коктебель.

СВЯТОЙ ФРАНЦИСК

Ходит по полям босой монашек,
Созывает птиц, рукою машет,
И тростит ногами, точно пляшет,
И к плечу полено прижимает
Палкой, как на скрипочке играет,
Говорит, поёт и причитает:
„Брат мой солнце, старшее из тварей
Ты восходишь в славе и пожаре,
Ликом схоже с обликом Христовым,
Одеваешь землю пламенным покровом.
Брат мой, месяц, и сестрички-звезды,
В небе Бог развесил вас, как гроздья,
Братец ветер, ты гоняешь тучи,
Подметаешь небо, вольный и летучий.
Ты — водица, милая сестрица.
Сотворил тебя Господь прекрасной,
Чистой, ясной, драгоценной,
Работящей и смиренной.
Брат — огонь, ты освещаешь ночи,
Ты прекрасен, весел, яр и красен.
Матушка земля — ты нас питаешь
И для нас цветами расцветаешь.
Брат мой тело — ты меня одело,
Научило боли, и смиренью, и терпенью,
А чтоб души наши не угасли
Бог тебя болезнями украсил.

Смерть земная — всем сестра старшая,
Ты ко всем добра и все смиренно
Чрез тебя проходят, будь благословенна".

Вереницами к нему слетались птицы,
Стаями летали над кустами,
Легкокрылым кругом окружали,
Он же говорит им:

„Пташки, птички, милые сестрички,
И для вас Христос сходил на землю.
О, сколь множеств ваших не объемлю.
Вы в полях не сеете, не жнете,
Лишь клюете зерна, да поёте;
Бог вам крылья дал, да вольный воздух
Перьями одел и научил вить гнезда,
Вас в ковчеге приютил попарно:
Божьи птички, будьте благодарны!
Неустанно Господа хвалите,
Щебечите, пойте и свистите!"

Приходили, прибегали, приползали
Чрез кусты, каменья и ограды
Звери кроткие и лютые и гады,
И крестя их, говорил он волку:

„Брат мой волк, и вьявь и втихомолку
Убивал ты божии творенья
Без его на это разрешенья.
На тебя все ропщут, негодуя:
Помирить тебя с людьми хочу я.
Делать зло тебя толкает голод.
Дай мне клятву от убийства воздержаться
И тогда вина твоя простится.

Люди все твои злодейства позабудут,
Псы тебя преследовать не будут,
И как странникам, юродивым и нищим
Каждый даст тебе и хлеб и пищу.

„Братья звери, будьте крепки в вере:
Царь небесный твари бессловесной
В пастухи дал голод, страх и холод,
Научил смиренью, мукам и терпенью".
И монашка звери окружали,
Перед ним колени преклоняли,

Ноги прободенные лизали.
И синели благостные дали,
По садам деревья расцветали,
Вишеньем дороги устилали,
На лугах цветы благоухали,
Агнец с волком рядышком лежали,
Птицы пели и ключи журчали,
Господа хвалою прославляли.

1919. Коктебель

ХВАЛА БОГОМАТЕРИ

Тайна тайн необходимая,
Глубь глубин необозримая,
Высота невосходимая.
Радость радости земной,
Торжество непобедимое.
Ангельски дароносимая
Над родимой землей
Купина неопалимая.
Херувимов всех чистейшая,
Без сравнения славнейшая,
Огнезрачный Серафим,
Очистилище чистейшее,
Госпожа всенепорочная,
Без истленья Бога родшая,
Незакатная звезда.
Радуйся, о благодатная,
Ты — молитвы влага росовая
Живоносная вода.
Ангелами охраняемая,
Цвет земли неувядаемая
Персть, сияньем растворенная,
Плоть, рожденная сиять,
Тварь, до Бога вознесенная,
Диском солнца облаченная
На серпе луны взнесенная
Приснодевственная Мать
Ты — покров природы животворной,
Свет во мраке, пламень зорний

Путеводного столба,
В грозный час, когда над нами
Над забытыми гробами
Протрубит труба,
В час великий, в час возмездья,
В горький час, когда созвездья
С неба упадут,
И земля между мирами,
Извергаясь племенами
Предстанет на Суд,
В час, когда вся плоть проснется,
Чрево смерти содрогнется,
Солнце мраком обернется
И как книга развернется
Небо на-двое,
И разверзнется пучина,
И раздастся голос Сына:
„О, племя упрямое!
Я стучал, вы не открыли,
Жаждал, — вы не напоили
Я алкал — вы не накормили,
Я был наг — вы не одели...“
И тогда ответишь ты:
„Я одела, я кормила,
Чресла Богу растворила,
Плотью нищий дух покрыла,
Солнце мира приютила,
В чреве темноты...“
В час последний, в час кромешний
Над своей землею грешной
Ты расстелешь шаль:
Надо всеми, кто ошую
Кто во славе одесную,
Агнцу предстоит,
Чтоб не сгинул ни единый
Ком пронзенной духом глины,
Без изъятья, навсегда,
И удержишь руку Сына
От последнего проклятья
Безвозвратного Суда.

В порядке дискуссии

Павел ЗАРНИЦЫН

УТОПИЯ И НАДЕЖДА

(по поводу статьи С. Телегина)

В 103-ем номере «Вестника» РСХД среди множества интересных и разнообразных материалов (о каждом из них хотелось бы написать отдельно) обращает на себя внимание статья С. Телегина «Как быть». В ней чувствуется атмосфера, которая так знакома нам в России и говорится о вещах, которые не могут оставить нас равнодушными. Правда, слегка утомляет «веселящий», нетрезвый язык и стиль автора. В самиздате, где «все позволено» была бы особенно уместна строгость и сдержанность в обращении со словом. Разумеется, осознанная строгость и внутренняя сдержанность.

Впрочем, это замечание не относится к сути дела. Мысль автора проста, но весьма горяча и выразительна. Он призывает к тотальному бойкоту официальной культуры, ко всеобщему «неучастию» и «нелегальности» мышления и духа, к ценностной переориентации в самом широком смысле, т. е. в конечном счете к тому, чтобы молодая интеллигенция вновь стала «орденом», как назвал ее Федотов, стоящим на самостоятельной духовной основе. Единство этого ордена десятки лет питалось воздухом несбыточной свободы и вдохновлялось ненавистью ко всем ее недругам. Те люди добились некогда своего, их свобода «сбылась» (правда, с неожиданными результатами), и если следовать мысли автора, то и сегодня можно чего-то добиться, вернув прежний климат противления и бойкота.

Он предлагает современной интеллигенции приняться за «отделение культуры от казны» (надо бы добавить — от страха и от «двойной бухгалтерии»), включиться в строительство автономной культуры, т. е. работать над созданием такой атмосферы, при которой официальная идеология (унификация мнений) была бы просто изолирована хотя бы от интеллигентского слоя потре-

бителей. В известной степени именно такая атмосфера сложилась в России к началу первой русской революции. Сопоставление напрашивается само собой, да и автор говорит об этом достаточно конкретно. Его теоретическая предпосылка состоит в том, что историю можно переиграть (конечно же, с учетом «печального опыта»). Действительно, многое сегодня подсказывает соблазнительные аналогии с прошлым. Но проблему следует поставить несколько иначе: может ли в современных условиях общность в мировоззрении (или хотя бы единство в отрицании, в брезгливости) сделать интеллигенцию орденом, кастой, самостоятельной духовной субстанцией? Автор, не задаваясь этим вопросом, молчаливо допускает, что это возможно. Но за подобным допущением чувствуется уже, по слову Мандельштама, «великая славянская мечта о прекращении истории» (путем ее повторения). Однако по одному желанию отбросить опыт нескольких десятков лет, просто «отменить» его, чтобы вернуться назад и начать с начала в сегодняшней жизни — все это нам не удастся. (Я имею в виду объективную сторону; у себя дома, у себя в душе, мы можем становиться кем угодно, хоть древними египтянами).

Тоталитарный режим, эпоха технической экспансии и научной революции, военно-промышленный комплекс, унифицированная, суррогатная культура, система больших и малых идеологических фильтров, средства массовой коммуникации, позволяющие манипулировать общественным мнением при возможности тотальной слежки и репрессий любого масштаба, все средства экономического давления и поощрения и наконец духовная аморфность среди людей, обнаруживших, что еще один великий исторический шанс оказался безвозвратно упущенным — все это явления, имеющие планетарный размах, и вряд ли им могла бы противостоять горстка воодушевленных умов, талантов и пока не растраченных сил. Можно сколько угодно звать домой и кричать «назад!», имея в виду возвращение к незапятнанной родине или «рыцарской» интеллигенции, но этот зов или крик, даже если он и будет услышан, может дать столь же неожиданные результаты, как и зов к политической свободе среди прежних «друзей народа». Назад никто никогда не пойдет, но если тоталитаризму понадобится прибегнуть к иным словам и к иному зову, то он воспользуется этим «назад» только ради внешней перестройки, чтобы идти вперед и давить еще десятки лет.

Я говорю это не для того, чтобы заразить кого-нибудь пессимизмом, но чтобы очистить подлинное понимание надежды. Ста-

тья С. Телегина, как и ряд других самиздатских работ, фиксирует духовный статус безвременья, она ищет новый исток «исторической энергии», то универсальное средство, которым можно было бы «вылечить эпоху». В прошлом веке такое средство было найдено в марксизме и в законах общественного развития, и это средство было с успехом применено в России. Однако после многих лет его успешного применения, обстоятельства в России стали таковы, что всякое упоминание о марксизме вызывает у современного интеллигента (если он не вовлечен в идеологическое производство и не приучен к порядку), — нечто близкое душевной и умственной аллергии.

Именно такая реакция отражена в разбираемой нами статье, да и, собственно, сама статья вызвана ею. Но откуда все-таки взялась эта аллергия или эта подавленная, загнанная вовнутрь лихорадка, которая изнуряет душу и разум интеллигенции?

Попробуем разобраться в марксизме по-марксистски и сложившуюся ситуацию выразим следующей формулой: история оказалась «перекрытой» идеологией. Одно из человеческих обществ попало в собственную идеологическую западню, оно оказалось запертым той системой политических институтов, которая провозгласила себя единственным «разумным» выражением исторического процесса, которая в какой то мере отождествила себя с историческим сознанием вообще. На почве реальной истории вырос фантом истории, т. е. «фантастическое отражение» реальности. И это «фантастическое отражение» выпило из реальности все соки, оно закупорило ее, оно лишило ее исторического самосознания. Не соответствуя никакой эмпирической действительности, «фантастическое отражение» как бы заменило ее собой, оно создало собственную действительность, в которую была вовлечена прежде всего внутренняя жизнь людей. Испытывая потребность в постоянном воспроизводстве, «фантастическое отражение» заставило их работать на себя. Огромная часть интеллигенции идет к нему на службу (практически даже не осознавая возможности выбора), при этом внутренне связывая себя с идеологическим фантомом.

Отсюда, кстати, возникает сложный механизм двойного сознания, складывающийся в процессе взаимодействия интеллектуального и нравственного суда и социальных координаций. Атмосфера, в которой работает двойное сознание, — равнодушие, усталость, цинизм, полусознательная глупость и бессильный протест. Но среди реакций, вызванных фантомом, можно видеть удач-

ные и неудачные попытки сопротивления, попытки повернуться спиной ко времени или попытки жить в нём со скрещенными на груди руками, или попытки различных «утопических преодолений». Формы этих реакций могут показаться иногда инфантильными (как, скажем, неистовый всплеск антиинтеллектуализма и антиисторизма, неудивительных в эпоху, когда то, что называют «разумным» подавляет своей безапелляционной глупостью, когда то, что считается историей, закрыто «фантастическим» намордником). Но кто знает, где именно пробиваются ростки настоящей истории? Вспомним одну из незыблемых истин марксизма: идеология вырастает из практики людей; невозможно жить фантомами, висящими в воздухе. Равнодушие к истине и лжи — это вовсе не итог исторического процесса, а просто один из его изломов. Правда, что касается истины, то в ней мы уже не будем разбираться по-марксистски.

Из очерченной здесь ситуации исходит и автор статьи «Как быть». Выводы, к которым он приходит, заключаются в том, чтобы сохранить в людях какие-то ценности, спасти их от идеологического удушья. Водможности для этого он находит в культуре. Но что это за культура, о каких ценностях идет речь — «каждый пусть решает сам». И потому средство, которое он предлагает и которое, по его логике, может стать основой для дальнейшего «исторического делания» представляется нам поразительно наивным. Я буду конкретен: оно представляется наивным с точки зрения христианина. Принципиальное свободомыслие, культурное правдолюбие, «достижения передового искусства и современной науки», да еще безответная любовь к отечеству — все это хорошие вещи, но сами по себе они слишком хрупки, слишком невесомы в нашем отяжелевшем мире. Ибо утопия автономной культуры, утопия патриотизма, утопия всесильной науки («разум обо всем когда-нибудь догадается и все постепенно разрешит») свидетельствуют только о нашей способности поддаваться иллюзиям, когда мы оказываемся пасынками истории. Эпоха «вымирающих идеологий», в которую нам приходится жить, гораздо глубже захватила нас, чем мы иногда думаем. Неважно, что мы не верим в какие-то лозунги, но важно, что мы живем в атмосфере их разложения. И если мы позволяем себе не верить и иронизировать, то это не значит, что мы не причастны уже к тому идеологическому кризису, которым болеет время. Мы тоже болеем им при всей нашей вольности мысли, домашнем остроумии и «взгляде со стороны».

Ибо речь идет не только о кризисе марксистского мировоззрения (в его специфически «советских» рамках), но и о кризисе определенной исторической перспективы, о кризисе традиционного гуманизма, о раскрытии того множества обольщений, которым веками поддавалось человечество. Мы должны ясно осознать это для того, чтобы осмыслить ту роль, которую предстоит нам играть в этом кризисе. Не выдумывание новых ценностей (откуда мы их возьмем, в конце концов?), а глубокая их переоценка — вот что требуется от серьезного исторического сознания наших дней. Я не могу также ни скрыть, ни затушевать того неоспоримого для меня факта, что энергию для такой переоценки (так же, как и единственную альтернативу для истории) можно найти сегодня только в христианстве. Только христианство способно целиком принять на себя и до конца осознать духовный недуг эпохи, указав на реальную болезнь и на реальный путь к исцелению. Оно не бежит от мира, как часто думают, но особым образом входит в мир, берет на себя его беды, указывая на действительную их глубину и на настоящий их смысл. Оно принимает человека, любого человека, каким бы он ни был, не считаясь с его кастой или образовательным признаком, но и не питает никаких иллюзий на его счет. Христианство видит его павшим, изолгавшимся еще до того, как его ложь становится идеологической ложью и до того, как его падшесть становится «исторической» падшестью, но оно умеет освобождать в нем подлинного человека и приводить его к подлинной истории. Это значит: оно возвращает его к той подлинности, которая заключена в воплотившемся Боге, и к той истории, которая была прожита и «отмерена» людям воплотившимся Богом, Иисусом Христом. Иисус Христос есть «мера всех человеческих вещей», и по этой мере и сегодня человек может быть «опознан» и осмыслен человеком. Христос есть критерий тех духовных, нравственных, волевых, исторических решений, которые стоят перед человеком и сегодня, кем бы он ни был, ученым или рабочим, что бы ни делал, воевал или нянчил детей, где бы он ни находился, в концлагере или в космосе.

С. Телегин упоминает в своей статье об успехах полуграмотных сектантов, но он, кажется не подозревает, что это вовсе не их успехи. Ведь сектанты (и не только они, конечно) несут с собой Евангелие, а Евангелие дает людям то духовное понимание жизни, без которого, в сущности, не может обойтись никакой человек и никакое время. Потому что каждый человек и любое

время могут найти в нем свою внутреннюю цель, усмотреть исток своей жизненной силы, измерить настоящую глубину своих кризисов и падений. И даже человек сегодняшнего дня, как бы ни набивали его пропагандой, если он не безнадежно обманут и не до конца развращен, все еще мается в обезбоженном мире, тяготится его духотой, ищет в нем Бога. И когда Евангелие через сектантов, а тем более через соборный опыт Церкви, приносит ему весть о Христе, о спасении и Царстве Божием, о том, что «князь мира сего осужден», то эти слова могут коснуться его собственной невыраженной, негасимой надежды. На них откликается сердце, которое понимает иногда больше разума, и его отклик может оказаться достоверней всей «разумности» и недоброты окружающего мира.

Евангелие дает человеку такое знание, которое не способна дать никакая иная книга и выражает его такими словами, которые когда-то уже были сказаны ему, о которых он забыл и вот теперь вспомнил. Тогда правда этих слов, преодолевая толщу лжи, предрассудков и словесного мусора, становится правотой его сердца. Это, видимо, и есть та правота, которую христиане называют верой. И на основе этой правоты возможно и обновление родины, и создание автономной культуры, и строительство новых ценностей, новых душ. Поэтому не наши намерения и привязанности, не наши затравленные мечты могут нести в себе какую-либо надежду для истории, но только Слово Божие, которое в своем богатстве обладает и безмерным запасом всех «исторических энергий», которое во всех своих обетованиях есть единственное непреложное обещание нашего будущего.

Но в каком смысле можем мы говорить о христианстве, усматривая в нем какую-то историческую перспективу? Разве христианство подобно другим идеологическим стимуляторам говорит нам: «Прогоните лжецов и отдайте власть правдолюбцам, верните православную монархию или устройте хотя бы «социализм с человеческим лицом»? Нет, оно не предлагает никаких безусловных общеобязательных проектов для истории, хотя и не обязательно их оспаривает. Оно требует от людей гораздо большего. Оно говорит: прежде чем браться за историю, выбросьте из головы всякого рода идеализм, всякие утопии и фантомы. Прежде чем бороться с историческим злом, осознайте его природу. Поищите источник того, что привело двадцатый век к «верденским мясорубкам» и бесчисленным лагерям, к тому, что заполнило мир идеологической гнилью и отбросами. Все это есть в вас — в ва-

шей гордости, в вашем высокомерии, в вашей лживости, в вашей ненависти и равнодушии, в вашей трусости и в вашем цинизме. Попробуйте бороться с этим. Остановите силы разрушения, которые действуют в истории, начав хотя бы с самих себя. Это не означает «тихого ничегонеделанья» и благочестивого «умывания рук». Напротив, с этого начинается труднейшее дело — восстановление в человеке его человеческой основы (что не может быть сделано культурой) — восстановление, в котором Бог вступает в союз с человеком, в котором все непосильное для человека Бог берет на себя. Союз или примирение с Богом через веру, через доверие, через надежду есть путь к преодолению исторического зла. Христианство в данном случае — не одно из убеждений, противостоящих или не противостоящих другим убеждениям, но обнаружение Бога перед человеком, «выход» Бога к человеку через Воплощение, т. е. страдания Бога и крест человеческой истории. Христианство есть возрождение и оправдание человека Богом, с которым Он, принимая этот крест, творит С в о ю историю совместно с человеком и ради него.

Николай ЗЕРНОВ

КРИЗИС ЛЕНИНИЗМА В РОССИИ

Книга о Социалистической Демократии Роя Медведева, изданная в Амстердаме в 1972 году глубоко трагична. Это голос правды, раздавшийся из недр коммунистической партии в России. Её автор честный, хорошо осведомленный и очень смелый человек. Он продолжает верить в истину ленинизма, но он также признает необходимость «правдивого слова» (стр. 377) и безбоязненно говорит о том, что происходит сейчас в России после 50-тилетней диктатуры партии.

Его основное убеждение заключается в том, что систематическое подавление свободы не только пагубно для научной мысли и искусства, но оно также неблагоприятно отражается на всех других сторонах жизни страны, включая ее индустриальное и экономическое развитие. Автор идет даже дальше и утверждает, что отсутствие гласности и возможности бесцензурного обсуждения идеологических вопросов в печати вредит коммунизму и компрометирует авторитет марксизма-ленинизма.

Медведев приводит ряд убедительных примеров мертвой хватки всесильной бюрократии, подавляющей творческие силы страны. Многие из них известны лицам, следящим на Западе за событиями в России. Но они ценны тем, что даются лицом всецело поддерживающим советский строй и восхваляющим «Великую Октябрьскую Революцию». Самое тревожное из того, с чем он знакомит своих читателей — это дальнейшее развитие сталинского метода борьбы с идеологическими противниками путем заключения их в психиатрические тюрьмы. Медведев цитирует последние инструкции в этой области, дающие милиции право отправлять на принудительное лечение лиц заболевших шизофренией. В эту категорию попадают люди «упорно носящие бороды считающие нападение на Чехословакию в 1968 году агрессией, или страдающие навязчивым бредом правдоискательства» (стр. 195). По мнению некоторых советских психиатров существуют формы шизофрении не имеющие никаких внешних признаков (стр. 195). Поэтому в настоящее время любой гражданин может навсегда исчезнуть за стенами психиатрической тюрьмы «ради предупреждения возможного общественно опасного действия с его стороны». Автор этих

новых инструкций старый сталинец министр здравоохранения Б. Петровский. Это он призывал в 1953 г. молодых русских врачей отречься от заветов дореволюционной русской медицины и следовать по стопам «сталинского гуманизма». (См. Ж. Медведев, «Кто сумасшедший», стр. 148).

Все отрицательное и жестокое в партийной диктатуре Медведев приписывает злому гению коммунизма Сталину. Однако автор признает, что нельзя возлагать вину на одного человека, что строй созданный «Отцом Народов» был построен при помощи целой армии пособников-выдвиженцев, интриганов, стукачей, доносителей, садистов, самодуров, истязателей и палачей. Медведев с горестью признает, что 20 лет прошедших со дня смерти тирана не очистили партию от его верных учеников и что в широких массах продолжается культ «крепкого хозяина». Одной из самых страшных сторон этой замечательной книги является раскрытие того падения русского народа, которое сделало его наиболее благоприятной средой для возникновения тирании, не превзойденной в истории человечества ни по числу ее жертв, ни по жестокости и цинизму попрания свободы и достоинства личности. Сам Медведев не пытается разобраться в этих причинах, его задача наметить такой выход из создавшегося положения, который укрепил бы начала демократии в России и вместе с тем сохранил «завоевания революции».

Здесь мы подходим к основной теме книги и к ее подлинной трагичности. Ее автор раздирается между своей упорной верой в правоту Ленина и откровенным признанием отрицательных сторон советской действительности. Медведев старается убедить себя и своих читателей, что сталинизм был лишь временным уклонением от правильной линии, и что его преодоление возможно путем мирной эволюции. Он продолжает надеяться, что главари партии пойдут на уступки и начнут постепенно раскрепощать страну, давая больше свободы людям. Свой оптимизм Медведев подкрепляет многочисленными цитатами из Маркса и Ленина, стараясь доказать ими, что основоположники коммунизма не были врагами свободы. Он сознает однако, что ссылки на авторитет Ленина как раз в этой области не всегда убедительны и поэтому он даже решается, хотя и в очень осторожной форме, критиковать своего непогрешимого учителя. В одном из примечаний он пишет: «Отдельные высказывания Ленина на эту тему (свободы) могли быть недостаточными, односторонними и даже спорными» (прим. 95,

стр. 391). Эти сомнения не мешают Медведеву оставаться верным членом партии, верящим в конечную победу советского строя и его распространению по всему миру.

На чем же зиждется эта уверенность автора, какое содержание вкладывает он в это слово «советский», которое стало неотъемлемым описанием всех достижений ленинизма? Этот вопрос чрезвычайной важности редко привлекает внимание исследователей коммунизма, а вместе с тем он касается самых основ того сдвига в истории человечества, который произошел в результате победы ленинизма. Само слово «советский» ничего не объясняет, оно совершенно бесцветно. Но в его новом истолковании оно обозначает решительный разрыв со старым миром и начало светлой эры в истории человечества. Советский писатель, советский ученый, наконец советский «свой» человек радикально отличны от всех других людей, они живут по иному закону, они мыслят и чувствуют не так, как мыслили их предки. Один из апологетов советских достижений проф. Заболотский так описывает этого нового преображенного советского человека: «Его отличительные черты — доброжелательность, отзывчивость, самопожертвование, готовность помочь и сотрудничество». (Журнал Москов. Патриархии, № 12. 1972, стр. 40). Возникает вопрос каким образом все эти удивительные свойства совершенства связаны именно с советской системой управления и почему они являются не плодом коммунизма, а результатом своеобразного способа избрания в советы, изобретенного Лениным. Найти ответ на это недоумение возможно лишь в свете основного убеждения основателя советского государства, что он является новым мессией, призванным открыть человечеству доступ в безбожный земной рай. Своеобразие советской системы и ее характерное отличие от всех других деспотий заключается в сочетании неограниченной власти диктатора с выборным началом. Оно родилось из веры Ленина, что только ему одному известен правильный путь для достижения всеобщего блага, а так же из его убеждения, что ему удастся перевоспитать людей и они после короткого периода сомнений признают его бесспорный авторитет и послушно пойдут за ним к желанной цели. Таким образом диктатура должна была постепенно замениться добровольным и радостным сотрудничеством, в котором мудрость партийного руководства не возбуждала бы ни в ком сомнения. Так как все решения партии делаются для пользы населения, то только «враги народа» могут критиковать и не подчиняться им.

Выборы в советской России имеют поэтому совершенно иной смысл, чем в капиталистических странах. Советские выборы обозначают единодушное доверие населения к «родной, любимой партии», которая составляет списки «лучших советских людей» и предлагает их избирателям. Неучастие в выборах, а тем более отказ одобрить партийного кандидата является в глазах ленинистов государственным преступлением, выражением черной неблагодарности партии, пекущейся о благосостоянии людей. С их точки зрения, человек, который одобряет советскую систему выборов, преодолел свой эгоизм, поднялся на высшую ступень коллективного сознания, вырос в личность способную участвовать в строительстве коммунистического общества. Он стал «советским человеком» творцом «советской науки и литературы». Вот почему это слово «советский» стало пробным камнем для всего населения бывшей империи и одно из самых характерных выражений современной России является «мы, советские». Из этого краткого обзора следует, что советский строй, быв вначале плодом болезненной фантазии Ленина, превратился в постоянный миф, ставший обязательным для страны, хотя через 50 лет обнаружилась вся несостоятельность громких обещаний его творца. Новый возрожденный человек не родился, государство с его принуждением не исчезло, армия, тюрьмы и полиция выросли до невероятных размеров, добровольное признание мудрости и непогрешимости партии не осуществилось. Советский строй оказался грандиозным, небывалым обманом, но он так глубоко вошел во все фибры советского общества, что большинство сжилось с ним, не ощущает его давления и даже не представляет себе, как можно жить не обманывая себя и других и не приспособляясь к этому строю.

Конечно есть люди в России, которые свободны от иллюзий ленинизма. Если они не скрывают своих убеждений, то над ними висит постоянная угроза принудительного лечения от мнимой шизофрении. Их жизнь в опасности, но у них есть опора в найденной правде. Гораздо тяжелее положение людей подобных Медведеву, которые осознали ложь современной советской системы, но отказываются признать Сталина, Хрущева, Берию и Брежнева законными преемниками их учителя Ленина. Тот трагический тупик, в который попал Медведев, выходит за пределы его личности. Он характерен для огромного числа секуляризированного и идейно настроенного человечества. Марксизм с его признанием примата материи, с его атеизмом и верой в спасительность кровавой революции продолжает владеть душами миллионов людей во всех ча-

стях света. Половина избирателей во Франции голосовало в 1973 году за партии, следующие принципам марксизма. Мы, русские, часто говорим, что если бы европейские коммунисты пожили в России, то многие из них перестали бы верить в утопию ленинизма. Пример Медведева опровергает эти предположения. Он на горьком опыте испытал плоды марксизма и все же продолжает быть верен своей партии и он далеко не один пребывает в таком парадоксальном положении.

Утопизм марксизма остается последним прибежищем для тех, кто стремится улучшить социальные и экономические условия, кто не можем удовлетвориться личным благополучием и забыть о несправедливости и страданиях, которые являются уделом его ближних. Секуляризированный гуманизм часто бывает героичен, но в него глубоко проник яд веры в спасительность насилия. Он охвачен гордостью, вдохновлен мечтой, что человек хозяин своей судьбы и сможет по своей воле построить земное благополучие. Этот титанизм горит нетерпением, он поэтому так легко превращается в нетерпимость, и вчерашний герой, готовый жертвовать своей жизнью, становиться гонителем и палачом своих идеологических противников.

Только одно христианство способно вести людей путем служения ближнему без прибегания к насилию. В прошлом отдельные его представители поддались соблазну принуждения и Церковь дорого заплатила за это отступление от заповеди Спасителя. Евангелие не преуменьшает силы греха и зла в людях. Оно свободно от того розового, наивного оптимизма, которым окрашен секуляризированный гуманизм. Но христианин не пессимист, он на опыте знает, что добро сильнее зла, любовь, а не ненависть и классовая борьба, является подлинной силой прогресса. Победа над злом во всех его проявлениях личных и социальных возможна, но чтобы одержать ее человек нуждается в помощи своего Творца, Триединого Бога.

Путь возвещенный Христом человечеству закрыт в настоящее время большинству людей их гордостью, своеволием, их нежеланием покаяться в грехах и признать недостаточность их собственных сил для одержания победы над самостью. Это упорное отвержение евангельского благовестия грозит человечеству новыми многими потрясениями. Уроки проходят даром. Страшный лик коммунистического тоталитаризма никого не вразумляет. Книга Медведева голос оттуда, из-за железного занавеса. Это голос предупреж-

дения, обращенный в первую очередь к властителям современной России, но к нему следует прислушаться и людям, живущим в свободном мире. Медведев видит путь спасения в возвращении к ленинизму, в этом он следует соблазну нашей эпохи, но его смелость и искренность дают надежду, что он пойдет дальше и увидит, что кризис советской системы рождается из тех фальшивых предпосылок, на которых ее построил ее основатель.

Оксфорд. 28 марта 1973 г.

ОТВЕТ «НАУКЕ И РЕЛИГИИ»

За последнее время **ВЕСТНИК РСХД** стал все чаще и чаще привлекать внимание советской печати. Ряд страниц посвящен **Вестнику РСХД** в брошюрах Шилкина и Белова, а более недавно антирелигиозный журнал **Наука и Религия** (№ IV-1973) уделил **Вестнику** и РСХД отдельную статью. В этой статье такое количество фактических неточностей, тенденциозностей, что мы позволим себе на ней остановиться.

Некоторое недоумение вызывает само происхождение статьи. Она подписана неким Шилкиным, но как будто не автором **Диверсии без динамита,** *) так как есть разница в именах. Сотрудник **Науки и Религии** именуется Алексеем, а автора Диверсии зовут Андреем Дмитриевичем. Сотрудник **Науки и Религии** выдает себя за студента Университета дружбы народов, не имеющего касательства к религиозным делам. Он случайно «узнал», что какие-то туристы из Бельгии оставили в одной из Московских церквей несколько экземпляров **Вестника.** «Я, как студент, пишет Алексей Шилкин, заинтересовался, что же это за «движение», каково содержание его журнала и почему он распространяется таким необычным способом». И что поразительно, этому любознательному студенту оказалось совсем нетрудно ознакомиться со всем комплектом послевоенного **Вестника,** даже с самыми редчайшими его номерами,давным давно вышедшими из продажи. Более того, этот студент даже сам проставил номера на те старые выпуски **Вестника,** которые в свое время выходили без нумерации (например № 23). Само собой напрашивается заключение, что Алексей Шилкин не совсем обычный студент, если имеет такой прямой доступ к самым засекреченным спецхранилищам. А м. б. он просто Андрей Шилкин, специалист от КГБ по зарубежным журналам и радиопередачам?

Чтобы написать три, правда убористые, страницы о **Вестнике,** Алексей Шилкин с необычайной тщательностью изучил от корочки до корочки весь комплект — целых сто номеров — журнала. Но эта кропотливейшая работа привела к довольно таки жалким

*) **Диверсия без динамита**, второе, дополненное издание брошюры **Религия в идеологической борьбе** А. Белова и А. Шилкина. См. **Вестник** № 100, стр. 12-22.

результатам. Судя по всему у автора было задание, во что бы то ни стало очернить **Вестник** и издающую журнал организацию, приписать им побольше политических грехов, доказать, что Движение — организация не просветительно-духовная, а сугубо-политическая.

Но так как в самом **Вестнике,** Алексей Шилкин никакого политического криминала не нашел, то ему пришлось прибегнуть к чистому вымыслу. Так, ни с того ни с сего, он пытался создать у читателя впечатление, что Русское Студенческое Христианское Движение (РСХД) и Национально трудовой союз (НТС) возникли попутно и находятся в тесной связи. Мимоходом он записывает редактора **Вестника** РСХД, Никиту Струве, в члены НТС не приводя к тому решительно никаких оснований. Все эти инсинуации являются чистой выдумкой. РСХД и НТС суть две совершенно различные организации; первая носит чисто-религиозный характер и всегда упорно отказывалась от всякой политической деятельности, считала и считает себя «над политикой», тогда как НТС имеет политическую идеологию и гордится своей политической активностью. Никакой ни тесной ни слабой связи между этими двумя организациями не существует. И если Алексей Шилкин был бы добросовестным исследователем, он заметил бы, что в **Вестнике** РСХД не стоит ни одной подписи членов НТС, и обратно, в изданиях НТС никогда не бывает подписей деятелей РСХД.

Однако создать путаницу между РСХД и НТС оказалось недостаточно. Вероятно Алексей Шилкин сам почувствовал насколько его утверждения голословны и не убедительны, и потому прибег к другому вымыслу: он решил обвинить Движение в симпатии к немцам, если не в сотрудничестве с ними: «В то время, пишет Шилкин, как народы напрягали все свои силы для борьбы с фашизмом, РСХД приветствовало фашистских захватчиков, вторгшихся в Советский Союз, оказывало фашистам помощь и получало от них плату за свои услуги».

Более злостной лжи трудно придумать. Не удивительно, что автор статьи не приводит никаких деклараций РСХД в пользу своего утверждения. Во всех оккупированных немцами странах РСХД должно было прекратить свою деятельность. **Вестник,** это уж Шилкину должно быть известно, прекратил свое существование в 1940 году. Где же и в какой форме РСХД приветствовало национал-социалистических захватчиков? Наоборот, все видные деятели Движения заняли по отношению к гитлеризму четкую,

непримиримую позицию: Бердяев, Булгаков, Федотов, Франк словом своим разоблачали звериный лик национал-социализма. В. В. Зеньковский, Лев Зандер были помещены немецкими властями в концлагеря. Как известно, отец Дмитрий Клепинин, мать Мария, посвятившие себя делу спасения евреев, погибли мученической смертью...

В своих тщетных поисках криминала, Шилкин приписывает РСХД инициативу Православной Псковской Миссии, организованной летом 1941 года на оккупированных немцами северных территориях. Это утверждение опять не соответствует действительности. Миссия была отправлена из Латвии, где существованию РСХД был положен конец еще в 1934 году националистическим правительством Карла Ульманиса. Единственным лицом ответственным за осуществление миссии был митрополит Сергий Воскресенский, экзарх московского местоблюстителя, а затем патриарха Сергия Страгородского. Сергий младший, как его звали, прибыл в Латвию из Москвы в 1940 году и с приходом немцев не эвакуировался, хотя продолжал себя считать экзархом московского митрополита и возносил его имя на богослужениях (так же и в Псковской миссии возносилось имя Ленинградского митрополита Алексия). Среди священников Псковской миссии были и бывшие члены Движения, но что в этом предосудительного? В совершенно клеветнических тонах представляет Шилкин и саму Псковскую миссию. О ней написано много воспоминаний: они все свидетельствуют, что миссионеры были заняты исключительно религиозной и гуманитарной деятельностью в пользу измученного оккупантами и изголодавшегося по вере народа. Положение миссионеров было трагическое между молотом (немцами) и наковальней (партизанами). Митрополит Сергий, организатор миссии, был, как известно, убит немцами в 1944 году.

Стоит ли отмечать остальные передержки или клеветнические измышления статьи? Вся она написана в тоне мелкого заподазривания и опорочивания. О таких светочах не только русской, но и мировой культуры, как Булгаков или Бердяев, Шилкин отзывается как о каких-то обманщиках и жуликах. Переход Движения от межконфессиональных позиций на чисто-церковные объясняется не идеей, а меркантильными соображениями вопреки всякой логике. Движение долгое время получало скромную финансовую помощь от инославных друзей (сначала от Имки, а после войны, от Мирового совета церквей, но, если оно преследовало бы ко-

рыстные цели, то оно бы как раз осталось на межконфессиональном базисе, понятном протестантам, а не утвердилось бы как православно-церковная организация. Вероятно Шилкин судит других по своей мерке: искренних убеждений ему не дано понять. Дающий для него не может быть бескорыстным, а получающий независимым. Но в отношениях между инославными и РСХД было как раз обратное: бескорыстию христианских друзей соответствовала независимость Движения. Как то прекрасно знает Шилкин, Движение с 1923 года своих позиций не меняло: твердость в Православии, укорененность в местной Церкви, деятельная солидарность с гонимой русской Церковью и с загнанной в подполье свободной русской культурой. Это призвание Движение несло и несет в труднейших материальных условиях, с полной независимостью, не взирая ни на какие поклепы будь они справа (а таких тоже много было) или слева.

Движенец.

— Свящ. Павел Адельгейм, по окончанию срока, был освобожден весной 1973 г. из концлагеря. Но в концлагере, после несчастного случая (?) — на него наехал грузовик — ему пришлось ампутировать ногу. Некоторые говорят, что о. Павел стал жертвой не несчастного случая, а злонамеренного покушения.

— Освободился также из концлагеря Анатолий Краснов-Левитин. В настоящее время добивается прописки в Москве.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ПРЕОСВЯЩЕННОГО АФАНАСИЯ САХАРОВА

(1887 - 1962)

*Владыка Афанасий оставил краткую рукопись — „Даты и этапы моей жизни“ *). Сухой, но потрясающий перечень событий страдальческой жизни этого мягкого сердцем, но твердого духом и верного до смерти христианина говорит сам за себя. Но хотелось бы собрать и на нитку этого перечня нанизать то немногое, что сохранилось в памяти близких покойного владыки и в его письмах.*

Господи, благослови!

Родитель владыки Григорий Сахаров, суздальский уроженец, был человеком интеллигентным, как и вся его родня (Астровы, Челищевы в Москве, Соловьевы во Владимире) чиновником, но женился на склоне лет на простой крестьянке Матрене Андреевне из деревни Орехово Тульской губернии.

Супруги Сахаровы, живя в любви и согласии, оба отличались благочестием и преданностью Св. Церкви, а вместе с тем и особой добротой и отзывчивостью к людям. Уже на склоне лет владыка писал одной молоденькой духовной своей дочери (27/1-59 г.) «когда христианские родители, исполняя завет Христа, помогают чужим, отнимая нечто у детей, все это отнятое сугубо возвратится детям. Утверждаю это, ибо знаю по собственному опыту. Я не помню своего отца, но все знавшие его, с кем приходилось встречаться, всегда отзывались о нем, как о человеке очень добром, отзывчивом, готовом всякому помочь и добрым советом, и личной услугой, и материально. Запасных средств у него никогда не было.

---

*) Эта рукопись была напечатана в **Вестнике** РСХД № 81. См. так же в № 106 письмо Владыки о каноничности Московской патриархии.

Когда родился я, мама говорила ему, что теперь надо быть поэкономнее. Но отец отвечал: «Теперь я помогаю людям, а когда у Сережи будет нужда, найдутся люди, которые ему помогут». И это точно сбылось на мне. Мне приходилось бывать в очень тяжелых условиях, и всегда находились добрые люди, которые заботились обо мне, устраивали меня, помогали мне. Верю, что это только за добрые дела моего отца».

Владыка Афанасий унаследовал такую же отзывчивость. Вступление его на святительскую кафедру пришлось на тяжелые годы, когда русским людям материально жилось очень нелегко, но и в эти трудные времена у него всегда «застолье» — члены причта и другие близкие люди. Он куска не съедал один. Бывало мать, жалея его, принесет ему в комнату яблочко или какой другой лакомый кусочек, желая подкормить сына, а он вынесет все к столу, где и раздаст всем поровну, хоть по крошечке... И позднее в ссылках и лагерях, получая посылки, владыка постоянно делился с окружающими. Матушка его Матрена Андреевна только едва управится послать ему сапоги, а, глядишь, он уже отдал их собрату, направленному в этап. Матрена Андреевна огорчится, а Господь ее тут же утешит: кто-то позаботится — и владыке послали новые сапоги, лучше прежних. Такая любвеобильность и щедрость невольно привлекали и привязывали к Владыке сердца окружающих, где бы он ни был, и увеличивали впоследствии число его «заботников». Даже уголовники в лагерях уважали его, и слух о нем, как о «настоящем архиерее» распространялся за пределы того отделения лагеря, где он находился (Темниковские лагеря).

Когда Господь порадовал чету Сахаровых рождением сына, имя ему было выбрано несколько необычным образом. Отец написал на маленьких бумажках имена особенно чтимых им угодников Божиих (кажется, святителя Николая, преп. Сергия и, если не ошибаюсь, Владимирского чудотворца блгв. Александра Невского), а потом поднесли их крошке сыну с тем, чтобы он сам «выбрал» себе имя. Новорожденный ухватился пальчиками за жребий с именем преподобного Сергия. Он на всю жизнь остался усердным чтителем этого великого молитвенника Русской земли (очень желал даже в монашестве сохранить его имя, но академическое начальство в лице преосв. Феодора Поздеевского, ректора, на это не согласилось и, так как постригаемый настаивал, временно отложило его постриг).

Недолго Григорию Сахарову пришлось утешаться сыном. Он скончался едва Сереже исполнился год и семь месяцев. Умирая

он сказал жене: «Мотя, прошу тебя, воспитай мальчика хоть бедным, но честным!»

И Матрена Андреевна оказалась мудрой и строгой воспитательницей. Ее горячая любовь к единственному сыну не превратилась, как часто бывает у молодых вдов, в обожание и баловство, хотя она всю себя посвятила своему Сереже, до самой его ссылки никогда с ним не разлучалась, всегда сопровождая его во все годы его учения и преподавания.

Верующая и внимательная мать оберегала сына от всего дурного и желала в будущем видеть его монахом. Мальчик в основном знал только дом да храм. Иногда гостил у своей крестной — врача Марии Исаевны Виноградовой-Лукирской — в ее имении в Тамбовской губернии.

Живя под крылышком матери-вдовы, постоянно в женском обществе, мальчик выучился шить и вышивать бисером и даже любил этим заниматься, а впоследствии в ссылке шил себе облачение и вышивал бисером ризы на иконы. (Его и похоронили в облачении собственной работы).

В Церковь Сережа ходил охотно. Богослужение, в особенности архиерейское, производило на него большое впечатление. Дома он любил играть в «церковь», в службу, т. е. одевать на себя платки в виде облачения, кадить, благословлять и т. д. Он даже пытался шить себе «облачения». На вопрос своей вышеупомянутой крестной: — «Сережа, кем ты хочешь быть? Хочешь быть врачом?» (она была врач), он ответил: — «Нет, мама крестная, я буду архиереем».

Родную мать Сережа очень любил, и в годы тяжелых испытаний в невольной разлуке сильно тосковал по ней. Отца не помнил, но видно от обоих родителей унаследовал ту прямоту и принципиальность, которые пронес сквозь всю свою многострадальную жизнь, и ту любовь к св. Церкви и родине, которою горело и болело его сердце, пока не перестало биться.

Желая направить сына на добрый путь, Матрена Андреевна стремилась дать ему духовное образование. Это было нелегкое дело, потому что в духовные училища принимались почти исключительно дети священнослужителей. Во Владимирское духовное училище Сережу устроить не удалось. Но Господь все же помог молодой вдове в добром ее намерении. Она жила на квартире у родственника своего мужа, служащего казенной палаты, Сергея Васильевича Соловьева. Он был старостой Спасской церкви во Владимире, а его брат, о. Иоанн Соловьев в Иванове-Вознесенске

был настоятелем собора и благочинным, заслуженным и влиятельным протоиереем (в городе, не имевшем архиерейской кафедры влияние соборного настоятеля почти равнялось влиянию епископа). С его помощью удалось поместить Сережу в Шуйское Духовное училище. На годы учения сына в Шую переехала и Матрена Андреевна. Таким образом Сережа Сахаров живущим в училище никогда не был и всегда находился под материнским присмотром, ограждавшим его от влияния товарищей, которое в тогдашней духовной школе не всегда могло быть хорошим. Сережа поступил в училище в 1896 г., в 9-ти-летнем возрасте. Повидимому на первых порах учение ему давалось не совсем легко, — в 3-м классе остался он на второй год. С августа 1899 г., когда ему исполнилось 12 лет (в III-м классе) он начал прислуживать в алтаре. 14-ти лет, в 1902 г., Сережа окончил духовное училище и вместе с матерью вернулся во Владимир, поступив в тамошнюю духовную семинарию.

Владимирскую епархию возглавлял в то время (с 1906 по 1914 гг.) преосвященный Николай (Налимов). Прежде того он проходил архипастырское служение на Кавказе, но когда среди туземного населения возникло возбуждение против русской администрации (1906), начались убийства русских людей, владыка Николай имел основание опасаться за свою жизнь, убоялся и тайно уехал в Россию. Синод перевел его в г. Владимир, а Владимирского владыку Никона сделал экзархом грузинским. Вскоре вл. Никона на Кавказе убили (2-е мая 1908). Тело его было привезено во Владимир и погребено внутри Успенского собора у южной стены. Владыка Николай очень сокрушался и в надгробном слове сказал: «Это мне, а не тебе подобало быть схороненным здесь», как бы считая себя косвенно виновным в смерти своего друга. В дни памяти вл. Никона преосв. Николай как бы налагал на себя епитимию: к богослужению в собор не в карете ехал, а шел пешком, что тогда было делом особенным. Владыка Николай скончался в 1914 г. будучи по делам в Петербурге, где и схоронен в Александро-Невской лавре.

Очень строгий к себе аскет — владыка Николай был вместе с тем чрезвычайно милостив. После каждого богослужения он раздавал нищим очень щедрую милостыню. Добр и снисходителен был и к своему духовенству. Вспоминают, как он бывало говаривал робеющим и сбивающимся ставленникам: «Судит Бог! (любимая его поговорка). Ничего, ничего, не робей. Поглядывай в служебничек!»

Приехавший во Владимир Сережа Сахаров потянулся душой к этому доброму архипастырю, который имел на юного семинариста большое влияние. Оценив чистоту души Сережи и любовь его к богослужению, владыка Николай полюбил его, и с 1903 г. дозволил ему прислуживать при архиерейском богослужении в качестве рипидоносца и иподиакона в каникулярное время, а с 1906 г. и до окончания семинарии и постоянно. В 1907 г. владыка посвятил Сережу в первую степень клира — в чтеца. Прислуживая владыке, Сережа имел возможность испытать снисходительность его. Однажды, подавая архиерею умываться во время литургии, он со страхом заметил, что подаваемый кувшин был пуст, и растерялся, не зная, что делать. Но владыка Николай любовно покрыл промах, «умылся» без воды, так что в службе не произошло заминки, да и потом не сделал прислужнику замечания.

Владыка охотно принимал юношу у себя дома и беседовал с ним, пока тот был семинаристом. Когда же впоследствии о. Афанасий Сахаров приехал во Владимир в качестве молодого преподавателя, вл. Николай, вероятно ограждая его от зависти сослуживцев, не допускал уже прежней близости.

Успешно закончив семинарию, Сергей Сахаров поступил в Московскую Духовную Академию. Академия была в расцвете. Во главе ее стоял преосв. Феодор, епископ Волоколамский (Поздеевский). Среди профессоров и преподавателей ее в то время мы встечаем имена А. П. Лебедева, В. О. Ключевского, А. Н. Голубцова, Е. Е. Голубинского, А. И. Введенского, С. И. Смирнова, И. Д. Муретова, Н. Ф. Каптерева и др.

Студент Сахаров от всей души любил свою родную академию и лавру преподобного Сергия, особенно дорожа возможностью жить под покровом глубочайше чтимого им своего небесного покровителя. Если кто-нибудь и впоследствии говорил в присутствии вл. Афанасия о недостатках монашествующих лавры, он этим очень огорчался и оскорблялся.

Он очень почитал ректора семинарии владыку Феодора. Близок был к проф. Голубцову, специалисту по церковной археологии, бывал в его семье, особенно после кончины профессора, стараясь утешить и ободрить вдову его, обремененную большим семейством.

Церковным искусством, в особенности искусством древней Руси владыка, выросший в древнем Владимире и глубоко любивший свою родину и св. Церковь Русскую, всю жизнь очень ин-

тересовался. Любил историю Руси. Но любимым его предметом была литургика и изучение Устава.

Окончив академию в 1912 г., 12 октября 1912 г. Сергей Сахаров был пострижен в монашество, получил имя святителя Афанасия Пателлария, патриарха Цареградского, Лубенского чудотворца.

Через два дня, 14-го октября, его посвятили в иеродиакона, а 17-го — в сан иерея. Нового иеромонаха назначили преподавателем Полтавской духовной семинарии по литургике и гомилетике (2).

В Полтаве преподаватель о. Афанасий Сахаров прослужил всего один учебный год (октябрь 1912 г. — сентябрь 1913 г.). В это время ему стало известно, что во Владимирской семинарии требуется преподаватель как раз по этим предметам. Он решил подать об этом прошение в Синод и сделать это лично. Прямо с вок-

---

(2) Об этих датах встречаются упоминания в позднейших письмах владыки: "Для меня праздник Иверской иконы Божией Матери особенно дорог. 28 лет тому назад в этот праздник родился новый инок Афанасий. Правда по календарю это было 12 октября (тоже праздник Царице Небесной ради Иерусалимской иконы, главной святыни моего иконостаса. С 1898 года), но так как постриг был за всенощной под 13-е, то применяясь к церковному счислению (день с вечера), годовщину своего пострига считаю 13-е, праздник Иверской. Эту икону особенно чтила мама и я с детства. Постриг я принимал уже получивши назначение в Полтавскую семинарию. Потом оказалось, что 13-е октября праздник Полтавской семинарии, и в 1912 г., когда в Полтавской семинарии в этот день шла праздничная всенощная, — в моей Академии преподаватель Полтавской семинарии менял мирское имя на монашеское. А праздник Иверской 12-го февраля — знаменательный день для "второго сына моей покойной мамы (диаконская хиротония о. Иосифа).

14/27.X. Сегодня день моей диаконской хиротонии. И тогда это было воскресенье. Потом оказалось, что это день именин Полтавского архипастыря Назария, в послушание к которому я поступил. 17-го в среду — годовщина иерейской хиротонии и день Ангела † Андрея. *) Ближе всех для меня по воспоминаниям об этих днях Володя Пылаев. **) Он был почти неразлучен со мной тогда. С ним особенно хотелось бы сегодня поделиться воспоминаниями дорогими нам обоим... Но где он и жив-ли?"

*) О. игумен Андрей, эконом архиерейского дома во Владимире, духовник монашества.

**) Священник в Старой Руссе, однокурсник владыки по Академии, человек деятельный. Написал первую икону русских святых. Погиб в ссылке.

зала он направился к оберпрокурору Синода В. К. Саблеру, но тот должен был куда-то ехать сопровождать государя. Он был уже одет в парадную форму и готовился уезжать. Увидев молодого иеромонаха В. К. спросил: «Чего вы, батенька, хотите?» О. Афанасий изложил свою просьбу. В. К. спросил секретаря: — А что, подписано ли назначение преподавателя во Владимирскую семинарию?» Когда оказалось, что еще не подписано, Саблер тут же без всяких бюрократических проволочек приказал секретарю внести в приказ имя иеромонаха Сахарова и подписал назначение. У о. Афанасия на всю жизнь осталось теплое воспоминание о В. К. Саблере. Последний не только выполнил просьбу, но и по-отечески позаботился о молодом иеромонахе, спросив: «А где вы остановились?» — «Да я прямо с вокзала!» — «Ну вот, батенька, вам в гостинице останавливаться неудобно, а я вам дам записку в Александро-Невскую лавру, вам там будет хорошо».

И вот о. Афанасий снова в родном городе, в родной семинарии. На погребении владыки его бывший ученик сказал: «Мне посчастливилось в богословских классах иметь тебя учителем и классным руководителем. Я хорошо помню день, когда ты, молодой, энергичный, ревнующий о славе Божьей, прибыл из Полтавы в родную семинарию, чтобы занять вакантную кафедру преподавателя литургики и гомилетики. Помню блестящую лекцию, которую ты прочел нам, приступая к работе — о значении литургики и гомилетики в системе богословского образования. Никогда не забуду начальных слов этой твоей лекции. «На фронтоне нашей семинарии, — сказал ты, — написаны подлинно золотые слова: «ДОНДЕЖЕ СВЕТ ИМАТЕ, ВЕРУЙТЕ ВО СВЕТ, ДА СЫНОВЕ СВЕТА БУДЕТЕ» (Ио. 12,36). И дальше потекла речь плавная, красноречивая, убежденная и убеждающая. Ты говорил о красоте и величии православного богослужения, о том, что в наших богословских книгах, — особенно в Триоди постной, — есть произведения, не имеющие себе равных в литературе по силе своего духовного воздействия. Ты говорил о важности церковной проповеди для утверждения среди людей евангельских заветов, о силе и значении слова вообще; приводил в пример лучших проповедников своего времени, силою слова привлекавших и увлекавших тысячи слушателей в Церковь Христову. Ты, как Ангел, пел хвалу Богу перед юными слушателями, и «звук этой песни в душе молодой остался — без слов, но живой». Ты говорил, собственно, о значении литургики и гомилетики в деле воспитания просвещенного пастыря. А в душах слушателей как-то невольно ширилось сознание важ-

ности богословского образования вообще, росло и крепло желание посвятить свою жизнь на служение Церкви Христовой»...

Как было уже сказано, епископ Николай управлял Владимирской епархией до 1914 г. Повидимому в Синоде было мнение, что покойный был слишком мягок, «распустил духовенство», и на его место был назначен преосв. Алексей, человек резкий, придирчивый и деспотичный, под суровой рукой которого изнывало и роптало 3 года Владимирское духовенство. Но управление его было непродолжительно. После революции 1917 г. был собран съезд духовенства и мирян Владимирской епархии, который постановил отрешить от кафедры еп. Алексия и избрать на его место митрополита Финляндского Сергия, присутствовавшего тогда в Синоде. Особенно горячо выдвигал его кандидатуру протоиерей Алексей Владычин, благочинный г. Владимира. Активно поддержал ее и иеромонах Афанасий. Он очень уважал митрополита Сергия и как богослова и как деятельного и мудрого архипастыря; ценил его и за руководство исправлением нового издания богослужебных книг, что считал насущно необходимым делом.

О. Афанасий был в то время дружен с иеромонахом Серафимом, личным секретарем м. Сергия. Они организовали «проповеднический кружок» и наперерыв говорили проповеди. На ряду с любвеобильным и добродушным характером о. Афанасия, который несомненно стал уже известен многим из верующих, эти проповеди содействовали популярности его в народе.

Тот же Владимирский съезд избрал и представителей на Всероссийский Поместный Собор 1917-18 г. В члены Собора от монашествующих был избран и преподаватель Владимирской семинарии о. Афанасий Сахаров.

Будучи специалистом по литургике, иеромонах Афанасий работал в богослужебном отделе собора, и вместе с профессором (египтологом) Борисом Александровичем Тураевым принимал участие в составлении службы русским святым, совершение которой прекратилось во времена патр. Никона, «зане в греческих типицех не обретается» (как и многие другие службы отдельным русским святым), а в Синодальный период эта служба была утеряна и праздник этот был покрыт мраком забвения. Работу над усовершенствованием и расширением службы владыка Афанасий продолжал и в последние годы своей жизни.

По обстоятельствам времени после восстановления патриаршества (выборов патриарха) и решения наиболее неотложных дел поместный собор был преждевременно закрыт.

Пребывание на соборе расширило круг знакомств о. Афанасия. Здесь он столкнулся со многими выдающимися представителями духовенства и верующих мирян.

К этому времени относится рассказ о. Афанасия о том, как происходило вскрытие мощей Владимирских чудотворцев и как затем они были выставлены напоказ народу в обнаженном виде.

Во время вскрытия было установлено, что тело св. благоверного князя Глеба, скончавшегося в 1174 г. (сын св. князя Андрея Боголюбского), было мягким и гибким и кожу на нем можно было схватить пальцами, она отставала, как у живого. А у влк. князя Георгия убитого в бою с татарами (1288 г.), в котором ему была прочь отсечена голова, последняя оказалась приросшей к телу, но так, что можно было заметить, что она раньше была отсечена, так что и шейные позвонки были смещены и срослись неправильно. Вскрывавший мощи врач впоследствии говорил, что это обстоятельство укрепило в нем веру в Бога и в чудо.

В ожидании начала демонстрации вскрытых мощей народу Владимирское духовенство установило в соборе дежурства по два человека. В храме были расставлены длинные столы, покрытые церковными покровами (какими покрывают гроб с покойником), а на них аккуратно положены св. мощи (владыка только сетовал, что покровы были положены не самые парадные — настоятель пожалел). Первыми дежурными были иеромонах Афанасий и псаломщик Александр Афанасьевич Потапов, обладавший чрезвычайно высоким голосом. Едва открылись двери для впуска народа, иеромонах Афанасий громко возгласил: «Благословен Бог наш», а в ответ ему под сводами древнего собора разнеслось звонкое до пронзительности «аминь», и начался молебен владимирским угодникам. Входящий народ стал креститься, класть поклоны и ставить свечи у мощей. Таким образом, предполагаемое поругание святыни обратилось в торжественное богослужение. Инициатором установления дежурств был, кажется, сам о. Афанасий.

Вернувшись во Владимир с поместного собора, о. Афанасий был избран в члены Епархиального Совета, как представитель монашествующих (1918-1920 гг.). В 1920 г. назначен наместником Владимирского Рождественского монастыря (во Владимирском кремле) и 20-го января возведен в сан архимандрита. С 18-го июня 1921 г. он настоятель Боголюбовского монастыря, а через 9 дней, 27 июня хиротонисан во епископа Ковровского.

Архиерейская митра явилась для вл. Афанасия подлинно терновым венцом. Время было тяжелое — гражданская война еще не кончилась. В стране царила разруха. В Поволжье неурожай и страшный голод. Власти объявили изъятие церковных ценностей. Возникло обновленчество. В такой бурной обстановке пришлось встать на кафедру молодому епископу.

К этому времени относится его знакомство и сближение с отцом Иосифом Потаповым, который стал ему преданнейшим помощником и другом. Вот рассказ самого о. Иосифа.

О. Иосиф был послушником Боголюбовского монастыря и келейником викария Владимирской епархии преосвященного Евгения (Мерцалова), епископа Юрьевского, жившего вначале в архиерейском доме во Владимире, а потом в Боголюбовом монастыре, которого он и был настоятелем. В 1919 г. Иосиф Афанасьевич был взят в армию и после нескольких перемещений (Кострома, Нерехта, Кашира Тульской области) в июне 1920 г. был откомандирован в г. Владимир в одну из воинских частей. По воскресеньям и праздникам он имел возможность бывать на богослужениях. Ходил в Успенский собор или в Троицкую церковь, куда были переведены духовенство и монахи из архиерейского дома, в числе которых был и архимандрит Афанасий. Последний однажды сказал Иосифу Афанасьевичу в шутливом тоне: «Пора бы вам быть диаконом», на что также в шутку тот ответил: «Когда вы будете архиереем, тогда и я буду диаконом».

Как указано, архимандрит Афанасий в конце июня 1921 г. был хиротонисан во епископа, а в Рождественский сочельник того же года он посвятил И. А. Потапова в стихарь. Иосиф Афанасьевич стал выполнять обязанности иподиакона при служении владыки, когда это было ему возможно по службе. Через некоторое время владыка напомнил ему о прежде бывшем разговоре. «Вот я теперь архиерей. Когда же вы будете диаконом? Вы ведь обещали». — «Когда освобожусь из армии, владыка!» Один раз владыка по обычаю своему пригласил к себе причт на трапезное утешение. Обратившись к И. А., владыка сказал ему: Иосиф Афанасьевич! Я как-то возымел к вам особое расположение, внимание и любовь, видя вашу заботливость и прилежность к богослужению. Да и покойный преосв. Евгений рекомендовал вас как обо всем заботливого молодого человека и просил меня не терять вас из вида. Сам я не умею узнавать людей и неопытен совершенно, но, зная покойного владыку Евгения как опытного архипастыря, я еще больше возлюбил вас и хотел бы, чтобы вы были около меня, как

были при покойном владыке Евгении и служили ему. Иосиф Афанасьевич был растроган и напоминанием о владыке Евгении, который когда-то позаботился о нем и поручил его о. Афанасию, тогда еще архимандриту, и выражением любви и доброго отношения вл. Афанасия, и от избытка чувств прослезился. С тех пор они стали все более и более сближаться. Неожиданно в январе 1922 г. И. А. по болезни был освобожден из армии, а 4/17 февраля, в день памяти св. князя Георгия Владимирского, сочетался браком с девицей Марией Ивановной Хренковой. Венчал их сам владыка Афанасий при участии иеромонаха Германа и диакона Николая Беневоленского и двух иподиаконов, в Троицкой церкви. Храм был полон народа. Пел архиерейский хор в полном составе. Чтобы не смутить верующих необычностью венчания, вл. Афанасий сказал слово, в котором говорил, что епископ имеет право совершать все таинства и, хотя в России это не принято, но на православном востоке совершается в обычном порядке. Вскоре после этого вл. Афанасий ездил в Нижний Новгород, куда был выслан митрополит Владимирский Сергий, и рассказал ему о совершении им венчания. В гостях у митрополита Сергия был в тот момент митрополит Нижегородский Евдоким. Владыка Сергий пошутил: «Владыка, скажите — у вас викарии венчают дьяконов?» Вл. Евдоким: «Таких случаев не слыхал». — А «у меня вот викарии венчают», так же шутливо сказал митрополит Сергий.

12/25 февраля, в день Иверской иконы Божей Матери вл. Афанасий рукоположил И. А. во диакона.

До самой смерти Владыки связь их не порывалась. Когда владыку взяли, о. Иосиф преданно заботился о его матери, называвшей его своим вторым сыном. О. Иосиф ее и похоронил 16 ноября 1930 г.

17 марта 1922 г. еп. Афанасий был на один день арестован и препровожден в ревтрибунал, но на другой день освобожден.

В Великий Четверг готовились к совершению чина омовения ног, но в Великую Среду, 30 марта, митрополит Сергий, еп. Афанасий, архиепископ Суздальский Павел и бывший Суздальский еп. Василий были арестованы по Суздальскому делу по обвинению в связи с изъятием церковных ценностей. В Суздале была разворована ризница, и это было поставлено в связь с изъятием церковных ценностей. Вл. Афанасий был подвергнут аресту как член Епархиального Совета. 27-го мая был произведен показательный суд и обвиненных приговорили к одному году лишения свободы, но по амнистии освободили 28-го мая того же года.

Как говорилось выше, глава Владимирской епархии был выслан. И вот викарный епископ Ковровский Афанасий оказался управляющим Владимирской епархией, и ему пришлось грудью встретить волны бед и напастей, воздвигшихся на церковный корабль от обновленческого раскола. Когда обновленчество началось, один из Владимирских протоиереев, настоятель Никитской церкви, о. Михаил Тихонравов по собственному почину отправился в ВЦУ, т. е. в Москву. Вернувшись во Владимир, он явился с рассказом о своей поездке к вл. Афанасию, но тот отнесся отрицательно как к самочинной поездке, так и, в особенности, к самому обновленчеству. Тем не менее вскоре по инициативе того же Михаила Тихонравова было созвано собрание городского духовенства. Батюшек собрали, а потом заставили подписываться за признание обновленческого движения под угрозой, что если не подпишутся, то и на волю отсюда не выйдут. Со своей стороны владыка Афанасий с первого же следующего богослужения стал объяснять народу, что обновленцы — раскольники, группа духовенства, восставшая против законного канонического епископата, возглавляемого святейшим патриархом Тихоном, что в силу этого они не имеют права совершать таинства и нельзя поддерживать с ними молитвенного общения, нельзя ходить в обновленческие или живоцерковные храмы. Вскоре вл. Афанасий поехал в Н.-Новгород к своему епархиальному архиерею с докладом о своей деятельности. Однако вл. Сергий не похвалил его за ярое выступление против обновленчества, сказав: «Лбом стену не прошибешь». (Сам вл. Сергий 10-го июня 1922 г. присоединился к обновленцам. Вероятно он в глубине души надеялся встать во главе ВЦУ и потом повернуть по-своему кормило правления в более правильную сторону, но Красницкий оказался хитрее и вл. Сергию власти не дал. Под давлением преосв. Феодора Поздеевского митрополиту пришлось принести публичное покаяние в Донском монастыре, стоя на паперти в одном подряснике). Но и после беседы с митроп. Сергием вл. Афанасий не изменил свое отношение к обновленцам. Стараясь все время поддерживать связь с верными патриарху епископами, он в то же время продолжал убеждать паству не общаться с обновленцами. Иереев впавших в обновленчество, заставлял приносить публичное покаяние вместе со всем приходом, освящал осквернённые расколом храмы и т. д. Всем этим он помогал Владимирской церкви избежать раскола и сохранить верность православию.

Но такая деятельность ему даром не прошла. 15 июня 1922

г. он был на 10 дней арестован одновременно с Муромским епископом Серафимом (Руженцовым). (В заключении был с московским протоиереем Миртовым, владимирским уроженцем). Освобожденный 25 июня, он 25 сентября вновь подвергается аресту и находится сперва во Владимирской тюрьме (б. Рождественский монастырь), а потом в Московской Таганской. Последовал приговор: два года ссылки в Зырянский край. О пребывании вл. Афанасия в Зырянском крае сохранились воспоминания одного его тамошнего знакомого ссыльного, дающие очень живую картину тамошней жизни владыки. Внешне она была сравнительно мирная — ежедневно в его келье совершалось богослужение, хотя сам владыка служил сравнительно редко, больше служили жившие поблизости ссыльные священники. Службы были продолжительные, по всей строгости церковного устава. Владыка получал посылки и всегда чем-нибудь делился с другими, причем не только со своими близкими. Любил владыка и угощать чем Бог послал. Посты соблюдал очень строго. С владыкой жил его добровольный келейник и спутник о. Дамаскин, иеромонах.

Тюрьмы, этапы и ссылки всегда были для владыки Афанасия источником знакомств и встреч со многими людьми. Некоторые из них становились его друзьями на всю жизнь. Он даже всегда перечисляет эти знакомства в своих «Этапах». Особенно богат этот перечень за 22-24 годы: «Владимирская тюрьма в 1922 г. Муромский еп. Серафим (Руженцов), московский протоиерей Миртов, владимирский уроженец в том же году, там же: архиепископ Никандр митрополит Крутицкий, еп. Дамиан Переяславский (Воскресенский), еп. Николай Муромский, архиеп. Фаддей Тверской, еп. Корнилий Вязниковский, впоследствии Свердловский, еп. Василий Суздальский; священники Дурылин, Н. Дулов; Ковровский протоиерей о. Алексей Благовещенский, прот. Константин из Суздали. (В Московской и Вятской тюрьмах он был с еп. Феодосием (?). На этапе в Зырянский край видится с еп. Литовским Серафимом (Звездинским) и еп. Николаем (Добронравовым). В Зырянском крае встречается с митрополитом Кириллом, архиепископом Фаддеем, еп. Николаем (Добронравовым); знакомится с прот. Владимиром Богдановым и с ученым архимандритом Неофитом, патриаршим секретарем и ризничим.

К сожалению не сохранились письма владыки Афанасия к матери из его первых ссылок. Он писал ей ежедневно и сообщал о всех мелочах своей жизни с присущим ему невинным юмором и никогда не жаловался, всегда стараясь утешить и ободрить мать.

Эти письма утешали и ободряли не только Матрену Андреевну, но, можно сказать, всю паству и всю епархию, потому что у матери владыки все бывали, все интересовались, что пишет владыка, все этим поддерживались и утешались.

Ежедневно и мать отвечала ему. Сама она была неграмотная, писать не умела. Это делал под ее диктовку о. Иосиф, который проводил в ее доме все свободное от церковной службы время, а домой приходил только ночевать (и, таким образом, живя во Владимире, о. Иосиф был почти разлучен с семьей, но его супруга, не менее его преданная владыке, никогда не роптала, но принимала такое положение вещей как должное), всячески стараясь и утешить и поддержать свою вторую мать, скорбящую по родном любимом сыне-епископе.

В Зырянском краю вл. Афанасий пробыл до 20-го января 1925 г., будучи освобожден на 2 месяца позднее срока. С великой радостью встретила его в Москве на вокзале Матрена Андреевна в сопровождении верного о. Иосифа. С вокзала владыка поспешил навестить семью Фудель, с которыми познакомился в Устьсысольске.

По окончании Зырянской ссылки владыке не было сделано никакого ограничения в выборе места жительства, и он вернулся во Владимир на церковное делание. Так как по-прежнему Владимирская кафедра пустовала фактически (м. Сергий все еще жил по высылке в Н. Новгороде), то вл. Афанасий, будучи викарием Владимирского владыки, как Ковровский епископ, считал себя ответственным за епархию, как бы вверенную ему Богом. Поэтому, постоянно поддерживая связь с митрополитом Петром, он продолжал по-прежнему ревностно бороться с обновленческим расколом, стараясь в тогдашней трудной обстановке сохранить церковное единство и каноническую законность.

Около 1925 г. во Владимире был организован обновленческий епархиальный съезд. Трое из старейших протоиереев, там участвовавших, пришли к вл. Афанасию, приглашая его на съезд. Участвовать в съезде владыка отказался, но все же пришел к обновленцам с тем, чтобы обличить их и выразить свое отрицательное отношение к их съезду. Увидев в числе собравшися архиерея Герасима-украинца, назначенного обновленцами архиепископом Владимирским владыка сказал ему: «Вы монах — и вы здесь! Мне стыдно за вас!». Свою обличительную речь владыка закончил словами: «А теперь я еду к митрополиту Петру с покаянием, что без

его благословения присутствовал на вашем беззаконном собрании!»

Когда осуществлять контакт с м. Петром стало невозможно, вл. Афанасий старался все же не действовать самочинно, а советовался с верными Церкви епископами, хотя и это было чрезвычайно затруднительно, так как большинство их было в ссылках.

В конце 1926 г. недовольные деятельностью ревнителя Православия местные власти предложили ему или уехать из Владимира или прекратить управление епархией, а так как он по своей епископской совести не мог на это согласиться, то 2-го января 1927 г. его арестовали предъявив обвинение в принадлежности к к.-р. организации архиереев, возглавляемой м. Нижегородским Сергием Старогородским. Митрополит Сергий в то время распоряжением митр. Петра, местоблюстителя патриаршего престола, был назначен временным заместителем местоблюстителя для исправления текущих дел Московской патриархии. Сам м. Петр лишился возможности управлять Русской церковью, так как был арестован и выслан из Москвы за борьбу с обновленчеством и нежелание идти ни на какие компромиссы, могущие быть во вред Церкви. В первое время м. Сергий правильно понимал свое положение, был верен м. Петру, т. е. не решался на принципиальные изменения в руководстве Церковью и занимался только текущими делами. Эта верность м. Петру и была основанием обвинения.

Вл. Афанасий был препровожден в Московскую внутреннюю тюрьму, где находился около 4-х месяцев, с 3-го января по 30 апреля 1927 г. В конце апреля он на 5 дней был помещен в одиночную камеру вдвоем с «главой группы» м. Сергием. В своих беседах они обсуждали положение Церкви и м. Сергий обещал, не идти ни на какие компромиссы, пребыть верным м. Петру и говорил, что считает свои полномочия ограниченными и вытекающими из полномочий Местоблюстителя. Однако через несколько дней вл. Афанасий был направлен в Соловецкие лагеря на 3 года, и одновременно разъехались в разные ссылки еще 40 архиереев, а митр. Сергий вышел на свободу и переменил тактику: он вскоре заявил, что теперь ему принадлежит полнота церковной власти в Русской церкви, равная власти Местоблюстителя. По инициативе м. Сергия была введена государством регистрация церковных учреждений, а впоследствии и организован Совет по делам Русской Православной Церкви при Президиуме Верховного совета Союза, чем, собственно говоря, уже официально сводилась на нет независимость Церкви от государства. Делалось это под лозунгом «церков-

ной экономии», но по существу было уже принципиальным актом, на который заместитель Местоблюстителя не имел права. М. Сергий стал даже претендовать на полноту патриаршей власти, ссылаясь в своих действиях на желания и намерения покойного патриарха Тихона. М. Сергий организовал при себе священный синод по образцу дореволюционного петровского синода, который после введения патриаршества не должен был существовать.

В Соловецких лагерях владыка Афанасий побывал в разных пунктах и на различных работах, но содержался сравнительно свободно, временами даже «жил на квартире». Это было на Поповом острове. Были у него свидания с матерью и со старостой Троицкой церкви Александром Николаевичем Парковым, свидания продолжительные и без свидетелей. Позднее об этих свиданиях владыка часто вспоминал. Таких уже больше не бывало.

Перед самым концом трехгодичного срока, 23 января 1929 г. владыка Афанасий без предъявления какого-бы то ни было обвинения был подвергнут аресту и менее чем на неделю отправлен на Соловецкие острова, где среди заключенных свирепствовал повальный тиф, и, когда заболел сыпняком, был помещен в заразные бараки, помещавшиеся в бывшей конюшне. Там на трехъярусных нарах лежали больные. Место владыки оказалось в нижнем ряду, и сверху на него лились нечистоты. Тем не менее он выжил. В конце февраля он в числе прочих заключенных подвергся медицинскому осмотру (причем более часу пришлось стоять на холоде раздетыми), признан здоровым и отправлен этапом на 3 года в Туруханский край. После тифа владыку очень мучил голод, и вот в вагоне он впервые в жизни нарушил обычную для него строгость первой недели Великого поста, открыв баночку рыбных консервов. С сокрушением скушал и впоследствии, вспоминая этот случай, он рассказывал, что в тот год в день Благовещения Пресв. Богородицы не имел рыбного «утешения», которого никогда не бывал лишен ни прежде, ни после.

Этап шел через ряд тюрем — Ленинградские «кресты», Новосибирскую, Красноярскую, пересыльные. В последней владыка неожиданно встретился с мит. Кириллом, но когда радостно бросился к нему, то услышал суровое: «Я вас не знаю». Дело в том, что исхудалый после болезни и наголо обритый вл. Афанасий действительно был трудно узнаваем. Конечно, недоразумение быстро разъяснилось. Впоследствии оба владыки некоторое время даже жили вместе в Туруханских «станках» Селиванихи, вместе молились, а когда однажды в Туруханске владыка Афанасий попал в ужасную

тамошнюю каталажку и был в очень тяжелом положении, то митрополит Кирилл молился за него и читал св. Евангелие (по примеру Киевского подвижника иеросхимонаха Парфения и с его молитвой) и неожиданно вл. Афанасий был освобожден, так что Евангелие от Иоанна владыки дочитывали вместе.

О митр. Кирилле вл. Афанасий всю жизнь хранил самые добрые и светлые воспоминания и любил о нем рассказывать. Вот вкратце некоторые из этих рассказов.

Еще при жизни святейшего Тихона в 1924 г. вл. Кирилл возвращался из Зырянского края, и ему было предписано явиться в Москву к Тучкову, никуда по дороге не заезжая. Однако владыка Кирилл первым делом все же отправился к патриарху, который только что подписал согласие принять в общение обновленца Красницкого. На вопрос — зачем святейший это делает, м. Кирилл услышал ответ: «Я болею сердцем, что столько архипастырей в тюрьмах, а мне обещают освободить их, если я приму Красницкого». На это вл. Кирилл сказал: «Ваше святейшество, о нас, архиереях не думайте. Мы теперь только и годны на тюрьмы...» Святейший вычеркнул фамилию Красницкого из только что подписанной бумаги, а владыка Кирилл направился к Тучкову, где при разговоре на ту же тему — о Красницком — его упрекнули в том, что он не слушается Святейшего, который хочет принять Красницкого. «Не понимаю, — сказал вл. Кирилл, — год тому назад на этом самом месте вы меня обвиняли в чрезмерном повиновении патриарху, а теперь требуете обратного!»

По кончине п. Тихона не было возможности созвать правильный собор для выбора нового патриарха, потому что большинство архиереев были в тюрьмах и в ссылках, да и вряд ли Тучков вообще допустил бы созыв такого собора. У находившегося тогда в Соловецких лагерях архиепископа Иллариона (Троицкого) возникла мысль осуществить выборы нового патриарха путем собирания подписей архиерейских. Он с единомышленным, находившимся в Соловках духовенством, написал соответствующее воззвание-обращение к епископам русской Церкви, в котором предлагал выбрать на патриаршество преосв. Кирилла. Воззвание было вывезено из лагеря одним выходившим на свободу архиереем в чемодане с двойным дном. Было собрано довольно много подписей за кандидатуру м. Кирилла, но едва воззвание соловчан попало в руки м. Сергия Старогородского, как о нем стало известно властям предержащим, начинание было пресечено, и архиереи, давшие свои подписи, пострадали. Пострадал и инициатор этого дела

преосв. Илларион. Его, полубольного, едва вставшего после тифа, отправили этапом в холодной рясе; больного его сняли с этапа в Ленинграде, где он и скончался.

Перед тем как м. Сергий стал заместителем местоблюстителя, его роль Тучков предлагал тем архиереям, имена которых стояли в завещании (патриарха?), т. е. митрополитам Агафангелу и Кириллу. Рассказывали, что м. Агафангелу запретила идти на это одна блаженная (слепая Ксения) из г. Рыбинска, которую он очень почитал, сказав: «Если согласишься, то потеряешь все, что раньше приобрел». Когда же Тучков вызвал м. Кирилла, последний давал согласие на занятие этой должности, но не принял предложенных условий. «Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, — сказал Тучков, — вы должны будете нам помочь». — «Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении, да. В противном случае я скажу: брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить и я вынужден это сделать». — «Нет, не так. Вы должны сделать вид, что делаете это сами и найти соответствующее обвинение!» Владыка Кирилл конечно отказался. Говорят он ответил: «Евгений (имя и отчество Тучкова)! Вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь!»

Он был немедленно отправлен на этап, причем его везли лодкой в верховья Вычегды. Везшие его стрелки не кормили его, и только лодочники тайком из жалости давали ему хлебца. Когда приехали на место, где стояла одна изба, его поручили наблюдению хозяина дома, ничем владыку не обеспечив. Владыка Кирилл смастерил себе удочку и питался немногими рыбками, которые ему удавалось выловить, и варил их в старой консервной банке. Он так измучился телом и душой, что заплакал, когда верная мать Евдокия, едва разыскавшая его в этой глуши, застала его на берегу за этим делом.

В туруханском крае вл. Афанасий несколько раз подвергался перемещениям, жил в г. Красноярске, в Енисейске, в Стенках Туруханском, Мельничном, Селеванихе, Пупкове (1930 г.).

Все такие перемещения обычно нелегки: только человек обживется, осмотрится, привыкнет к лицам и месту, и приходится переезжать и на новом месте все начинать сначала.

Во время пребывания владыки в Туруханском крае, в 1930 г., во Владимире скончалась его любимая матушка, Матрена Андреевна. Для владыки это была величайшая утрата, оборвалась самая сильная его земная привязанность, Он совершил по матери 3 или 4 сорокоуста обедень (конечно в домашних условиях), а к шестинедельным поминаниям послал во Владимир рыбы из Сибирских рек. Он жил тогда, кажется в Мельничном или Селиванихе.

После смерти Матрены Андреевны владыка начал писать свой труд «О поминовении усопших», (3) на первом листе которого написано: «Посвящаю памяти любимой матери». Писать приходилось без больших удобств, при плохом освещении, бумаги было мало и приходилось писать очень убористо, так что впоследствии нелегко было разбирать рукопись.

Наконец, 3-го явнаря окончился срок ссылки, но освобождение пришло более, чем через полгода.

Владыка опять вернулся в свой родной город. Побывал на могилке матери, повидался с близкими, но уже был не у дел. На кафедре был еп. Иннокентий, назначенный митрополитом Сергием, а Успенский собор был превращен в антирелигиозный музей.

Позднее вл. Афанасий писал: «Когда митрополит Сергий заявил, что его полномочия вытекают из полномочий Митрополита Петра, мы все признавали митрополита Сергия, как законного руководителя церковной жизни православной Русской церкви, первоиерархом которой остается митрополит Петр. Когда же митрополит Сергий, не удовлетворившись тем, что было дано ему и что он мог иметь при жизни законного первоиерарха Русской Церкви, когда в своем журнале он всенародно объявил, что ему, митрополиту Сергию, не только принадлежат все права местоблюстителя, но что он, «заместитель», облечен патриаршей властью» (Вып. № 1, стр. 3) и что сам наш законный первоиерарх, «митрополит Петр, не имеет права вмешиваться в управление и своими распоряжениями исправлять даже ошибки своего заместителя» (там же), тогда ряд архипастырей, в том числе и я, призна-

---

(3) Напечатан в Вестнике Западно-Европейского Патриаршего Экзархата.

ли, что такое присвоение митрополитом Сергием всех прав первоиерарха при жизни нашего законного канонического первоиерарха митрополита Петра, — лишает захватчика и тех прав по ведению дел церковных, какие в свое время были даны ему, и освобождает православных от подчинения митрополиту Сергию и образованному им Синоду».

Об этом вл. Афанасий откровенно в письменной форме заявил митрополиту Сергию по возвращении из Туруханского края в декабре 1933 года... Отказавшись от какой-либо церковной работы под руководством митрополита Сергия и не участвуя лично в общественном богослужении, владыка Афанасий не уклонялся от посещения храмов, где богослужение совершалось священнослужителями, признававшими митрополита Сергия, но другие, близкие ему епископы, в особенности ревностнейший владыка митрополит Кирилл, в качестве протеста допускали непосещение Сергиевских храмов, хотя осуждали хуления неразумных ревнителей, говоривших, что в «Сергиевских» храмах нет благодати.

Владыка прописался в г. Егорьевске, но комнату себе снял во Владимирской области, вблизи Петушков, в деревне Горушки. В самих Петушках преданный ему о. диакон Иосиф служил в Петушковской церкви во имя Успения Божей Матери и жил с семьей в церковной сторожке. Владыка часто бывал у родных в Москве и, тоскуя без совершения богослужения, иногда тайно служил. Продолжал он и заниматься литературной работой, т. е. писать «О поминовении усопших».

1936 год. Время тревожное. Стали искать и владыку. Он приезжал навестить о. Иосифа. Как-то узналось что владыку ищут, и одна преданная ему духовная дочь решила из Владимира поехать в Петушки, предупредить его. К несчастью, на вокзале во Владимире она встретила знакомого старичка, бывавшего в церкви, которого считала «своим». На его вопрос: «куда едешь?» — ответила откровенно. Старичек оказался провокатором и «сработал» настолько быстро, что когда девушка шла в Петушках с вокзала по направлению к храму, она повстречала арестованных владыку и о. Иосифа.

Когда их доставили в г. Иванов владыку очень долго допрашивали и довели почти до потери сознания, так что он подписал протокол допроса с ложным признанием, что они с о. Иосифом имели тайную домашнюю церковь и совершали на дому у о. Иосифа литургию. Ложность этого была очевидна, так как о. Иосиф жил при храме и там диаконствовал. На другой день, придя в

себя, владыка опротествовал вынужденное ложное показание, но «подписанное пером не вырубишь и топором». Владыка Афанасий получил 5 лет Беломорских лагерей, а о. Иосиф — 3 года Ухтинских.

Снова этап с рядом тюрем. В вологодской тюрьме владыку разлучили с о. Иосифом, и он через Ленинградскую «пересылку» прибыл в Беломорско-Балтийские лагеря. Кажется, что это был один из самых тяжелых периодов жизни владыки. Его повидимому считали «опасным» преступником.

По прибытии в эти лагеря и по окончании карантина его назначили инкассатором Медвежегорского Отделения. На его заявления, что он никогда никаких денежных дел не вел и совершенно неопытен в этой области, ему дали понять, что лагерники должны делать все, что им приказывают, и под страхом лагерных взысканий не имеют права отказываться от даваемых поручений. Волей-неволей он должен был подчиниться. Работу инкассатора ему пришлось проводить в невероятно тяжелых условиях и в совершенно несоответствующей делу обстановке. Вначале даже не было ящика для денег. Ему сказали: «Купите газету и заверните в нее». Оплата производилась в пяти точках, по большей части в бараках, в ночное время, при слабом свете керосиновой лампы или при фонаре «Летучая мышь». Шумная толпа заключенных, в подавляющем большинстве уголовников, почти вплотную окружала стол. А к тому же владыка при слабом зрении должен был работать в очках, через которые вдаль в 1-2 шагах от себя видел все лишь в тумане. Иногда и стрелки, которые должны были охранять кассу с деньгами, не предупредивши инкассатора, уходили. Как и следовало ожидать, вскоре у владыки пропали деньги, и к концу первого месяца работы у него оказалась недостача в 1115 рублей. Сумма эта была возмещена друзьями владыки, но тем не менее за пропажу денег ему добавили еще год лагерей и, кроме того, несмотря на слабое состояние здоровья, перевели на общие работы, на лесопункт. Там пришлось ему трудиться в непосильном и непривычном деле — на лесоповале, на строительстве кругло-ледневой дороги, на лесобирже. Вероятно к этому времени относится письмо его соузника о. протоиерея Василия.

Он пишет: «все трудности лагерной жизни мы вместе переносили с епископом Афанасием на разных работах и в разных лагерях. Смерть часто заносила косу над нашими головами, а ангел-хранитель ее отводил в такие моменты, когда казалось, что смерть неизбежна. Особенно памятны некоторые случаи, когда мы скор-

бели о потерянном рае... возможности служения. Великая Пятница, а мы на лесовале, в болотистой части дремучего леса, увязаем в тине, с опасностью провалиться в так называемые «волчьи ямы», занесенные снегом: кто попадал в них, сразу погибали. И в такой обстановке мы исповедывались друг другу... открыли друг другу все сокровенные мысли...»

В мае 1937 г. на майские праздники владыку взяли в штрафной изолятор. В августе того же года он был подвергнут аресту и без предъявления обвинения заключен вновь в штрафной изолятор. Там он пробыл 3 месяца. Каждую ночь нескольких заключенных выводили на расстрел. Владыка все время был на очереди и ежедневно готовился к смерти, но почему-то очередь каждый раз его обходила (может быть кто-то его щадил?). В конце октября его даже вернули на лесопункт, но в ноябре опять более чем на месяц взяли в те же страшные условия, — и опять он остался в живых.

Наконец один из начальников вошел в барак и с облегчением громко заявил, что опасность миновала. Владыку опять отправили на работы.

Совершенно истощенный в силах владыка был признан «инвалидом ширпотреба». В декабре 40 года он пишет, что ничем не болен, только кашляет, так как койка его около двери, — но у него упадок сил, иногда рукой тяжело пошевелить. Таких инвалидов лекпом не освобождает, потому что они имеют право не идти на работу без всякого освобождения, когда чувствуют себя нездоровыми. Но владыка был бригадиром лаптеплетной бригады и дневальным по бараку, и должен был не только убирать барак, но и заботиться о хлебных пайках и талонах, получать хлеб для всей бригады, а для этого надо было вставать в 3 часа утра. Владыка просил освободить его от обязанностей дневального, хотя дневальство давало некоторые преимущества — больший хлебный паек и возможность готовить себе пищу.

Но он страшно измотался, не видя покоя ни днем, ни ночью. Как он писал, беда была в том, что он не умел делать кое-как, втирать очки, а товарищи его смотрели на дело по-иному, и в местах общего пользования при четырех дневальных владыке приходилось через три дня вывозить всю грязь, которая после того опять в течение трех дней копилась до его дежурства. А те трое только посмеивались: «дураков-то работа любит». Несмотря на просьбы, владыку не освобождали от дневальства. Он жаловался: «Прошусь освободить от дневальства — «такого — (без

похвальбы передаю) не освобождают. Вспоминаю Крыловского скворца, пойманного птицеловом. Один из всей стаи хотел разжалобить ловца своим пеньем и, как раз вопреки его предположениям, один остался в клетке. Не надо было работать так, чтобы считали «образцовым». Но я не умею иначе, не умею «зарякать туфту»...

Несмотря на неоднократные заявления о снятии добавочного срока, срок снят не был, и в начале Отечественной войны владыка был отправлен из Олонии за 400 км в Архангельскую область, в Онежские лагеря пешим этапом. Трудно даже представить, как истощенный, измученный узник смог выдержать такое непосильное путешествие. Впоследствии он писал об этом: Я вспоминаю бывшее со мной — 13 июля 1941 г. мне пришлось идти пешком около 400 км. из Олонии в Архангельскую область. Меня с детства приучили не пить сырой воды. А тут я рад бы зачерпнуть горстью водички из лужи или из болота, и эта, хотя и грязная, но не ядовитая вода... освежала меня и укрепляла. Соринки, травинки, водяную плесень я откидывал, а воду пил, и без этой сырой и не совсем чистой воды едва ли бы дошел до цели».

В результате тяжелого этапа и от голода вл. Афанасий так ослабел, что в Онежских лагерях едва ходил с палочкой по бараку, думал, что не переживет, писал завещание. Но Господь помиловал.

В Онежских лагерях вл. Афанасий пробыл до 30/VI-42. (из них опять 11,5 месяцев сверх срока), после чего был направлен в бессрочную ссылку в Омскую область. Тут он в совхозе «Голышманово» пробыл 4 месяца ночным сторожем, после чего в г. Ишиме на квартире еще почти целый год. Господь давал ему передышку. Он пишет оттуда: «Хозяева мои старички хорошие. Старушка целый день хлопочет о еде. Вообще — благодарение Господу — нынешнее обилие покрывает с избытком прежнюю скудость».

В Ишиме не было храма и владыка молился на дому. Об этом узнали некоторые верующие и обращались к нему с просьбами помолиться о них, а возможно и совершать некоторые требы, за которые платили ему натурой. Это его весьма поддерживало — и материально и морально. Жители Ишима начали хлопотать об открытии храма и просили владыку согласиться служить в этом храме. С некоторой нерешительностью он дал на это принципиальное согласие. Неугомонный владыка уже мечтал о ли-

тературных занятиях — окончании труда о поминовении усопших. А над ним уже сгущались тучи. У хозяев была дочь, молодая девушка, которая очень хорошо относилась к владыке. Вдруг с некоторых пор она начала его избегать. Владыку это удивило. Неожиданно эта девушка покончила самоубийством и оставила записку, в которой просила владыку молиться о ее душе. Близкие владыки начали хлопотать о том, чтобы его отпустили к ним на иждивение, но дело велось с какой-то непонятной волокитой. В это время из Владимира приехал старичек «стекольщик», Ив. Дм. Буланов, однажды уже предавший владыку. Ничего не подозревавший владыка отнесся к «земляку» с полным доверием, а письма о. Иосифа, пытавшегося предупредить о провокации и вообще многие письма к владыке перехватывались, и он терялся в догадках — почему все молчат.

7-го ноября 1943 г. владыка вновь арестован. С ноября 43 г. по июль 44 г. он путешествует по тюрьмам (Ишимская, Омская, Московская внутренняя, Лефортовская Бутырская, Краснопресненская), после чего попадает в Сибирские лагеря. Здесь снова направлен на физические работы. Сначала три месяца на полевых работах, потом два года ассенизатором до 30-го августа 1946 г. Только Ишимская передышка вероятно позволила ему вытерпеть еще и эти нагрузки, хотя он был уже очень слаб.

3/1-45 г. он писал: «Я, по милости Божией, здоров, сравнительно благополучен и, как всегда, благодушен хотя временами бывает очень тяжело. Говорю сейчас не о физических тяжестях. Работаю по-прежнему ассенизатором. Конечно, соскабливать лед, сбивать примерзший навоз не так легко. Но главная моя работа утром, часа полтора-два, — тут нелегко, часто прихожу в барак после работы с совершенно мокрой рубашкой. Обычно после возвращения в барак подкрепляюсь маленьким — грамм в 40, ломтиком хлеба (больше не умею выгадывать для этого второго завтрака из моих 550 грамм). Хлебушек смазываю постным маслицем, которое все еще тянется у меня из Вашей посылочки. Утром и кончается моя главная работа. Среди дня только наблюдаю за чистотой в уборной. Тем и нравится мне моя работа, что она дает возможность располагать большей частью моего времени более или менее свободно и самостоятельно. К сожалению только у нас совсем нет света. Некоторые из заключенных имеют возможность доставать керосин, — они зажигают коптилочки у своих постелей. Барак наш очень темный, и в 5-м часу у нас уже нельзя ничего делать, и даже, пожалуй, раньше. Так почти

две трети дня приходится проводить без света, и почти без дела, по большей части в лежачем положении. Но и это еще не большая беда. Но крайне угнетает окружающая грубость и цинизм. В Соловецких лагерях в 27 году этого как-то не было заметно. В лагерях ББК в 37 г. похабщины было больше, но это была похабщина более или менее поверхностная, сквернословили не вдумываясь в то, что говорили. Здесь какое-то смакование похабщины. Это не только сорвавшееся или по привычке сказанное словцо, но сквернословие сознательное — осмысленные похабные речи.С ужасом наблюдаю, как с 27 г. падают нравы... и что особенно грустно, что всем этим щеголяют не шпана какая-нибудь, а те, кто считает себя «людьми» — люди, занимавшие некоторое положение, вершившие большие дела, увенчанные почетными именами инвалидов Отечественной войны... Грустно, больно, тяжело...»

Когда не стало сомнения в том, что законного Патриаршего Местоблюстителя м. Петра нет в живых и когда патриаршество м. Сергия было признано восточными патриархами, то, собственно говоря, не было уже канонических законных препятствий к молитвенному с ним общению. Но — то ли точные сведения в лагерь доходили не так быстро, то ли трудно было победить внутренний протест против прежнего его узурпаторства, сопряженного с рядом действий смутивших чуткую церковную совесть, но как бы по инерции владыка Афанасий не сразу стал его поминать. Наконец он подумал, что собственно говоря надо поминать патриарха Сергия, и однажды сделал это за богослужением, но, как оказалось, патриарх Сергий как раз перед этим скончался. Патриархом он был всего около года, тогда как управлял Русской Церковью более 17 лет.

В 1945 г. произошли выборы нового патриарха Алексия. Теперь у вл. Афанасия уже не было сомнений. Впоследствии он разъяснил одной смущавшейся душе: «помимо первоиерарха Русской Церкви никто из нас — ни миряне, ни священники, ни епископы не может быть в общении со Вселенской Церковью. Не признающие своего первоиерарха остаются вне Церкви, от чего да избавит нас Господь». Единственный случай, когда в согласии с церковными канонами надо прервать общение даже с патриархом, не дожидаясь суда церковного — это впадение его в явную ересь, но «никакой ереси, отцами осужденной, патриарх Алек-

сей не исповедует, никакой законной высшей иерархической властью патриарх Алексий не осужден».

Вот на этом основании, когда в 1945 г., будучи в заключении, вл. Афанасий и бывшие с ним иереи, ранее не поминавшие м. Сергия, узнали из газет об избрании и настоловании патриарха Алексия, признанного восточными патриархами и всеми русскими архиереями, то, обсудив создавшееся положение, согласно решили, что «...должно возносить на молитве имя патриарха Алексия как патриарха н а ш е г о.» Это владыка Афанасий и совершал с того дня неопустительно до конца жизни.

Вскоре по вступлении на патриаршество святейшего Алексия, в феврале или марте 1945 г. вл. Афанасий обратился к нему (через Владимирского архиепископа Онисима) с письмом, в котором просил — не найдет ли святейший возможным возбудить ходатайство перед соответствующими правительственными органами о замене вл. Афанасию заключения в лагерях заключением в одной из московских тюрем с предоставлением возможности работать там с богослужебными книгами под руководством и наблюдением патриарха. Ответа на свое прошение владыка не получил.

30 августа 1946 г. владыка в лагере был вновь арестован и проследовал через Мариинский пересыльный пункт и московские тюрьмы в Темниковские лагеря.

В последних владыка опять занимался плетением лаптей, а затем не смог больше выполнять и эту работу. Срок его заключения по приговору кончился 9-го ноября 1951 года.

Когда в мае-июне 1951 г., незадолго до окончания срока, вл. Афанасию было предложено указать близких, которые могут взять его на иждивение как инвалида, то, указав таких лиц, владыка еще выразил уверенность, что патриарх Всероссийский может дать ему кабинетную работу по специальности и принять его на свое иждивение — на покой в один из подчиненных ему монастырей. В связи с этой уверенностью и по совету лагерной администрации владыка Афанасий вновь написал письмо Святейшему с просьбой принять его на покой в число братии Троице-Сергиевской лавры (где он был пострижен и иноком которой он всегда себя считал), где он мог бы работать в любимой и более или менее известной ему области богослужения и богослужебных книг под руководством патриарха. Это заявление было отправлено спецчастью лагеря казенным пакетом. Дошло ли оно по адресу, неизвестно, но ответа опять не было.

Несмотря на запрос об опекунах, на указание их владыкой и на их письменное согласие и хлопоты, он по окончании срока не был отпущен на свободу. Его задержали в лагерях более чем на четыре года. Задержки в освобождении бывали и раньше и всегда были особенно тягостны. Всегда он старался победить тоску о свободе преданием себя воле Божией и благодарением по примеру св. Иоанна Златоуста: «Слава Богу за все!» Укреплял себя примерами угодников Божиих. «Помните старческое слово», писал он (9/11-41) — «Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, потерплю и я». А какие на-днях памяти: 21-го Максим Исповедник... и руку и язык урезали за его писания. И я думаю, что то, что задумано мною и что я мечтаю написать, будет не бесполезно для Церкви, и так хочется все это сделать и закончить. Но буди воля Божия. 23-го Климента Анкирского. Четыре седмицы лет — 28 лет с некоторыми перерывами страдал он в тюрьмах, ссылках, и в изгнании и скончался, был избиен во время совершения литургии, так что кровь его смешалась с Кровью Владыки. 26-го святое семейство (Кс. и М.), уязвляемые невыносимо тяжелыми мучениями — разлученно друг от друга претерпеша. Сегодня великого Златоуста, которому и больному не давали ни отдыха, ни покоя, который и жизнь свою скончал в чрезвычайно тяжелых условиях тогдашнего этапа, и который и в этих условиях говорил: «Слава Богу за все!» Этими и подобными примерами и укрепимся на предлежащий нам подвиг». В последние годы заключения в письмах владыки еще более благодушия и примиренности. В них также не упоминается ни о каких работах, так как он стал полным инвалидом.

«В моем положении нет перемен. Сижу у моря и жду погоды. Отношусь к этому спокойно, твердо зная, что не от земных правителей зависит наша судьба, а от Того, Кто держит в своих руках и судьбы правителей. Утешаюсь словами псалмопевца: «возведох очи мои в горы, отонудуже приидет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворшего небо и землю...» Скорблю, что по моему характеру не могу спокойно относиться к мелким несправедливостям и хамству, с чем приходится иногда сталкиваться и чем я раздражаюсь...Что поделаешь? Таков всегда был и не умел молчать в таких случаях... Помолитесь, чтобы Господь укрепил в терпении» (25/IV-54). «О себе скажу, что пока в моем положении нет изменений. По милости Божией я здоров, хотя конечно, здоровье стариковское. Жду направления в инвалидный дом, так как меня некому взять на иждивение, ибо личной семьи у меня

нет, а близкие родственники живут в Москве и сами пенсионеры. С Божьей помощью духом я бодр, и, как всегда, не унываю. На все воля Господня. Слава Богу за все... Эти слова произнесены Святым Златоустом тогда, когда он был в несравненно худшем положении. Впрочем его письма из ссылки доходили беспрепятственно и исправно, и это при тогдашних, начала 5-го века путях сообщения» (52 г.).

Невозможность часто обмениваться письмами с близкими по душе, задержки писем в пути, их пропажа — также угнетали владыку. «Сердечно благодарю за письмо. Может быть, Бог даст, и настанет время, когда буду иметь возможность отвечать на каждое письмо. А пока потерпим, Господа ради, и это лишение.» (25/IV-54 г.).

В это время владыке кажется, что такое положение не может долго продолжаться. Он ждет переезда во вновь устраиваемый Зубово-Полянский инвалидный дом для бывших заключенных, надеясь там на бóльшую свободу; старается не иметь лишних вещей, которые будут ему обременительными во время переезда; отказывается от свидания с м. Маргаритой (монахиней, которая все время заботилась о нем, организовывала посылки, навещала в лагерях) в ожидании более свободного свидания.

19-го мая 54 г. он, наконец, пишет с радостью о совершившемся переезде, сообщает друзьям новый адрес.

Но владыку ждало разочарование. На первых порах не получилось и той относительной свободы, на какую он надеялся, — без разрешения нельзя было выйти за пределы инвалидного дома; письма по-прежнему шли «лениво». Не избавился он и от придирок и хамства, на которые жаловался в Дубравлагере. Заведующий инвалидным домом с самого начала отнесся к нему недоброжелательно. Когда к владыке приехала матушка Маргарита, то свидание было ограничено коротким сроком и пределами инвалидного дома. В последующих письмах к матушке владыка не перестает вспоминать об этом. «Скорбно было обставлено наше последнее свидание. Но вместе сколько утешения и радости принесло оно. (4) Я был умилен той поспешностью, с какою Вы, утружденная годами и болезнями старица подвиглись в нелегкий путь (13/VI-54). «Все грущу, что так мало пришлось нам пови-

(4) В этом письме особенно чувствуется, что владыка, забывая о своём огорчении, прежде всего думает о том, чтобы утешить м. М., а в последующих письмах видно, как самому ему было тяжело.

даться. Бог да будет Судьей злому человеку, который находит удовольствие, чтобы причинять зло другим. Будем надеяться, что Господь еще утешит» (17/VI) ...«Как о многом надо было спросить при свидании, но так мимолетно оно было» (23/VI).

В инвалидном доме владыка первое время жил в коптерке (склад личных вещей инвалидов и продовольствия). Это его устраивало, так как там удобно было варить себе обед (в столовую не ходил, избегая мясного), а, главное, там он мог иногда оставаться один и молиться. Недаром преп. Антонию было сказано: «бегай людей и спасешься». Я очень люблю быть в одиночестве. Я благодарю Бога, что имею возможность уединиться, оставаться хотя бы временами в полном одиночестве» (11/VII-54). Но уже 15 сентября он пишет: «Люди в футлярах все пугаются... как бы чего не вышло?... и отрешили от коптерки...» Пришлось перейти в барак, жить в маленькой комнате впятером. Впрочем сожители были спокойные, в помещении тепло. Имелось даже электрическое освещение, которое, правда, не всегда действовало. Обед готовил на двоих собрат иерей, сосед по комнате.

Несмотря на стесненные обстоятельства владыка имел у себя некоторые книги — псалтирь, Библию; пытался даже заниматься литературной работой — составлял избранные псалмы и величания на праздники и памяти русских святых, начал через своих близких хлопотать о переписке своих сохранившихся рукописей. (5)

Здесь навестил владыку один из его прежних «заботников» (выражение владыки) Егор Егорыч Седов (из Тутаева, церковный староста), начавший хлопотать, чтобы владыку отпустили к нему на иждивение. 3-го августа 54 г. владыка подал об этом заявление, но не надеялся на скорое решение вопроса. «Свобода на волах, а то и на черепахе едет!.. Но буди воля Господня на все». (4/I-55, св. мн. Анастасии).

В начале 55 г. режим в инвалидном доме стал слабее, вахту сняли и можно было уходить куда угодно хоть на целый день, но

---

(5) Библиотеку владыки и его рукописи, оставшиеся во Владимире, долгое время сохраняли, и супруге о. Иосифа не раз приходилось перевозить их с места на место. В одно из свиданий с матушкой Маргаритой в Москве владыка спросил ее о сохранности и местонахождении своих книг. Матушка откровенно ответила, свидание было через решетку, при конвоире. Вскоре в указанном м. М. месте во Владимире был сделан обыск и все книги владыки были конфискованы и уничтожены. Для владыки это было большое горе.

владыка почти не пользовался этой свободой, потому что едва ходил.

Разрешение на переезд в Тутаев получилось в марте. «С моим опекуном мы благополучно доехали до места, — пишет владыка 6/IV-55 — Плацкартное место дало мне возможность выспаться. Из Ярославля прямо с вокзала на автомашине доехали почти до дома. Здесь меня встретили просто, сердечно, с искренним радушием. Спаси Господи моих хозяев. Мне отделили часть просторной передней комнаты. Пока закрывает меня занавес. Летом предполагается устроить досчатую перегородку. Георгий Георгиевич уже съездил за моими вещами. Теперь у меня полный круг богослужебных книг. Я не могу налюбоваться на них. Поэтому и с перепиской задолжал».

Владыка обращается с письмом к патриарху Алексию, желая рассеять впечатление, что он будто бы «не признает» Святейшего и выражает свое сыновнее отношение к «патриарху нашему». Патриарх вежливо отвечает, что не сомневался в отношении вл. Афанасия и приглашает на богомолье в лавру. Владыка вынужден отказаться, так как еще не имеет паспорта, да и находится в полном физическом изнеможении. Он старается разобрать привезенные Г. Г. свои книги, но и на это почти не хватает сил.

А меж тем, хотя в выданной ему из Дубравлагеря справке от 9/III-55 г. значится, что он не имеет поражений в правах, в Тутаеве его обязывают подпиской о невыезде за пределы района и двухкратной в месяц явкой в милицию на регистрацию. Дорога в милицию идет по крутым берегам Волги и оврагам, и каждый раз после хождения на регистрацию владыка в течение двух суток лежит в полном изнеможении. Через некоторое время добились разрешения ходить в милицию с документами владыки его опекуну.

Вскоре по приезде навещает владыку м. Маргарита. Приезжает из Устосысольска поселившийся там добровольно прежний владыкин келейник о. Дамаскин (через несколько дней последний скоропостижно умер в Рыбинске 18/VI-55 г., где навещал своих духовных детей).

Владыка продолжает заботиться об исправлении и переписке своих прежних работ. «Много у меня замыслов. Хотелось бы многое написать и переписать, но слишком удалены от меня мои помощники в моем деле, нет около меня ни одного культурного человека, с которым можно бы поделиться моими мыслями и который понял бы их. Мой опекун хороший человек, все время

читает церковные книги, но интересы у нас разные.. Если бы Бог привел меня к м. Маргарите (т. е. в Петушки), я скорее нашел бы на месте переписчика, там больше было бы возможности и моим друзьям навестить меня (Владимирцам и Москвичам). Буди воля Господня. Помолитесь об этом и Вы» (12/IX-55 г.).

О переезде в Петушки Владыка подал заявление прокурору, но не надеялся на скорый результат и уже хотел переехать в Тутаеве на найденную м. Маргаритой квартиру, более удобную (6). Но 20/X-55 г. он уже пишет о. Иосифу: «Сейчас гостит у меня мать Варвара (7). Она приехала для того, чтобы перевезти на другую, найденную мной и м. Маргаритой квартиру. Вдруг получаем телеграмму из Петушков: «Подождите переезжать, выезжаю». Вчера м. М. приехала. Оказывается она и в Петушках, и во Владимире и в Тутаеве, не заходя к нам, а прямо с парохода облазила все начальство и выяснила, что я могу беспрепятственно переехать на другое место. Сейчас с Г. Г. ходили в милицию для окончательного оформления. Матушка вернулась, а Г. Г. остался до 4-х часов, чтобы выписать из домовой книги. Матушка послала условную телеграмму в Петушки, и в субботу приедет оттуда на легковой машине Филофеев Алексей. Не знаем мы, что принесет нам грядущий день. Все в руках Божиих. Буди его святая воля. Но, человечески глаголя, думаю, хуже не будет. Помолитесь, чтобы Господь благословил мой переезд и поселение в родных краях».

В Петушках владыка тоже не имел полного покоя. Он поселился в доме вдовы местного священника, близ храма, довольно просторном, но ему сдали только узенькую каморку, отделенную от деревенского «зала» неполной перегородкой. Конечно, для изможденного и измученного старца это было не очень покойно и удобно. Через некоторое время м. Маргарита сговорилась с хозяевами того участка, где сама жила в бывшей баньке, чтобы они разрешили друзьям владыки построить на их участке для него отдельный домик. Хозяева поставили условие, чтобы дом был на имя их дочери. Дом поставили и владыка некоторое время жил в нем, но хозяева оказались недобросовестными и в конце концов разными неприятностями, придирками, сплетнями добились

---

(6) Семья опекуна стала несколько тяготиться тем, что владыку навещали гости и тем, что он поздно ложился, работая над книгами или вычитывая богослужение. Это его стесняло.

(7) Жительница Загорска, монахиня из духовных детей о. Владимира Богданова, преданная владыке.

того, что владыке пришлось искать себе новое пристанище. Первое время после него там жила матушка Маргарита, но в конце концов домик достался хозяевам участка.

Владыке нашли квартиру в доме, где он прожил до конца жизни. Сначала и тут встретились затруднения от капризной хозяйки, предъявлявшей стеснительные требования. Друзья владыки решили купить и этот дом. После этого, наконец, внешняя жизнь владыки наладилась с некоторым даже комфортом, но уже не надолго...

Здесь у него была возможность работать над своими книгами и справлять келейное богослужение по уставу, заниматься приведением в порядок своих прежних литературных трудов... Здесь он мог беспрепятственно принимать друзей.

Где бы ни жил владыка Афанасий, он старался в соответствии с возможностями справлять ежедневное богослужение — по книгам и в облачении, когда они имелись, — например, во Владимирской тюрьме в 1922 г., куда принимались передачи любые, в любом числе и объеме, в Таганской московской тюрьме, на Поповом острове, на вольных ссылках — в Зырянском крае, в Туруханском, в период «Горушек», в Ишиме, в инвалидном доме, — или — по памяти — в лагерях и тюрьмах. Из Сиблага в 1945 г. (3/I-45 г.) он, например, пишет: «Часть ночного времени занимаемся совершением ежедневного богослужения, хотя и в очень сокращенном виде. Умиляясь на ложе, я с соседом о. Петром (8) стараемся справить весь круг служб и поминаем всех любящих и благодеющих. Это очень скрашивает нашу жизнь здесь». В том же лагере одновременно с владыкой был лаврский иеромонах о. Иеракс (они даже приехали с одним этапом). Первое время они были вместе ночными сторожами при каком-то складе. У о. Иеракса была с собою походная церковь, каким-то образом пронесенная в лагерь. Ее прятали они в складе и там же иногда служили литургию. Но в одну из ночей, когда они не были дежурными, склад сгорел, в пожаре погибло и их сокровище. Один из знакомых владыки священников рассказывал, как он был привезен в лагерь, прошел санпропускник, и вооруженный стре-

---

(8) о. Петр Шишков. Был впоследствии священником в г. Боровске, где и скончался.

лок повел его в камеру (барак?). На душе было тревожно. Какие-то будут соседи? Что ждет? Дверь открылась. Послышался стук костяшек «козла», мат, блатной жаргон. В воздухе стоял сплошной синий табачный дым. Стрелок подтолкнул новичка, указав на какое-то место на нарах. Дверь захлопнулась. Оглушенный батюшка стоял у порога. Кто-то сказал ему: «Вон туда проходи!» Пойдя по указанному направлению, он остановился при неожиданном зрелище. На нижних нарах, подвернув ноги калачиком, сидел вл. Афанасий. Подняв глаза и увидев старого знакомого, владыка нисколько не удивился, не поздоровался, а просто сказал: «читай! глас такой-то, тропарь такой-то!» — «Да разве здесь можно?» — «Можно, можно! читай». И вновь пришедший стал помогать владыке продолжать начатую службу, и вместе с тем с него соскочила вся тревога, все тяжелое, только что стеснявшее душу.

Находясь в заключении, владыка в великие праздники и в дни памяти владимирских святых молился ночами, мысленно обходил с молитвой храмы и дома всех близких с праздничным приветствием, мысленно посещал родные могилы, вспоминая дорогое прошлое. Конечно, душа его не вполне удовлетворялась совершением служб по памяти или по неполному тексту, она утренневала к Дому Божию, к общественному богослужению. В письме к матушке Маргарите от 23-го июня 1954 г. он пишет: «Знаю, что наконец-то началось богослужение в нашем древнем Соборе. Теперь могут православные Владимира лобызать наши святыни. В этом завидую вам... Приведет ли когда Господь побывать в нашем соборном храме? Многократно повторяю, читая 50-й псалом: аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо... А в жертву надо отдать не то, что малоценно, а что особенно дорого. Моей отрадой было богослужение, служение у родной святыни и и м е н н о э т о в ж е р т в у Г о с п о д ь и з б р а л. Тяжела бывает для нас грешных рука Господня, — но... буди на все Его святая воля. Да не дерзнем возроптать на Него. Он ведает то, чего не знаем мы. Он и вздохи и слезы наши примет, как жертву угодную Ему». Эта мысль о жертве, избранной от него Богом, не раз встречается в письмах владыки (О. А. 24/I-57).

По Своей милости к верному Своему рабу, на конце жизни владыки Господь снял с него этот долгие годы несомый крест. Посещал владыка Успенский храм в Петушках, несколько раз служил со Святейшим Патриархом в Троицко-Сергиевской Лавре, служил однажды и во Владимирском Успенском Соборе вместе

с архиеп. Онисимом и митрополитом Пименом (во время Владимирских юбилейных торжеств 1958 года). Но физических сил для общественного богослужения у него уже не хватало, и в последние годы пришлось удовлетвориться келейным его совершением. Зато оно совершалось со всей уставной точностью и полнотой и притом неукоснительно, хотя владыке по нездоровию приходилось временами не только сидеть, но и лежать.

Второе, никогда не покидавшее владыку стремление было желание заниматься на пользу Св. Церкви, и особенно Церкви Русской, церковно-литургической работой. Едва лишь условия его жизни становились хоть сколько-нибудь сносными и свободными, он стремился к этому: еще в Зырянской ссылке и в Туруханском крае он принимался за свои работы. Из лагеря он писал: «не так заботит оставаться в тяжелых лагерных условиях еще на один год, — хотя и это очень тяжело, как скорее хотелось бы увидеться с друзьями, вкусить от Хлеба, испить от Чаши... и заняться задуманной и начатой, но пять лет тому назад (в «Горушках») прерванной работой» (25/II-41). «И я думаю, что то, что задумано мною и что я мечтаю написать, будет небесполезно для Церкви, и так хочется мне все это сделать и закончить» (9/II-41). В письме из Ишима: «Так грустно одиночество... Среди людей, а одинок. И книжек любимых нет. Вот кончился май, на июнь нет ничего, кончается и Триодь... Так хотелось бы продолжать работу с моими книгами но это невозможно... Кое-что в качестве материала собираю и сейчас, но все это очень незначительно, а время идет... Так хотелось бы «О поминовении усопших» закончить, но теперь без Вас сохранится ли и то, что сохранилось!... И когда-то я сам смогу все это получить в свои руки и убедиться сам — сохранилось ли и что именно сохранилось и сохранилось ли что-либо? — Ведь в работе по собранным материалам я только и вижу смысл дальнейшей моей жизни. — Моя доля быть на покое и заняться книгами... И грустно, что пока их нет при мне и приходится браться за другое» (13/V-43).

Когда в 1955 г. владыка очутился на свободе в Тутаеве и получил остатки своей библиотеки, он пишет: «Не могу налюбоваться на мои книжки. То за одну берусь, то за другую, то хватаюсь за записочки».

В конце 1955 г., уже в Петушках, владыка получил от Патриарха предложение принять участие в подготовке календаря на 1957 г. и богослужебных указаний, и ревностно принялся за дело. Но не хватало сил для спешного окончания работы в срок, да и не

все советы и указания владыки принимались, и ему не хотелось подписываться не под своим делом (письмо 3/V-56 г.). Не спрашивая вл. Афанасия митрополит Николай Крутицкий утвердил его редактором богослужебных указаний, но владыка отказался (18/VI-56 г.). Однако по распоряжению Святейшего он был назначен председателем вновь организованной богослужебной комиссии (28/IX-56 г.). Несмотря на упадок сил владыка был рад этому назначению, надеясь послужить своей Матери — родной Русской Православной Церкви (7/IV-57). Но он постоянно огорчался практическим нарушением Устава даже в лавре Сергиевой, и тогда начинал сомневаться в необходимости своего участия в исправлении Богослужебных Указаний.

И работа святителя в комиссии продолжалась недолго. Казалось бы как хорошо, по мысли Святейшего, воспользоваться для блага Церкви знаниями такого ревностного любителя и знатока церковного порядка, как владыка Афанасий. Но он был неискушен в «московской политике». Его прямолинейность, его стремление все привести в согласие с требованиями Устава встретили отпор в церковных «временщиках», привыкших во всем следовать своим вкусам и привычкам. В 1954 г. был переиздан славянский Типикон и было выдвинуто мнение, что теперь нет нужды в богослужебных указаниях. Этим воспользовались, и Богослужебная Комиссия была упразднена, более ради того, чтобы отделаться от ее «беспокойного» Председателя.

Владыка был этим чрезвычайно огорчен, — не за себя, конечно, — а потому что ревновал об упорядочении богослужения и надеялся в этом отношении на работу своей комиссии. (Он даже хотел завещать этой комиссии свою, отчасти заново собранную, библиотеку). Он даже обвинил себя в неумении ладить, делать тактические уступки. Но сил у него уже явно не хватало, в особенности на сопряженные с заседаниями комиссии поездками и волнениями. Нет сомнения, что эти волнения, а в особенности огорчение об упразднении Богослужебной комиссии еще более подорвали его здоровье.

Он писал, что дома за письменным столом он забывает о недостатке сил. Тут он и продолжал трудиться. Закончил и исправил труд о поминовении усопших; собирал, переписывал и исправлял службы русским святым, особенно те, что не вошли не только в основную, но и в дополнительную Минею. Намеревался составить новую Общую Минею, находя, что помещенные в су-

ществующей службы непригодны зачастую для отправления богослужения ряду святых, в особенности Русских. Например служба мученице обращена к мученице **деве,** тогда как мученицами бывали и **жены,** к тому же страдавшие не от язычников, а от злых людей за свое целомудрие и чистоту. Не было также в старой общей Минее службы благоверным князьям, да и условия жизни русских преподобных были во многом отличны от тех, в каких жили древние отцы Палестины и Египта. Неудачными находил владыка и некоторые службы, составленные Пахомием Логофетом. Последний почти буквально списывал их с более или менее подходящих служб греческих, от чего в них иногда получались нелепости и анахронизмы. Начал Владыка составление Русской Минеи — на сентябрь и октябрь. Исправлял текст богослужебных книг — октоиха, минеи — в сторону большей его доступности современному человеку, руссификации языка, что считал задачей первой необходимости. Очень сожалел о том, что пропала его работа «О поклонах», которую он писал в «Горушках», причем консультировался тогда с единоверцами. Восстановить ее у него уже не хватало сил.

Так и протекала жизнь владыки в Петушках. Ежедневное выполнение всех служб, а в промежутках — работа над богослужебными книгами.

Святейший Патриарх обеспечил владыку пенсией в 1000 р. в месяц. Преданные духовные дети заботились о нем, служили ему. При его скромных потребностях не только хватало ему пенсии, но он еще старался помочь, кому мог. Все работы, которые он кому-либо поручал по переписке его рукописей, по фотографированию икон (особенно любимой его иконы Русских Святых), по написанию новых икон — он старался оплачивать все до последней копейки, за неразборчивые рукописи старался платить вдвое.

Здесь имели возможность навещать владыку его прежние духовные дети и друзья, а иногда и новые люди, которые хотели просить его авторитетного совета. Авторитет его был велик, хотя он и не находился на кафедре. Он сохранил дружеские связи с архиепископом Винницким Симоном, своим со-курсником по Академии; с епископом Можайским Стефаном (Никитиным), одно время управляющим делами Московской епархии, которого он знал еще светским человеком, врачем, и который любил его как отца; с митрополитом Нестором; с владыкой Новгородским Сергием (Голубцовым) и другими. Многие лаврские монахи почитали его, некоторые и ездили к нему, в том числе и наместник Троицкой

Лавры архимандрит Пимен (ныне епископ Саратовский). Многие священники и миряне навещали его, советовались с ним.

Ко всем, не взирая на лица, владыка был радушен, приветлив. Всех старался скорее упокоить и накормить, чем Бог послал. При этом он любил, чтобы все было не как-нибудь, чтобы стол был накрыт по всем правилам.Пища, конечно, предлагалась в соответствии с уставом. Некоторых людей, особенно нуждавшихся в покое и отдыхе, владыка удерживал у себя на несколько дней. С близкими любил беззлобно, почти по детски пошутить. Если кто не бывал давно, встретит словами: «Кто это приехал? Не узнаю? Нина Сергеевна (имя духовной дочери, которая последнее время о нем заботилась, неся не малый труд, так как ей приходилось обслуживать и всех посетителей и помогать владыке в вычитывании служб и в литературной работе), кто это приехал? Какие-то незнакомые». Или нахмурит брови, а глаза и губы улыбаются: «Вы что улыбаетесь? Архиерей на вас сердится, а вы не боитесь!» Любил рассказывать о тех больших людях, которых встречал в своих ссылках, особенно о митрополите Кирилле, своем большом друге. О самом себе почти никогда ничего не рассказывал, разве о детстве или о молодости, о тех временах, когда живал с мамой. Глядя на него и не подумаешь, что он столько перестрадал. Так он был добр, ласков, покоен. Скорбел только, когда дело шло об искажениях богослужения, какие допускаются современным духовенством, а особенно — о каких-либо трудных для Церкви событиях. Последнее, если можно так сказать, ускорило его смерть.

Трудно передать обаяние его личности. Для окружающих он был сама любовь. Перед Богом же он особенно любил и ценил свое монашество и говорил, что, если бы в Церкви могло быть не 7, а 8 таинств, то он хотел бы, чтобы восьмым было монашество. Любимыми его словами в последние годы был 94 стих 118 псалма: «Твой есмь аз, спаси мя!»

Об этом он не раз говорил и писал своим близким. «Я сейчас больше чем прежде, вижу и сознаю свою греховность, но вместе с тем с большим чем прежде дерзновением читаю слова 16-го псалма: «Услыши, Боже, правду мою!», ту единственную правду мою, что при всей моей греховности я с Божией помощью иного Бога не знаю, кроме Единого, и к Нему всегда обращаюсь: Твой есмь аз. Я Твой, Твой — спаси мя». «Множество содеянных мною лютых помышляя трепещу... но надеяся на милость благосердия Твоего»... (4/VI-54 г.). «Может быть, действительно ко мне

в некоторой степени относится то, что сказано об изгнанных, но не на это я уповаю, не этим успокаиваю себя. Я уповаю только на одно мое исповедание: Я Твой, я Твой...» А изгнание, о чем вы говорите — это милость Божия ко мне за мое исповедание, милость Божия в том, что в моем изгнании я удален от многих соблазнов и затруднительных обстоятельств... И я, грешный иногда осуждаю других, остающихся не в изгнании. Но может ли кто поручиться за меня, могу ли поручиться сам за себя, — как бы поступил я не будучи в изгнании?..» (23/VII-54 г.).

Эти же слова «Твой есмь аз, спаси мя!» были многократно повторены над гробом владыки в чине монашеского отпевания.

Нельзя не считать чудом милости Божией, что архипастырь, никогда не шедший на компромиссы и так долго и тяжко страдавший за свою верность Богу и Церкви в течение более 30 лет, последние свои годы провел «у милого предела», к которому во все время его нелегких странствий стремилась его душа; свиделся с близкими сердцу, побывал на могилке горячо любимой матери и, мирно и свято опочив, сам лег в ту же могилу.

До конца владыка Афанасий не переставал жить жизнью Св. Церкви, глубоко переживал все ее скорби. Об этом много в его письмах к близким. Незадолго до предсмертной болезни владыка был до слез взволнован известием о том, что одному епископу без церковной вины отстраненному от епархии, удалось добиться возвращения на церковное служение путем прямого и смелого обращения к властям с жалобой на злоупотребления и произвол закрытия храмов. Владыке Афанасию подумалось, что может быть и он напрасно уклонился от назначения на какую-либо кафедру, что и он мог бы еще постоять за Церковь Христову, несмотря на преклонный возраст и изнеможенье. Скорбел он и о малодушном молчании остальных архиереев «Где же они? Почему молчат?» Можно сказать, что это волнение оказало роковое влияние на его здоровье и «человечески глаголя», было последней каплей, переполнившей чашу скорбей, и толчком, ускорившим его кончину. Но «веруем, яко вся промыслом Божиим бывают» (9) и Господь посылает серп свой на созрелую пшеницу.

---

(9) Акафист мч. Трифону, икос. 8-й.

Обстоятельства кончины владыки трогательно и тщательно описаны духовной дочерью, преданно заботившейся о нем до последнего вздоха. Из этого описания можно заключить, что владыка ожидал своей близкой кончины и в последние месяцы не раз говорил: «Мне исполнилось 75 лет. Пора помирать». Прикровенно он намекал и на день и час своей кончины («воскресенье, 8 часов»).

Последнюю неделю владыке нездоровилось и он почти все время лежал, но неизменно вычитывал все службы дня. А в день памяти свв. мчч. Сергия и Вакха — день именин первого ангела владыки и присночтимого им преп. Сергия — владыка встал с постели.Службу читал он с большим подъемом, а на стихирах плакал. По окончании службы сказал своей помощнице: «Смотри, ведь Сергию и Вакху в пятки гвозди вбивали, а они стойко шли за Христом. Где же мы теперь? Почему мы не умеем так стоять за Церковь Христову?»

Он переборол слезы и начал молебен преподобному Сергию и святым мученикам Сергию и Вакху, но на половине молебна язык перестал ему повиноваться. Владыка принужден был сделать отпуск и лечь!

Но вслед за тем владыка стал озираться вокруг себя и пригласил свою помощницу петь с ним: «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу, спаси нас, Сыне Божий, во святых Дивен сын, поющие Ти: аллилуя». — до трех раз, а затем тропарь и кондак Русским святым.

Потом он стал спрашивать: «Скажи, где я?» — до трех раз, а сам смотрел вокруг и улыбался.

Спустя некоторое время он изменил вопрос и несколько раз спросил: «А где я был?»

Не явился ли ему сонм святых Русской Церкви, за которую он страдал всю жизнь? Не пришли ли за ним те, о прославлении которых он столько потрудился?

Через несколько часов приехали вызванные телеграммой врачи и друзья из Москвы, затем из Троицкой лавры, Новгорода. Владыка всех узнавал, но не мог назвать по имени и не воспринимал имена(только имя св. Александра Невского, произнесенное при нем, повторил и узнал). Но он мог правильно читать молитвы, своевременно делать возгласы, исправлял ошибки в чтении других; помнил постные дни и т. д. Спросил: «А почему у нас так много гостей?»

Его соборовал и причастил о. Иосиф, который вскоре должен был уехать, (потому что архиерей Новгородский не позволил ему остаться надолго). Со слезами и сердечной тугою простились верные друзья на вечную разлуку.

В четверг 18-го октября исполнилось 50 лет монашества владыки. Все присутствовавшие поздравили его. Он был как-то особенно благостным, благословлял каждого и всех вместе по-архиерейски на три стороны, как будто это было его последнее благословение всем близким — даже и отсутствующим.

После этого владыка захотел отдохнуть и велел кормить всех приезжих. Но через несколько минут у него сделался новый удар, появилось хриплое дыхание и хотя были приняты все медицинские меры для облегчения его состояния, он уже не мог ни глотать ни говорить. На другой день, вечером в пятницу, он все же внятно сказал: «Молитва всех вас спасет», а затем написал на одеяле пальцем: «Спаси Господи». Когда же его просили написать еще что-нибудь, он большими буквами начертал «В С Е» и поставил точку.

Больше он уже ничего не говорил и через полтора суток, в воскресенье в 8 ч. 15 м. утра тихо скончался.

Владыка Афанасий еще задолго оставил завещание о своем погребении, которое должно было быть совершено точно по церковному уставу.

Во вторник 17/X был назначен вынос тела владыки из его дома в Петушках. Из Новгорода вернулся о. Иосиф, приехал из Винницы владыка Симон — друг владыки Афанасия и однокашник, о. Кирилл из лавры.

Вот как вспоминала о похоронах владыки одна из присутствующих на них.

«Во вторник утром мы приехали в Петушки немного ранее времени, назначенного для выноса. О. Кирилл служил последнюю панихиду. Дом был полон народа, едва можно было войти.

Владыка лежал еще с открытым лицом, очень спокойным, только митра, от которой чело его немного нахмурилось, придавала ему несколько строгий и слегка скорбный вид. На владыке было холстиновое облачение, когда то сшитое и даже выкрашенное им собственноручно. Гроб покрыт архиерейской мантией, поверх которой лежал клобук. В комнате было жарко, но не ощу-

щалось ни малейшего запаха тления. Руки мягкие. В них евангелие с иконописным Сошествием во ад (в круге), обычно стоявшее у икон, и медное распятие.

После панихиды открытый гроб вынесли на дворик, поставили перед крыльцом на табуретках, сфотографировали гроб с окружающим гроб народом и стоявшими за ним вл. Симоном и о. Иосифом. Потом закрыли лик владыки белым воздухом, наложили крышку (10) и подняли гроб в крытую брезентом машину. Едва машина тронулась о. Иосиф благословил литию, и затем пение заупокойных песнопений и «Святый Боже» почти не прерывалось. В шестом часу подъехали к Владимирскому Успенскому собору. В нем с раннего утра толпился народ, желавший встретить владыку Афанасия и теперь вышедший навстречу ему вместе с духовенством. На паперти отслужили литию. В храме гроб тесно обступили. В 6 часов началась всенощная св. ап. Луке. Около гроба было трудно стоять, в особенности по окончании всенощной, когда духовенство вышло на панихиду. Всего служило 12 священников, возглавляемых вл. Симоном. Панихиду пели полную без пропусков. Во всем чувствовалось общее уважение и любовь к усопшему. После панихиды все старались проститься с владыкой. И много было в храме народа, в том древнем соборе, где почивают мощи святых владык и князей, в соборе, видевшем нашествие татар, при Екатерине хуже чем разбойниками изуродованном пышным иконостасом, заменившим дивное творение Рублева, в наше время некоторое время антирелигиозным музеем... Но у гроба владыки отступали мысли об этом. Он был здесь так на месте как «един от древних», сродный всему тому — хорошему, что чувствовалось в окружавших его и преданных ему владимирцах, в соборных святынях, в совершаемом над ним уставном богослужении...

Утром в храме перед обедней было просторно. Сменялись священники, читавшие над владыкой Евангелие и так хорошо было слушать это мерное чтение, вливавшееся в душу.

В 8 часов начались часы. Служил опять владыка Симон. К отпеванию пришел правящий архиерей (архиеп. Онисим). Перед началом отпевания он сказал слово. Говорил о неожиданности

---

(10) Между прочим гроб был обтянут темно-зеленой материей в память того, что покойный не признавал в церкви черного цвета и говорил: что и наши древние иноки носили не черное, но "смирных", т. е. неярких цветов.

смерти владыки Афанасия, еще, казалось, такого бодрого, о его трудах по составлению служб русским святым, начавшихся еще со времени его участия в Соборе 1917 г., о его успешной борьбе с обновленческим расколом и о том, как владыка Афанасий своим мудрым и убедительным словом предупреждал отпадение в этот раскол многих из духовенства; говорил о доброте и ласке, которую когда-то почивший оказал его семье и ему самому, тогда еще священнику; об обаянии светлой и чистой души почившего, которая одна может осветить каждому из нас неведомый путь загробный.

Всему народу, как и накануне за панихидой, были розданы свечи. По завещанию владыки отпевание было монашеское. Особенно трогал второй припев на «непорочных» — «Твой есмь аз, спаси мя», и правдою звучал прокимен: — Блажен путь в оньже идеши днесь, брате, яко уготовася тебе место покоя». Священников было еще больше, чем накануне. Перед пением «Со святыми упокой» сказал слово бывший настоятель Успенского собора протоиерей Алексей Громов, бывший ученик владыки во Владимирской семинарии. Слово о. Алексия было полно любви и благодарности почившему и в конце его звучал не только призыв к молитве за владыку, но и надежда на его предстательство.

После отпевания народ вновь пошел прощаться с покойником. Кто-то в народе сказал: «а сколько он пострадал-то!»

Гроб вынесли на паперть. Отслужили еще литию.

Владыка Симон, о. Иосиф, лаврский о. Кирилл с послушником Василием, владимирские о. Андрей и о. Николай проводили владыку до могилы. Здесь спели литию, предали тело земле и опустили в могилу рядом с гробом его матери. Долго еще около могилы толпился народ.

Один из близких друзей владыки сказал, что кончина владыки была кончина праведника и что самые его похороны, совершившиеся без всяких помех, то, что всем было разрешено служить, встречать и провожать с духовенством на кладбище было чудом, свидетельствующим об этой праведности.

Вечная память владыке Афанасию!

«ДЕЛО СЛУЦКОГО, ФУРМАНА, ГУРЕВИЧА И ДРУГИХ»

Простой рассказ о группе студентов двадцатилетников восставших в самые тяжкие сталинские времена против бесправия и насилия, печатается нами как свидетельство о неистребимости духа. Пусть они руководились марксистским идеалом, единственным им известным, но их чистая, юношеская жертва принадлежит к тем проявлениям добра и жертвенности, которыми держится и спасается мир.

Ред.

В январе будущего года исполняется 20 лет с тех пор, как наше дело разбиралось Военной коллегией Верховного суда СССР. Было оно не совсем обычным и, может быть, сто́ит, чтобы о нем знали не только родные и знакомые. Все материалы хранятся в архивах КГБ и никогда, во всяком случае, при нашей жизни, не увидят света. Время идет, многое забывается. Это побуждает меня приняться за воспоминания. Не знаю, напишет ли кто-нибудь из моих однодельцев об этом. Другие могли бы рассказать больше.

К сожалению, я не решаюсь назвать все фамилии, а только тех, кому уже нельзя повредить. И надеюсь, что желая напомнить о погибших, я не причиню зла живым.

Москва, 1971 г.

В феврале 1948 года была арестована моя мать. До того времени я мало задумывалась над вопросами, которые вдруг приобрели огромное значение. Как у всех людей моего поколения, у меня не было беспечного детства — война, эвакуация, гибель брата на фронте. Но зло, не связанное с войной, существовало по моим представлениям где-то во вне или в далеком прошлом. Когда-то были бедные и богатые, потом революция с этим покончила, и до самой войны всё было отлично. Мои родители, чудом уцелев в 37-м году, никогда не вели с нами, детьми, политических разговоров. Как я узнала потом, это объяснялось вовсе не боязнью вызвать в наших душах разлад, а просто страхом, что мы в школе или на улице проболтаемся о том, что слышали дома. Нас умышленно не научили в детстве английскому языку, чтобы родители могли свободно разговаривать друг с другом. Однако, в этом они не были

последовательными, и точно помню, что Павлик Морозов не был популярным героем в нашей семье. Всё-таки, что-то неуловимое ощущалось — какое-то необычное отсутствие энтузиазма по отношению, например, к Сталину. Помню, мать была очень поражена, когда я поделилась с ней сомнением — кого следует больше любить — его или родителей. Но, насколько я помню, она только грустно покачала головой.

Вспоминаю еще — увидев дома фотографию незнакомого мне человека, я услышала от матери рассказ, заинтересовавший меня психологически. Это был их старый знакомый, который незадолго до ареста спросил сына, как бы тот реагировал, если бы его, отца, объявили врагом народа. Сын ответил, что он бы его убил своими руками. Потом сын всю жизнь мучился, вспоминая свой ответ отцу. Мать спросила: «А как бы реагировала ты?» «Я бы не поверила», — сказала я. На этом разговор окончился. Как это ни странно, я не стала расспрашивать — за что арестовали, когда. Конечно, я чувствовала, что мать не хочет об этом распространяться. Позже она мне говорила, что ее даже удивляла моя аполитичность. Правда, мне очень нравились песни, которые часто пели родители и их гости — революционные, народные, а особенно много на тему: Сижу за решеткой в темнице сырой. Сидение за решеткой всегда было окружено в моем представлении необычайно привлекательным ореолом. (Я не представляла себе, до какой степени это прежде всего скучно). Мы, дети, любили слушать рассказы отца о подполье, ссылке, побеге — Сибирь — Одесса — заграница, плаванье на иностранных пароходах кочегаром, путешествие через всю Европу пешком, возврат в Россию в начале 1-й мировой войны, вторичный арест, революция, гражданская война.

Я считала своих родителей образцом чести, бесстрашия, нравственной высоты. Даже странно — мы, дети, не были с ними особенно близки. У них были совсем отличные от моих интересы, они читали не те книги, которыми увлекалась я, но когда пришлось, я безо всякой внутренней борьбы признала, что правота — на их стороне.

Вспоминаю свой разговор со следователем на одном из первых допросов. Он очень возмутился, узнав, что арест моих родителей сыграл решающую роль в формировании моих «антисоветских убеждений».

— Ваша мать продавала родину за шелковые чулки!

— Ну, у нее не так много было шелковых чулок.

— Не буквально надо понимать. Она ненавидела Советскую власть.

— Если это правда, значит, так и надо Советской власти.

Следователь буквально задохнулся от возмущения. Он решил, что это просто грубость с моей стороны, и тут же отправил меня в карцер. Но я-то просто до тех пор верила, что мои родители арестованы невинно, но если следователь так говорит, значит, он что-то знает. Что ж, всё равно они правы. Я ведь их знаю. Вероятно, такой подход не свидетельствовал о политической зрелости, но дело обстояло именно так. (Надо ли объяснять, что все эти разговоры о «шелковых чулках» не имели ничего общего с реальностью. Просто мои родители не только во всех других отношениях подходили под категорию подлежащих аресту, но, кроме того, у матери было и свое уязвимое место — во время войны она работала с иностранными корреспондентами, находящимися в Москве, была секретарем одного из них. В связи с этим и была арестована, как я узнала в 1956 году, когда мы все освободились и родители были реабилитированы).

После ареста матери (мне было 15 лет) отец решил поговорить со мной серьезно. Он мне всё выложил, что думал о действительности и, помню, сказал: «Никогда не примиряйся с несправедливостью». Сам он единственное, что мог сделать и сделал, совершенно не веря в успех и даже стыдясь своего поступка — написал письмо Сталину, в котором, напоминая, что был с ним вместе в ссылке в Туруханском крае, ручался за мать, которую знал с 16-ти лет. Письмо, естественно, осталось без ответа и было потом подшито к его делу.

Весь следующий год прошел в ожидании его ареста. Внешне он был спокоен, хотя иногда чувствовалось, как его угнетает бессилие. Он не знал, за что арестована мать, не знал, за что его должны посадить, но в неизбежности ареста был абсолютно уверен. Это случилось через год с небольшим, 14 марта 1949 года.

Я осталась одна. Младшую сестру отец отвез к бабушке на Украину. И опять же случившееся не вызвало у меня желания подойти к явлениям с точки зрения теории, осознать это в категориях «социализм» и т. п. Было зло, совершенное над прекрасными людьми, и не единичное, как я уже знала. Было ужасное одиночество, скитанья с квартиры на квартиру — из одной, потом из другой, выселили, а на третьей не хотели прописывать, так что я полтора года прожила без прописки, до самого ареста. Интересная деталь: после ареста отца, во время обыска, второго, но не последнего в моей жизни, производивший обыск эмгэбэшник у меня на глазах положил себе в карман все деньги, около тысячи рублей, которые отец отложил именно на случай своего ареста,

чтобы я не осталась сразу же без копейки. Когда я ему сказала: в этой сумке были деньги, он заявил, что это ложь, и что в случае чего поверят ему, а не мне, дочери репрессированных. Я имела нескромность во время своего следствия сообщить об этом эпизоде своему следователю, и он смущенно промолчал.

Очень тяжело было видеть страх взрослых людей, родителей моих подруг, узнавать, что они запрещали им дружить со мной. (Они жалели меня, но боялись, как бы чего не вышло). Подруги не слушались, но меня мало устраивала их дружба — они все были как бы из другого мира. Говорить со мной о случившемся избегали.

Я кончила школу, поступила в институт. Хотелось пойти в Институт иностранных языков, но там уже в приемной комиссии сказали, что меня туда не примут ни под каким видом. Пыталась на филологический в Пединститут, но умудрилась получить двойку за сочинение. Сыграла ли тут роль моя анкета — не знаю, не буду утверждать. На факультете иностранных языков в этом институте был недобор, но у меня отказались принять документы, откровенно объяснив причину. Скрывать, что у меня арестованы родители, мне не советовали, я и не скрывала. Надо было идти работать, но это казалось в то время полным крахом, как-то было не принято, да я и не знала бы, как за это взяться. Я проедала деньги, вырученные за проданное пианино. Друзья моих родителей немного помогали, но и они дрожали — их, как оказалось, таскали на допросы в МГБ, вполне могли посадить. Одна приятельница матери, когда сразу после ареста отца и обыска пришла к ним, сказала мне: лучше, если ты некоторое время не будешь к нам ходить.

Я страдала от одиночества и даже немного, по молодости, упивалась им. Мне доставляло удовольствие, например, встретить новый год в одиночестве, читая «Историю царской тюрьмы».

В Пищевом институте, куда я поступила без затруднений, я вскоре подружилась с Тамарой Р. У нее в 37 году были арестованы родители, ее воспитывала старшая сестра. К тому времени сестра заболела болезнью Паркинсона и была уже почти совсем беспомощной. Мы с ней обе обратили внимание на нашего однокурсника Женю Гуревича. Он учился в нашем институте и заочно — на философском факультете в Университете. Женя был невысокий худенький мальчик, очень красивый, с умными насмешливыми глазами. Он нас поразил своими разнообразными познаниями и, конечно, покорил наши сердца. Не имея ни малейшего интереса к

философии, а вернее, никакого о ней понятия, мы с Тамарой, тем не менее, с увлечением слушали рассказы Жени о том, какая это замечательная наука. Я с сомнением спросила, можно ли в наше время серьезно заниматься философией, разве позволено в этой области самостоятельное творчество. Женя уверял, что занятия философией — вещь чрезвычайно нужная, и предложил нам организовать кружок. Мы с восторгом согласились.

На первое занятие мы собрались у меня дома. Женя привел своего друга Владика, велев нам предварительно прочесть «Государство и революция», «10 дней, которые потрясли мир» Джона Рида (как известно, эта книга тогда считалась крамольной и была изъята из библиотек) и 4-ю главу Краткого курса. В самом деле, такая «философия» оказалась очень интересной, тем более, что разговор почти исключительно вращался вокруг арестов, ссылок и тяжелого положения народа, который, оказывается, живет чрезвычайно скверно. Сталин — совсем не великий человек (это я уже знала), то ли дело Ленин. Разошлись поздно. Под конец я спросила, как же со всей этой несправедливостью бороться. Женя ответил, что бороться можно, что есть люди, которые на это готовы, есть организация, и там не все такие, как мы — молодежь. На этой загадочной фразе разговор прервался. Я была очень взволнована. Конец одиночеству, есть люди, которые думают, как я, и среди них такой замечательный человек, Женя. Когда на следующий день в институте Женя предложил мне вступить в организацию, которая ставит своей целью борьбу с существующим несправедливым строем, за возрождение ленинизма, я, конечно, ни секунды не колебалась. Тамара еще до этого разговора мне сказала, что хотя и я, и Женя ей очень симпатичны, но у нее больная сестра, и она не хочет пускаться ни в какие авантюры. Так что в дальнейшем во всех наших тайных разговорах она не участвовала.

Итак, с конца октября 1950 года до 7 февраля 1951 года я считала себя членом «Союза борьбы за дело революции», сокращенно СДР. В перерывах между лекциями мы с Женей вели крамольные разговоры, из которых помню, как Женя назвал Сталина «Дядя Джо». Один раз Женя пришел ко мне и прочел «программу» и «тезисы». Странно, что ни на следствии, ни, тем более, сейчас, я не могу вспомнить почти ничего из содержания этих документов. Помню только, что там говорилось, что социализм у нас переродился в государственный капитализм, что власть Сталина — это бонапартизм, что сажают невинных людей и почему-то колхозы надо повсеместно заменить совхозами, чтобы крестьяне получали

зарплату, как рабочие. Один раз я пришла к Жене, и он прочел мне «Манифест», где очень наукообразно, так что я с трудом следила за содержанием, говорилось о том же. Женя рассказал мне, что «они» задумали заново правдиво переписать всю историю СССР и поручили мне заняться Брестским миром. Я добросовестно взяла в библиотеке всё, что там было на эту тему, но недоумевала, как я из такого количества лжи смогу создать что-то свое, правдивое.

Следователь потом на допросах объяснял, что вся эта программа — сплошной троцкизм. Я не возражала, т. к. ничего не знала о троцкизме. Про себя, однако, я вспомнила, что в книге Джона Рида очень уважительно говорилось о Троцком.

Затем я помню свое ликование, что я буду делать с хорошими людьми общее дело (а такое выражение — «пресловутое общее дело» — мне еще не было известно), что, конечно, нас всех посадят, и это меня привлекало, потому что письма, которые я получала из лагеря — от матери — чаще, от отца очень редко, — он, как видно, был в спецлагере, как потом и мать, и я сама, откуда писать можно было только 2 раза в год — эти письма разрывали сердце. Мне хотелось быть там же, где они. Невыносимо было эти письма читать. Мать бодро писала, как ей повезло теперь, когда она сломала руку и лежит в стационаре, какая дивная вещь — северное сияние. Мать была на Воркуте, отец в Казахстане, это место называлось Рудник Джезказган. После каждого такого письма со мной бывала почти истерика. А иногда мне хотелось забыть об их существовании. Если бы наше правительство разбиралось в психологии «детей репрессированных», оно бы запретило такую переписку вообще, а не только бы ее ограничило.

И было еще одно событие. Когда отец был под следствием, а мать ехала в лагерь, мне и бабушке разрешили с ней свидание в Вологде на пересылке. Свидание было очень коротким. Когда я ехала в Вологду, я боялась, что мать очень изменилась — я ее не видела больше года. Слава Богу, я тогда не знала, какое тяжелое у нее было следствие, как ей по две недели не давали спать, так что она дошла почти до сумасшествия. Я почему-то боялась, что она совсем седая. Я знала, что на воле она красила волосы, а теперь должна быть совсем седой. Но, вопреки моим ожиданиям и страхам, я не нашла, что она очень изменилась. Только меня поразил ее невыносимо-тоскливый взгляд, да еще то, как грубо с ней разговаривала присутствовавшая на свидании надзирательница, я не могла забыть. (Этой грубости сама мать, привыкшая к худшему, даже и не заметила, для меня же всё было внове). Потом я поняла,

какие это пустяки по настоящим меркам. Она сказала, утешая меня: «В тюрьме совсем не так плохо. Если бы ты могла провести здесь один день, ты бы в этом убедилась». Но тут же прибавила с каким-то ужасом: «Нет, лучше не надо».

Правда, я не думала, что это приобщение к судьбе родителей произойдет так быстро. Женю арестовали 18 января 1951 года. В этот же день арестовали Владика и несколько других, тогда мне неизвестных ребят. Я ничего не знала, так как перед этим Женя в институт не ходил, сдавал экзамены в Увиверситете.

7 февраля ночью арестовали меня, а Тамару — 14 апреля.

II.

Арест, отправка в тюрьму, долгая процедура «приема» заключенного — всё это уже много раз описано, сильнее всего, по-моему, в романе Солженицына «В круге первом». При всем различии положения я испытала сходное с героем романа потрясение от того, что тобой, как вещью, распоряжаются по своему усмотрению какие-то абсолютно безразличные люди.

Я почувствовала, что с человеком, с которым это случилось, даже если бы потом его скоро освободили (чего тогда не бывало), или только отправили в ссылку, в эти часы происходит какое-то кардинальное изменение. Он уже не тот, каким был раньше. В одной тюремной песне есть слова:

«И по-привычке руки взяв назад...»

такая привычка не вырабатывается постепенно, она приобретается сразу. И обо всех людях, с которыми я встречалась в последующие годы, я думала: и с ним происходило то ужасное, что трудно передать другим не прошедшим через это. С этого только начинается долгий путь, но это — решительный момент. Конечно внутренне, духовно, человек может оставаться свободным, даже возвыситься над унижением и презирать своих мучителей, но такая высота, как видно, не для 18 лет.

Жизнь во время следствия протекала как бы в 2-х планах. Во-первых, допросы, постепенное знакомство с делом. Во-вторых, знакомство с тюрьмой. Начну со второго.

Одиночка

Больше года, всё время до суда и несколько недель после, я, как и большинство моих однодельцев, провела в одиночной камере Лефортовской тюрьмы. Помещение в одиночку не было мерой наказания. Именно те, кто мало знал по существу дела, сидели одни. В общей камере держали «главных», от которых с помощью стукачей надеялись получить дополнительные сведения или, создав для них более мягкие условия, уверить в искреннем желании разобраться в деле и помочь «исправиться».

Мне случалось слышать мнение, хотя и не очень распространенное, о достоинствах одиночного заключения. Так считал, например, мой отец. Может быть, взрослый человек с богатым жизненным опытом и привычкой к размышлению, и не особенно страдает в таком положении, даже, пользуясь возможностью, обдумывает на досуге свою жизнь и решает наболевшие вопросы. Но в таком молодом возрасте, при отсутствии внутренних ресурсов, это — я не скажу невыносимо, потому что мы всё это вынесли — но очень тяжело. Давали по 3 книги на 2 недели. Известно, что в тюрьме всегда бывает хорошая библиотека. Но этого количества было очень недостаточно, к тому же, давались они безо всякого выбора с моей стороны. Иногда одни и те же книги попадались по несколько раз, пока я не догадалась, что их можно при получении просматривать. Например, раза три мне давали «Мать» Горького. Как я потом узнала, эта книга у многих побывала неоднократно и, естественно, ее очень не любили. Иногда приносили стихи. Их можно было учить наизусть. Это было большой удачей. Побывали у меня Некрасов и Жуковский. Целым событием был «Шильонский узник». Я выучила эту поэму, воображая, что когда-нибудь в лагере я буду читать ее своим товарищам. Но я ошиблась — такая литература абсолютно не ценилась заключенными. И как мне хотелось получить стихи Пушкина! Я даже решилась попросить об этом библиотекаря, такого же безмолвного, как и надзиратели, но он ответил: «Спросите у следователя». Но просить у следователя Пушкина почему-то было невозможно.

Итак, прочтешь по 2 раза каждую книгу, остальное время ходи взад-вперед, благо камера большая, 7 шагов в длину. Как видно, самое тягостное в таком положении — это ощущение зря, впустую уходящего времени. (В лагере всё иначе — каждый момент бездействия воспринимается как благо. «Час кантовки — год здоровья», — говорят лагерники). Можно было делать зарядку. Владик этим очень увлекался. Недавно он вспоминал, что никогда

потом на воле он не усердствовал так по этой части. Можно и даже нужно было регулярно мыть пол в камере и вытирать пыль. Но мне этого не хотелось делать. Уборку я делала только по приказанию надзирателей, и у меня даже бывали с ними перебранки по этому поводу. Большую часть времени я или ходила по камере, возбужденно обдумывая, что я скажу следователю на допросе или — что было чаще — сидела на койке, закутавшись в шубу, в каком-то оцепенении, вяло перебирая свои скудные воспоминания. (Историю своей шубы я люблю рассказывать. Купленная матерью в Америке еще до моего рождения — продавец сказал, что это вечный мех — бобровая шуба проследовала с матерью в то же Лефортово, потом мать при свидании в Вологде отдала ее нам с бабушкой. Когда у меня не осталось денег, незадолго до ареста, я ее пыталась продать, но в комиссионном магазине сказали, что сначала ее должен привести в порядок скорняк. При аресте я ее надела, зная, что все остальные вещи конфискуют. Она была всё время со мной в тюрьме, на этапах, в лагере. В камере, рассматривая ее, я обнаружила всякие нужные вещи, спрятанные еще матерью, несмотря на то, что шубу вспарывали и прощупывали множество раз — зубец от гребешка с дырочкой, который я быстро сломала, не успев воспользоваться для шитья, булавка, проволока, еще что-то. На этапах ее подстилали, ею укрывался, кто хотел (у меня еще было одеяло). В лагере она мне была не нужна и лежала в каптерке. Когда режим стал смягчаться, мне разрешили отправить ее на Украину, где жили бабушка и сестра. Сестра, когда выросла, стала ее носить. После смерти сестры в 1961 году и до сих пор ношу ее я, и конца этой шубе нет, несмотря на почтенный возраст).

Самыми волнующими впечатлениями были — вызов на допрос и получение книг. Кто сидел в Лефортове, помнит звук тележки с книгами, постепенно приближающейся к камере. Немаловажным событием был переход летом от кислых щей к зеленым, хотя и тоже довольно противным на вкус. Вообще еды было достаточно, но удивительно невкусной. Я, конечно, не получала никаких передач, хотя на воле у меня было много знакомых и даже родственники. При аресте при мне было 50 рублей. За вычетом истраченных на покупку новых очков, денег хватило на 2 ларька. Когда принесли колбасу, масло, еще что-то, и одновременно выдали комедии Аристофана — это было сильнейшим впечатлением моей тюремной жизни.

Когда было не холодно, я ходила на прогулку (прогулки полагались каждый день минут по сорок). Прогулочные дворики —

крошечные клетушки, залитые асфальтом и огороженные досками, на которых иногда показывалась смола. Конечно, хотелось подышать свежим воздухом, ведь тюремные запахи — хлорки, кислых щей и испорченной канализации, так осточертели, но постепенно даже этого хотелось меньше. К тому же известно, в тюрьме отбирают все резинки, пояса, шнурки, обрезают металлические крючки, пуговицы, кнопки и т. д. Я абсолютно убеждена, что это делается с единственной целью — унизить заключенного. Не обнаружив в себе никаких способностей Робинзона, я не могла справиться со спадающими чулками. Давали казенное мужское белье, при чем кальсоны можно было подвернуть. Когда на вопрос надзирателя, почему я отказываюсь от прогулки, я сказала, что мне холодно без чулок, он посоветовал спустить кальсоны для тепла. Но я предпочла не гулять. Когда после суда я попала в общую камеру, я осознала свою бездарность по части всяческого благоустройства. Женщины не только умели резать хлеб без ножа (ненарезанный хлеб при отсутствии ножа — это было первое, что меня возмутило в этом учреждении), обходиться без резинок и шпилек, но они шили и вышивали с помощью спичек, рыбьих костей и зубцов от гребешка!

Надзиратели и надзирательницы были молчаливы и бесстрастны. Днем и ночью они через каждые несколько минут заглядывали в волчок, и, если замечали что-нибудь неподобающее: если я из хлеба что-нибудь лепила, или сидела, прислонившись к стене, или дремала, или напевала, думая, что они меня не слышат, т. к. в Лефортове часто гудел какой-то мотор — оказывается, рядом был авиационный институт, — они, открыв кормушку, шепотом рявкали. Почему-то это грубое рявканье меня выводило из равновесия, и я заливалась слезами. Один раз я спросила надзирателя, какое сегодня число, на что он ответил: «Спрашивайте у следователя». Не положено, значит! Единственное исключение, с которым я встретилась в Лефортове, был пожилой корпусной, о котором вспоминала и моя мать. Может быть, он даже догадывался, что я ее дочь, по фамилии и по шубе. Он несколько раз обращался ко мне по-человечески, да и лицо, и взгляд у него были не такими, невыразимо безразличными, как у них у всех. Один раз, когда я в ларьке купила папиросы, он зашел в камеру и стал меня уговаривать не курить и в следующий раз купить на эти деньги что-нибудь полезное. И мне даже было неудобно его не послушаться. В другой раз у меня испортился водопровод и натекла лужа. Надзиратели требовали, чтобы я вытерла пол. Но так как они сразу же начали грозить карцером, я в раздражении и страхе отказывалась

выполнить это пустяковое требование. Это закончилось бы в очередной раз плачевно, если бы не пришел этот корпусной и своим нормальным человеческим голосом не вразумил бы меня.

Очень угнетало, что стены камеры — грязно-зеленые, пол — черный. На стенах мои предшественники пытались что-то нацарапать, но это было тщательно стерто. То, что в камере было только самое необходимое и ничего лишнего, тоже казалось отвратительным. Правда, там был умывальник и, самое главное, — унитаз (потом, в общей камере в Бутырках, где была обычная параша, я поняла, в чем преимущество Лефортова перед другими тюрьмами). Правда, понятия о необходимом в этой военной тюрьме были своеобразными. Не полагалось ни клочка бумаги и ваты, при регулярных обысках изымалась любая тряпка. Много еще можно сказать на эту тему, но ограничусь наблюдением, что женщине в наших тюрьмах сидеть неудобнее, чем мужчине. Порядочный, нервный организм, травмированный арестом и следствием, сам регулировал свои функции и приспосабливался к обстоятельствам. Но не всем так везло.

Ближе к концу следствия меня перевели из камеры № 87 в другую. Там, в отличие от прежней, стояли две кровати. Я решила, что ко мне кого-нибудь приведут, и очень долго надеялась и волновалась в ожидании. Но напрасно. Я так и оставалась одна.

Мне казалось, что о моей жизни в тюрьме можно сказать словами Шильонского узника:

То было тьма без темноты,
То было бездна пустоты,
Без протяженья и границ,
То были образы без лиц,
То страшный мир какой-то был,
Без неба, света и светил,
Без времени, без дней и лет,
Без Промысла, без благ и бед,
Не жизнь, не смерть, как сонм гробов,
Как океан без берегов.
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, мертвый и немой.

Карцер

Если можно так выразиться, каждый сидит на свой лад, в соответствии с темпераментом и понятиями. Мне кажется, я была довольно терпеливым арестантом. Да и то, что я не считала себя

арестованной случайно, несправедливо, влияло сдерживающим образом. Кроме того, весь режим, все эти порядки были так безличны, что и протест против них был не только бесплоден и опасен, но прежде всего нелеп, как-то даже неловок. Но всё-таки, я сидела в карцере довольно много — три раза в Лефортове и один раз после суда в Бутырках.

Впечатление было настолько сильным, что объясняя следователю, почему я, несмотря на то, что должна была бы уже начать исправляться, продолжаю упорствовать в своей ненависти, я сказала, что с меня достаточно было только ознакомиться с здешним карцером. Если можно так мучить людей, то уже не важно, строится при этом социализм, или нет. Следователь с обидой ответил, что здесь сидят преступники, которые сами мучили людей, и вообще — тюрьма — не дом родной и не санаторий. Тогда я еще не знала, что самые страшные в этой тюрьме преступники — мы.

А это и в самом деле было очень скверное место. Самый заурядный карцер, далеко не самое худшее, что там было. Никаких крыс или налитой на полу воды, даже откидывающаяся на ночь полка — уснуть невозможно, но можно хотя бы полежать. Одна моя одноделка рассказывала, что в ее карцере такой полки не было. Но главное — было очень холодно. Отобрали всё, что только было можно без ущерба для стыдливости надзирателей. Пространство очень тесное, так что согреться ходьбой нельзя. Маленькое треугольное сидение в углу и совершенно ледяная стена. 300 грамм хлеба в сутки и две кружки кипятку. Голод начинаешь чувствовать только под конец, настолько мучительно холодно.

Там, в карцере, я в первый раз слышала оживленный разговор надзирателей — мужчины и женщины. Я попросила, чтобы надзирательница мне вызвала врача, так как мне нужна была вата. Она ничего не ответила, захлопнула дверь и со смехом рассказала о моей просьбе надзирателю. Я слушала и ушам своим не верила — неужели так бывает?! А надзиратель, тоже оживленно, стал ей рассказывать, как в 49 году здесь сидел один совсем голый мужик — вот смеху-то было! (Разговор надзирателей я слышала еще в другой раз, в душе, когда надзиратель упрашивал женщину пустить его посмотреть в глазок, как я моюсь, но она была неумолима — не положено!).

И наверное — самое блаженное состояние человека — это возвращение из карцера к себе в камеру — к своей шубе, к книгам и к недоеденным остаткам пайки хлеба!

В карцер я попала в первый раз из-за перебранки со следователем (я уже писала об этом, напишу еще); второй раз за то, что нацарапала свою фамилию машинально на столе во время допроса и в третий раз — потому что стирала под умывальником свою единственную блузку и не прекратила этого запретного занятия после настойчивых требований. О карцере в Бутырской расскажу когда-нибудь особо.

Меня в ярость приводила мысль, что моя мать могла оказаться в таком месте. Я только надеялась, что она была более сдержанной, чем я, и не нарывалась на наказания. Но напрасно — она потом рассказывала, что попала в карцер за перестукивание. Конечно, когда я думала на воле о тюрьме, я представляла себе, как будет интересно перестукиваться с кем-нибудь. Я выучила тюремную азбуку, несложный принцип которой описан в Малой советской энциклопедии. Но попав в Лефортово, я поняла, что не буду даже пытаться перестукиваться — я побоялась толкнуть какого-то мне неизвестного соседа на такое нарушение, что его за это и меня тоже отправят в карцер. И действительно, в наших тюрьмах перестукивание — очень редкая вещь. Делать это можно только, если обе койки в двух камерах стоят у одной стены. Подойти к пустой стене и стучать — опасно, так как надзиратели заглядывают в глазок очень часто. Зато когда у нас перестукивались, то пользовались не тюремной азбукой, а обыкновенным алфавитом: А — один удар, Б — два удара и т. д. Ведь почти не бывало, чтобы у нас люди подготавливали себя заранее к политической деятельности. И даже зная, что могут арестовать, меньше всего размышляли над возможностью перестукиваться. Так вот, мать перестукивалась со своим соседом, очень интересным человеком, который сидел в одиночке несколько лет. Она рассказывала мне, что несмотря на все свои терзания и беспокойство о нашей судьбе, она, попав в карцер, решила: нет, мои дорогие, мне так плохо, что я и о вас думать не в состоянии.

А меня поражала мысль: на улице лето, тепло (во второй раз это было в августе, а в третий — в октябре, в день моего рождения — мне как раз исполнилось 19 лет), а тут сидишь, дрожишь от холода и никому от твоих мучений никакой пользы, даже те, кто тебя сюда загнали, не получают никакого удовольствия, а просто действуют по инструкции. И как бы научиться смиряться духом, если тело такое жалкое и уязвимое?

Следствие

Мои первые тюремные сутки прошли на Лубянке, там же был первый допрос перед отправкой в Лефортово. Так случилось, что в эти первые часы я устроила скандал, причем безнаказанно, чего почти не бывало. Говорят, что Лубянка — страшнее Лефортова, что там жестче режим, что там царит полная тишина. Единственный звук, как и в других тюрьмах, который слышен на Лубянке — это постоянное воркование голубей. Все заключенные с отвращением вспоминают эти звуки.

Но в день моего ареста там не было тихо. Сидя в одном из многочисленных «боксов», находящихся в подвале, я услышала как кто-то жалобным старческим голосом упрашивает надзирателей вывести его на оправку. Почему-то его не выводили. Еще он просил костыли, которые у него, как видно, отобрали. Кончилось это злобными выкриками: «Сейчас мы тебя мордой ткнем!» А он продолжал стонать. В соседнем боксе не переставая пела женщина:

«Вставайте все,
Вставайте, люди доброй воли,
Наш путь один по всей земле,
Наш путь один — к счастливой доле!»

Взвинченная до предела, я стала стучать в дверь и кричать: «Прекратите издеваться над человеком!» Тут же ко мне ворвались и пригрозили карцером. Действительно, через несколько минут меня повели, но не в карцер, а на допрос. Следователь начал с того, что с возмущением назвал мое поведение «обструкцией», а когда я гордо заявила, что не позволю в своем присутствии издеваться над человеком, он возразил мне, что я теперь арестантка, каторжанка, и должна знать свое место. Я же очень была довольна, что находчиво ему ответила: «И для вашей должности есть неуважительные названия». Но мне всё сошло, так как у следователя была своя задача — добиться у меня признания. А вообще-то вступаться за товарища — это самое серьезное преступление, как я потом поняла, и всякое проявление солидарности карается беспощадно. В «Правилах поведения заключенного», которые я впервые прочла на пересылке в Куйбышеве, так и говорится: «Запрещается подавать коллективные жалобы». При моих романтических понятиях о тюрьме, это озадачивало. Вторая моя попытка заступиться за товарища (это было после суда) окончилась для меня ужасно — на меня надели «рубашку», а это, по уверениям самих тюремщиков,

— крайняя мера, *) которая, по инструкции, применяется к тем, кто оказывает физическое сопротивление. Это обычно бывают уголовники. В действительности, эту меру могли применить к любому, что видно из случая со мной, когда ни о каком физическом сопротивлении не было речи. Мои сокамерники, из-за которых я так пострадала, советовали мне не распространяться об этом случае, чтобы меня не обвинили в клевете. Излишне говорить, что я их советов не послушалась.

Следователь потребовал, чтобы я рассказала о своих преступлениях. Естественно, я стала отпираться. Но следователь прочел мне показания Жени, в которых он рассказывал, как привлек меня в организацию. Я еще некоторое время не признавалась, но он показал мне подпись Жени под протоколом, и мне ничего не осталось, как подтвердить, что всё это так и было.

Последующие допросы до самого суда мало что прибавили нового к моим показаниям, однако следствие тянулось почти год. За это время у меня сменилось 4 следователя — Маркелов, Смелов, Шиловский и Сидоров — все из Следственной части по особо важным делам. Вызывали на допрос редко, примерно раз в неделю-две. Звук отпираемой двери не связан у меня с ощущением ужаса, как об этом пишут многие бывшие заключенные. Одиночка настолько тяготила меня, что и допрос казался развлечением. К следователю иногда вызывали ночью, так же, как и в баню, а днем нельзя было спать, но так как это вообще бывало не часто, то особенных неприятностей не доставляло.

(*) Брезентовую "рубашку" с ремнями, прикрепленными к рукавам, надевают на заключенного, швыряют его на пол и скручивают руки за спиной. Ноги подтягивают к затылку, и в таком положении оставляют какое-то время, в моем случае — минут десять. При этом должен присутствовать врач и щупать пульс — у меня врача не было, так как всё было организовано очень поспешно. В лагере мне рассказывали, что иногда дополнительно человека в таком состоянии подвешивают, но, откровенно говоря, я не представляю себе, как при этом можно выжить. Для себя я из этого опыта сделала вывод, что этого достаточно, чтобы добиться чего угодно. К счастью, от меня им только надо было, чтобы я сказала, что вся эта собравшаяся вокруг меня свора — "не гады", как я им заявила вначале. Этого "не гады" они и добились. Когда развязывают, в первый момент нельзя пошевелиться. Но они торопят, грозят повторить, и идешь, держась за стенку, но довольно скоро всё проходит, как видно, бесследно, как без следов остаются удары по голове, по лицу, по плечам, которые делаются мешком, набитым песком, в самом начале, перед тем, как надеть рубашку. Может, что-то и повредили в результате, т. к. всегда у меня от тяжелой работы болела поясница.

Вначале меня удивляло, что следователь записывал мои ответы очень неточно, употреблял такие выражения, как «злобно клеветала», «преступная деятельность», «якобы» и т. п. Я как-то заметила, что это неестественно звучит в качестве моих ответов, но следователь сказал: «Протокол должен быть составлен грамотно». И хотя мне казалось, что именно такие протоколы выглядят безграмотно, но спорить с ним не стала. Один раз только я отказалась подписать протокол, когда Маркелов написал, что мой брат «по словам матери, погиб на фронте». Я сказала, что не подпишу это «по словам матери». Он был очень недоволен, но протокол переписал. Это, конечно, не значит, что в протоколах не было лжи или такого, что мне не следовало подписывать по тем или иным соображениям. Один раз я подписала протокол, в котором говорилось, что «на формирование моих антисоветских взглядов оказали влияние рассказы отца о его анархистском прошлом». Ничего подобного я следователю не говорила, а просто на вопрос, был ли отец членом партии, ответила, что до революции он был анархистом, а потом принимал участие в гражданской войне на стороне большевиков. В этих показаниях не было ничего, компрометирующего отца, но протокол, который я подписала, мог причинить ему много неприятностей, а мне это и в голову не приходило.

Удивительно недобросовестно записывал мои ответы Смелов. Вообще отношение к следователю — это отдельная интересная тема из области тюремной психологии. Когда ты общаешься только с этими людьми, то поневоле много о них думаешь. Смелов мне казался даже симпатичным и — чудовищно — похожим внешне на поэта Жуковского в старости *). Он никогда не был со мной груб, а мне это было всего важнее. Он впервые заговорил со мной о терроре — единственный вопрос, из-за которого я очень упорно воевала на следствии. Смелов спросил, обсуждалась ли на наших «сборищах» возможность применения террористических методов. Я сказала, что нет, такой вопрос не мог бы возникнуть, так как мы считали себя марксистами, а это метод немарксистский, кроме того, это вообще безнравственно. «Но вы бы стреляли в своих врагов», — возразил Смелов. Тогда я заявила, что цель не оправдывает средства. В результате он записал: «Хотя я считаю, что в борьбе все средства хороши, но возможность применения террора отрицала из-за его нецелесообразности». Мне было неловко ули-

---

(*) Тогда ему было 26 лет. Не тот ли Костя Смелов, который вел дело В. Делоне в 1968 году?

чать его в прямом искажении моих слов, и я подписала этот протокол.

Но в целом, за исключением некоторого систематического самоочернения и отдельных искажений, которые мне казались неважными, я не считала свое дело сфабрикованным, и это избавляло от многих напрасных переживаний. Только потом я смогла оценить, насколько менее тяжелым было мое следствие по сравнению с большинством встретившихся мне людей.

К вопросу о терроре вернулся следователь Шиловский. Это был уже пожилой полковник. Вспоминаю о нем с большим отвращением. Он, правда, не искажал смысла моих ответов в протоколах, но ему явно доставляло удовольствие надо мной издеваться — над моей потрепанной одеждой, над всем моим неприглядным видом. Не было, конечно, зеркала, я постоянно ощупывала свое лицо и расковыривала какие-то болячки. От авитаминоза всё лицо покрылось коричневыми пятнами. Меня и без его издевательств угнетало, что я так жалко выгляжу. Однажды я попросила у него иголку (ее можно было получить только с разрешения следователя). Он с противной усмешкой стал расспрашивать, что именно из одежды мне надо привести в порядок, и довел — не в первый раз — меня до слез. Шиловский допытывался, кто этот Ж., о котором я писала в дневнике. У меня при обыске забрали несколько тетрадей дневников. Я думала, что главное — не писать ничего крамольного, а личное — никого не заинтересует. Как я ошиблась! Конечно, следователь понял, что я писала о Жене, и так как я отказалась беседовать на эту тему, он решил добиться «признаний» с помощью чтения вслух тех мест из дневника, которые мне особенно невыносимо было выслушивать.

Итак, вопрос о терроре снова был поднят Шиловским. Так как я по-прежнему всё отрицала, мне устроили очную ставку с Тамарой. Не буду описывать своих чувств при этой встрече. В самой процедуре очной ставки удивительным было то, что, хотя присутствовал стенографист, но записывал он не то, что говорили мы, а что ему диктовал следователь. Впрочем, в нашем случае он ничего особенного не перевирал. Тамара заявила, что при ней и при мне Женя говорил о возможности применения террора, а я это отрицала. После очной ставки мне стало казаться, что такой разговор действительно был, а я его просто забыла. Но я была довольна, что отрицаю хоть что-нибудь.

Вообще меня угнетало, конечно, что я во всем призналась. Порядочные революционеры, я считала, должны всё отрицать. У меня даже был на эту тему разговор со следователем. Он говорил,

что я должна во всем признаваться, а я возражала, что наоборот, я должна была бы всё отрицать, но это не удается. Я видела, что следователи знают о нашем деле гораздо больше меня, и отпираться нет смысла. Мне казалось, что мои показания никому не могут повредить. Мне даже нравилось не скрывать от следователей, как я настроена. Я считала, что притворяться — недостойно.

Впоследствии я часто думала — не лучше ли, в самом деле, было вообще молчать. Не из тех соображений, что это было бы красивее, героичнее, что меня тогда очень занимало, но из практических — я не наговорила бы лишнего о Тамаре (сейчас я об этом напишу), не подписала бы протокола, из-за которого могли возбудить новое дело против отца (у него было 10 лет, и ему, как «малосрочнику» вполне могли добавить). Но Тамару всё равно бы арестовали и без моих показаний, а чтобы добавить срок отцу, меня должны были бы, вероятно, допросить о нем еще раз. А мое запирательство обошлось бы мне очень дорого, я даже не понимала тогда, насколько. Тогда я только думала, что меня лишат книг и посадят на какое-то время в карцер (я и вообразить не могла, что в карцере могут продержать больше трех суток подряд. Я решила, что года одиночки без книг я бы не выдержала.

Интересно, что следователи не делали никаких попыток меня перевоспитывать. С другими моими однодельцами, как я потом узнала, они поступали иначе. Они только удивлялись моей закоренелости. Какой-то чужой следователь, случайно зашедший в кабинет, назвал меня «змея очковая» и «вторая Фанни» (Каплан). А Смелов говорил, что уважает меня за откровенность. Я преувеличивала их интерес к моим убеждениям. Перевоспитывать или нет — зависело от потребностей дела. От меня им просто было очень мало нужно.

По-настоящему меня мучило только одно мое показание. Объяснить его иначе, чем затмением ума, я не могу. Касалось оно опять же Тамары. Надо ли объяснять, как меня беспокоила ее судьба. Сказали бы мне тогда — сиди всю жизнь в тюрьме, а ее не тронут, — я бы с радостью согласилась. Но факт, в ее деле значилось, что арестована она «на основании показаний Жени, Владика и моих. Я не знала, какого числа ее арестовали и до сих пор не знаю, была ли непосредственная связь между ее арестом и одним моим разговором со следователем. Кажется, Шиловский попросил меня рассказать о Тамаре. Я сказала ему, как и раньше говорила, что она была с нами несогласна (одного этого вполне было достаточно для ее ареста, хотя бы за недонесение), и рассказала об одном эпизоде. На лекции в институте Тамара и Женя об-

менялись через меня записками. Тамара написала, что не видит никакой возможности что-либо изменить. Женя написал: «А листовки?» И Тамара ответила, а я об этом рассказала следователю: «**Слишком рано и опасно».** В ту же минуту я поняла, что я наделала, но было поздно. Следователь был очень доволен, а я не догадалась даже, что мне следует отказаться от своих слов, не подписывать протокола. Этот случай меня страшно терзал. Мне снилось по ночам, что она тонет на моих глазах. А Тамара, оказывается, мучилась, что она на очной ставке сказала неправду, и разговора с Женей и со мной о терроре не было. Я же, почти целый год отрицая этот предполагаемый разговор, после того, как мне самой стало казаться, что он был, однажды, поддавшись на «разговор по душам» с последним следователем Сидоровым (мудрый человек, настоящий коммунист, всё понимает), призналась, что такой разговор был! А следователь, который только что прочувствованно уверял меня, как ему понятно мое состояние — бедная девочка, осталась одна, без родителей — сразу изменил тон, и на какую-то мою фразу, начинающуюся словами: «Мне кажется...», довольно резко ответил: «Нас не интересует, что вам кажется».

Правда, это мое признание никакого реального значения не имело, так как организация всё равно была признана террористической, и все мы, независимо от того, слышали ли что-нибудь о терроре или нет, получили, наряду с другими, статью 58-8 — совершённый террор.

Кроме «террористической», а также «антисоветской» и «молодежной», организация в деле называлась прежде всего «еврейской», хотя никаких серьезных националистических идей нам даже не пытались приписать. Однако, наш национальный состав явно радовал душу следователей, а в случае с полукровками они поступали так — если мать была русской, а отец — евреем, а в паспорте стояло «русская», следователь, доказывая, что национальность пишется по отцу, писал в материалах следствия — еврейка, а в обратном случае уверял, что главное — это национальность матери. Как видно, всем нам это было безразлично, так как совесть наша перед мировым пролетариатом была чиста.

Проявления антисемитизма со стороны следователей (в моем случае — немногочисленные) искренне удивляли. Один раз, когда меня допрашивал первый следователь Маркелов (по-моему, просто тупой солдафон), пришли два человека, как видно, большое начальство, и начали ругаться, издевательски изображая нас, как мы идем «стройными рядами, а впереди — сопляк-Гуревич», и, между

прочим, затронули и национальность. Один из них сказал совершенно убежденно: «Потому-то вам Россия была недорога, что вы — еврейка, человек без родины». Я сказала: «Я не знала, что услышу такие высказывания в этом учреждении», на что он ответил: «Вы еще многое узнаете!». Получился скандал, и в результате я первый раз попала в карцер. Об этом распорядился следователь, с которым перед этим был у меня возмутивший меня разговор о моей матери. Смешно, конечно, было мое удивление и возмущение. Шел 1951 год, и многое, действительно, предстояло узнать.

С большим начальством я беседовала еще один раз. Как я узнала потом, это был сам Абакумов, министр госбезопасности. Меня куда-то повезли в «вороне», ввели в большую комнату с незарешеченным окном, из которого, если не ошибаюсь, был виден Кремль. Вдоль стены стояли чекисты и сидел какой-то толстый, черноволосый. Он меня спросил, была ли я влюблена в Гуревича. Видя мое удивление, он сказал: «Ведь вы бывали у него дома, и он у вас». Я возразила: «Вы ведь знаете, для чего мы с ним встречались!» Тогда кто-то подошел и сказал ему, что у меня арестованы родители. Он этим удовлетворился, и меня увели. Как видно, он выяснял мотивы наших действий.

Что касается мотивов, любопытно, что один следователь совершенно искренне недоумевал: вы ведь получали стипендию в институте, чем же вы были недовольны?

Несколько раз следователи заводили разговор о том, какой я получу срок. Смелову я сказала, что настроена в этом отношении очень мрачно. Он, как будто искренне, возразил: «Почему же, вы ведь не убили человека». А Шиловский предложил угадать, сколько мне дадут. Я сказала, что у матери 15 лет, у отца — 10, а у меня, наверное, будет нечто среднее. Он ответил: «Ну, это еще побожески!» Я решила, что он, как всегда, говорит мне гадости. Насколько симпатичнее рассуждает на эту тему Костя Смелов!

Двести шестая

Когда следствие окончилось, меня ознакомили с материалами дела. 206-ая — это особая форма, которую подписывает подследственный, когда дело передается в суд.

Кое-что я уже знала от следователей, но мало. Всего было 36 папок, по две или по три на каждого из нас. И арестовано было только членов организации (в том числе, и Тамара) 16 человек — 10 девушек и 6 ребят, а, кроме того, много родственников и знакомых.

Каждая папка начиналась с ордера на арест и протокола обыска. В папке Жени была фотография найденного у него пистолета «Велодок». Патронов к нему не было, из него Женя стрелял спичками, отчего пистолет и засорился. Экспертиза гласила, что это оружие в исправленном состоянии и заряженное соответствующими патронами, если его на расстоянии до 2-х метров нацелить в наиболее уязвимые части человеческого организма, может произвести смертельный выстрел. Так вот почему организация — террористическая! Были также найдены программа, устав, манифест, у одного из ребят материалы для изготовления гектографа, у кого-то портрет Троцкого, у кого-то Библия на древне-еврейском языке, у одной девушки — известные стихи М. Алигер, перепечатанные на машинке из вышедшего незадолго до того сборника ее стихов. Стихи начинались (кажется) строчками: «Родину себе не выбирают». Следователь, когда я удивилась, что же тут антисоветского, обратил мое внимание на строчки:

«Обожгла недоброю любовью
Русского шального мужика».

В другой раз, когда я читала историческую работу Бориса Слуцкого, находившуюся в деле, он сказал: «Вот здесь о Бухарине говорится отрицательно, это потому что он русский».

Я с волнением разглядывала тюремные фотографии незнакомых мне девушек и ребят (фотографии троих — Бориса Слуцкого, Владика Фурмана и Жени были больше размером и лучше сделаны. Было непонятно, почему их так выделили), внимательно читала протоколы допросов. Конечно, не всё мне было ясно. Совершенно непонятной была история с Феликсом В. Папка с его материалами начиналась с его собственного доноса в МГБ, а дальше, как у всех — ордер на арест, протокол обыска, отпечатки пальцев, фотография, опись имущества, квитанции на изъятые ценности и документы, протоколы допросов.

Конечно, никаких «взрослых» среди нас не оказалось. Самой старшей к моменту ареста был 21 год, самой младшей — 16 лет. Самая старшая училась на 3-м курсе Потемкинского пединститута, самая младшая в 9-м классе, три девочки в 10-м, а остальные на первом курсе различных институтов. Все москвичи, только Феликс и В. Фурман учились в Рязани, а Галя в Ленинграде. Всё началось с лета 1950 года, когда на приемных экзаменах в университет Борис Слуцкий познакомился с Женей Гуревичем. Борис привлек своего двоюродного брата Гришу и знакомых девочек —

Сусанну и Инну. Сусанна распропагандировала одноклассниц — Катю и Ирэну и двоюродную сестру Нину. Ирэна съездила в Ленинград и привлекла свою двоюродную сестру Галю. Владик Фурман, знакомый Бориса, студент медицинского института, в Рязани сагитировал Феликса, своего однокурсника. Женя, кроме меня, принял в организацию Иду и Аллу.

Тут же была папка с делом Тамары. С ужасом глядела я на ее тюремную фотографию, читала «опись имущества», которая у нее — такой бедной — была особенно жалка — это были какие-то ничтожные тряпки.

Зловеще выглядел в деле каждого «Список скомпрометированных лиц». Это были те, чье имя всплывало на допросах, но на кого пока не было достаточно материала для ареста. В некоторых папках были свидетельские показания родных и знакомых, некоторые были уже арестованы (например, родители Бориса, Владика Фурмана и Жени), некоторые из свидетелей включены в списки скомпрометированных лиц и дожидались своей очереди. Пыталась я разобраться, кто же предатель. В деле находилось 3 доноса, но и неискушенному было ясно, что это — не главный источник. Странной казалась роль Михаила Б., который упоминался в протоколах как привлеченный в организацию, но чьих показаний в деле не было ни в качестве арестованного, ни в роли свидетеля. Этот человек, старше нас всех, был провокатором. За все эти годы не было сделано никакой попытки его разоблачить. Я его не знала и поэтому не считаю своим долгом предать его имя гласности. Знаю только, что он благополучно живет и работает.

Судя по протоколам, следователи чрезвычайно интересовались нашими личными симпатиями. Многие из моих однодельцев вспоминают, как следователи мучили их разговорами и расспросами на эту тему. Особенно отличался Овчинников, который предпочитал высказываться матом. К счастью, он меня не допрашивал, а мой заморенный вид не располагал других следователей к подобным беседам. В данном случае следователи, конечно, не стремились выяснить мотивы наших поступков. Такой бескорыстный интерес был, наверное, у одного министра Абакумова. Цель их была — себя развлечь и потешить, нас деморализовать и настроить друг против друга, а главное, в результате представить нас и нам самим и будущему суду как кучку разложившихся типов. Обычные, всем известные приемы, но нам-то было внове!

Что уже успела сделать наша организация? «Теоретики» — Слуцкий, Фурман и Женя сочиняли программы и т.п., собирали

материалы для создания объективной истории нашей страны, «технический сотрудник» Гриша трудился над изготовлением гектографа, и ему даже удалось кое-что напечатать. Собирались, читали и анализировали произведения, в основном, классиков марксизма, обсуждали средства борьбы. На одном из таких «сборищ» Женя, действительно, предложил обсудить возможность применения террора против Сталина и Берии. (Все были против таких методов). «Секретарь» Алла вела протоколы обсуждений, которые, естественно, были изъяты при обыске. Собирались членские взносы. Следователь как-то сказал мне полу-презрительно, полу-сострадательно: «Снять бы вам всем штаны да выдрать хорошенько!» А ведь он знал, чем это для нас кончится.

Суд

За несколько дней до суда нам выдали на руки обвинительное заключение. Там мы уже официально назывались: еврейская антисоветская террористическая молодежная организация. Сначала нам давалась общая характеристика как кучке отщепенцев, разложившихся морально. В некоторых случаях — с Инной, со мной, с Ирэной и Тамарой упоминались арестованные родственники. (Через несколько месяцев, на тайшетской пересылке, где мы были вместе с Инной, она встретилась со своим отцом, который, отбыв 10 лет, ехал в ссылку. Им невероятно повезло, им разрешили 10-минутное свидание. После их возвращения в Москву в 56 году он вскоре умер). О Фурмане говорилось, что на него оказывала дурное влияние учительница литературы, которая до революции была меньшевичкой. В деле цитировались материалы из архива Охранного отделения начала века о ее нелегальной деятельности под кличкой «Дружная». О ее брате по фамилии Макотинский было сказано, что он проходит по другому делу. (Позже, уже в Москве, я с ним встретилась, он сидел с 20-х годов). О погибшем на фронте отце Слуцкого сказано было «умер», зато говорилось, что по убеждениям он был троцкистом и воспитал сына в уважении к Троцкому. У кого-то родственник привлекался по уголовному делу, и это было отмечено. Не упущен даже был факт, что мать одной девушки была когда-то сектанткой.

Торжественность и важность тона этого документа не производила в целом впечатления преувеличенности, так как мы и сами себя считали очень серьезными деятелями.

Основное чувство в ожидании суда — волнение от предстоящей встречи друг с другом. Смешно, но меня беспокоило, будут ли ребята обриты, как я знала, полагается в тюрьме. И была потом очень обрадована, что все они были с волосами — преимущество военной тюрьмы. Как будут одеты, как я сама выгляжу? Недели за две до суда слегка улучшилось питание, даже стали давать по кусочку мяса — как видно, пережиток времен открытых процессов.

Суд начался в январе 1952 года и продолжался две недели. В той же Лефортовской тюрьме в большой комнате стояло 16 стульев, на них нас рассаживали каждый раз в определенном порядке. На некотором расстоянии впереди сидели за столом три человека. Это были члены Военной коллегии Верховного суда. Слева был стенографист, а справа, возле двери, какой-то сотрудник, который каждый раз при появлении судей вскакивал и объявлял: «Встать, суд идет»!

Мы все внимательно и дружелюбно разглядывали друг друга. Это отношение сохранилось до самого конца.

Конечно, все помнят, где кто сидел.

Борис	Владик	Женя	Владик М.
Слуцкий	Фурман	Гуревич	
Сусанна	Инна	Гриша	Нина
Ирэна	Феликс	Катя	Я
Ида	Алла	Галя	Тамара

Прокурора не было, но кто-то распоряжался и помещался он рядом со стенографистом. Кажется, после чтения обвинительного заключения этот распорядитель сделал удивительное заявление: «Подсудимые освобождаются от вызова свидетелей и от защитников».

Многие подробности мною начисто забыты. Не помню даже, был ли традиционный вопрос, признает ли каждый из нас себя виновным. Каждого попросили рассказать о своей преступной деятельности. Потом каждому задавали вопросы, можно было их задавать друг другу, но не всегда разрешалось на них отвечать.

Впечатление от всего этого было слишком большое и многообразное, чтобы я теперь, почти через двадцать лет, могла его

описать, хотя зрительно всё помнится совершенно отчетливо. Борис Слуцкий — высокого роста, в синем кителе, в сапогах и галифе, выглядел очень внушительно, солидно, говорил красиво и убедительно. Владик Фурман — тоже высокий, но худой, нервный. В его следственных материалах значилось, что он находился на психиатрической экспертизе. Экспертиза признала его нормальным, но отметила чрезмерное возбуждение и многословность. Это возбуждение заметно было и на суде. Главная его идея — что только они трое, и больше всех он — сознательные деятели, а остальные были под их влиянием, и совсем политически незрелые, а он «с семи лет читал газеты и интересовался политикой». Женя — в старой, знакомой мне гимнастерке, но с деревянными пуговицами и без ремня, однако, держался гордо и спокойно. Владика М. я плохо видела. Замечательно хороша была Сусанна. С ее романтической, утонченной внешностью очень гармонировало всё, что она говорила, а в речах ее было много типично комсомольской горячности. Инна плохо себя чувствовала, ежилась от холода, но явно не унывала. Гриша — симпатичный черненький мальчик держался скромно; совсем ребенком казалась Нина, которая сидела передо мной в сером платке, завязанном крест-накрест, и с косичками. Ирэне удалось проявить изобретательность — волосы в порядке, завязанные какими-то бантиками. Феликс — угрюмый, большой, в валенках, жаловался, что за время следствия на нем истлела его единственная рубашка. Катя, хотя и сидела рядом со мной, но в разговоры не вступала. Очень смешной и жалостный вид был у Иды — ее мучил насморк, и форточку над ней то закрывали, то открывали по нашей просьбе. Кажется, только одна она не выглядела мужественно, только ей одной было страшно. Алла пыталась мне сообщить какие-то фантастические сведения о «моральном облике» Жени, внушенные ей следователем. Помню длинные косы моей будущей лагерной подруги Гали.

Не знаю, слушали ли судьи нас с таким вниманием, как мы друг друга. Я знала из присутствовавших только троих, никто не знал всех.

Главное впечатление от выступлений моих однодельцев —это полная искренность. Может быть, это действовали месяцы одиночки, но каждый, мне казалось, хотел рассказать суду, а главное, своим товарищам всё как можно подробнее. Нас не перебивали. Слушали даже как будто с участием. И вообще у них был скорее добродушный вид. Не чувствовалось, что здесь решаются судьбы, похоже было на какой-то экзамен.

К сожалению, мы не могли поговорить друг с другом, рассказать, как проходило следствие. Нам удавалось обменяться несколькими словами с ближайшими соседями, но и за это нам делал замечания сидящий у дверей сотрудник и даже грозил вывести за дверь. Вообще было какое-то немного истерическое оживление.

Тамара сидела позади меня, и я всё время пыталась с ней поговорить. Это не удавалось, и она только грустно улыбалась мне.

Некоторые пытались внести поправки в следственные материалы. Борис рассказывал о своем отце, как он в начале войны ушел в ополчение и погиб. Алла объясняла, как ей стыдно было жить в прекрасной трехкомнатной квартире после того, как она узнала, что народ бедствует. Особенно поразительным был рассказ Феликса о том, как после разговора с Фурманом и согласия вступить в организацию, его приятельница, которой он всё рассказал, убедила его написать донос на Фурмана в МГБ, так как разговор с Фурманом будто бы подслушала какая-то девица и собиралась донести сама. Всё-таки, многое в этой истории было неясно. Например, я помнила, что в его папке после доноса идет протокол его допроса в МГБ в качестве свидетеля (он еще находился на воле). Но эти показания были очень саморазоблачительными, так что не удивительно, что за этим последовал арест. Что его побудило дать такие показания? Хотелось думать, что эти побуждения были благородными. Я просила суд разрешить мне задать вопрос Феликсу, но мне не разрешили. (*)

Женя, к сожалению, сидел далеко от меня, и я смогла только спросить его и Владика, сидели ли они в карцере, и получить утвердительный ответ.

Каждый день мы приходили, рассаживались по своим местам, и суд продолжался. Когда до меня дошла очередь, я тоже рассказала всё как было.

Потом у каждого спрашивали, нет ли каких-нибудь просьб к суду. Просьбы были — разрешить свидание с родными. Сусанна просила свидания с «названным братом Слуцким», кто-то просил вернуть изъятую пишущую машинку постороннему владельцу. Я попросила не конфисковывать имущества. Всё более или менее ценное забрали после ареста родителей, и я хотела, чтобы остав-

---

(*) Владик М. и Гриша, которые были в лагере вместе с Феликсом, рассказывали о нем только хорошее. В 56-м году я встретилась с ним на воле, но не решилась его ни о чем расспрашивать.

шееся передали бабушке и сестре, чтобы хоть что-нибудь вещественное осталось от нашего дома. (В 56 году, когда я вернулась, сотрудница домоуправления рассказала мне, что всё, что не подлежало конфискации, было в ее присутствии сожжено, она сохранила мое свидетельство о рождении и отдала его мне. Удивительный поступок, если учесть, что к арестованным обычно было отношение, как к покойникам). Конечно, ни одна просьба не была удовлетворена, как выяснилось позже, но в этот момент всё это с серьезным видом выслушивалось, а стенографист — записывал.

Потом каждому предложили сказать последнее слово. Накануне в камерах не спалось, обдумывали, что кто скажет. И опять судьи слушали, не перебивая.

Каждый из моих товарищей вставал и говорил, как он осуждает свои прежние взгляды, как раскаивается, что вступил на путь борьбы с советской властью, как в тюрьме, размышляя обо всем, понял, что заблуждается. Один из ребят даже сказал: «Никакое наказание не покажется мне слишком суровым».

Я слушала с удивлением и отчаянием. Я убеждена была, что каждый говорит, что думает. Мне и в голову не приходило, что некоторые, лучше меня понимавшие, чего можно ждать от этого суда, пытались, может быть, таким путем добиться снисхождения.

Вероятно, следователи по-отечески объяснили им, что повинную голову меч не сечет. (*) А большинство и в самом деле осуждали себя, сидя по одиночкам и убеждаясь с каждым днем, какие мы все невежественные, глупые и как много горя мы принесли близким. Конечно, вся эта история с организацией казалась безответственной игрой. А следователи всё-таки взрослые, опытные люди, хотя некоторые и делали в протоколах грамматические ошибки. И наверное для споров с нашими «теоретиками» были брошены лучшие силы этой «Следчасти по особо важным делам». А некоторые, особенно девушки, не хотели говорить не так, как те ребята перед которыми они так преклонялись. А у некоторых их согласие вступить в организацию вообще было минутным порывом. Галя мне рассказывала в лагере, что у нее в одиночке бывали галлюцинации — ей мерещился номер ее комсомольского билета. И она до самого 20-го съезда любила Сталина, несмотря ни на что. Правда, такое постоянство не было типичным...

(*) Шиловский говорил эту фразу и мне, рассказывая басни о Б. Савинкове, которого, будто бы, после того, как он выразил раскаяние великодушно простили. Потом, в Бутырской тюрьме мне говорили, что между этажами натянуты сетки со времени его самоубийства.

Тяжело мне было говорить мое последнее слово, тяжело было остаться среди моих товарищей совершенно одинокой. Я не меньше других понимала всё безрассудство нашей затеи. Я и на воле знала, что нас арестуют прежде, чем мы решим, что́ надо делать. Но не было чувства раскаяния. Может быть, все наши программы и манифесты — сплошной вздор, но не вздор — аресты и гибель невинных, и подлая ложь; масштабы всего этого не были нам еще известны по молодости и по невежеству, но кое-что мы знали, как же можно было простить? Я поэтому спрашивала Женю и Владика, сидели ли они в карцере, мне казалось, что такой карцер убедительнее всех аргументов. Поэтому я и сказала, что, к сожалению, ни в чем не раскаиваюсь, что как и на воле, и даже больше, чувствую себя абсолютно чуждой всему строю нашей действительности.

Конечно, мое выступление не было проявлением какого-то особенного мужества. Я сказала только то, что могла сказать в этих обстоятельствах. Да и о каком мужестве могла быть речь, когда всё было предрешено, когда даже от судей мало что зависело, и кому вообще было важно, что́ мы говорим?!

И вот нас собрали последний раз, чтобы прочесть приговор: «Именем Союза Советских социалистических республик приговариваются:

Борис Владимирович Слуцкий, год рождения 1932

Владлен Леонидович Фурман, год рождения 1931

Евгений Зиновьевич Гуревич, год рождения 1931

— к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего им принадлежащего имущества.

Владик М., Сусанна, Инна, Гриша, Ирэна, Феликс, Катя, я, Ида, Ала — к 25-ти годам лишения свободы с отбытием срока наказания в исправительно-трудовых лагерях с последующей ссылкой и поражением в правах на 5 лет, с конфискацией имущества.

Тамара, Нина, Галя — к 10-ти годам лишения свободы с отбытием срока наказания в исправительно-трудовых лагерях с последующей ссылкой и поражением в правах сроком на 5 лет и с конфискацией имущества.

«Приговор окончательный, обжалованию не подлежит».

В этот момент Борис пошатнулся, конвоир его заботливо поддержал. И вслед за этим: «Приговоренные к расстрелу имеют право подать просьбу о помиловании в Верховный Совет СССР».

*
**

В феврале-апреле 1956 года по заявлению родных наше дело было пересмотрено. Всем нам сроки наказания были снижены до 5-ти лет, двум — до трех. Вместо статей Уголовного кодекса 58-1а, 8, 10 и 11, были оставлены только 58-10 и 11 (то есть, исключены измена родине и террор). Таким образом, мы подпадали под действие Указа об амнистии от 53 года и 25 апреля были освобождены со снятием судимости и поражения в правах. Тамара была реабилитирована. Каждому из нас была выдана справка об освобождении, на основании которой мы получили по-видимости чистые паспорта.

Родителям расстрелянных ребят выдали в прокуратуре аналогичные справки, где было написано, как и у нас, что дело пересмотрено, статьи переквалифицированы и срок наказания снижен до 10-ти лет.

ВЕСЕННИЙ СЪЕЗД РСХД

Июнь 1973.

С 9-го по 11-ое июня 1973 года в Бьевре под Парижем проходил съезд Русского Студенческого Христианского Движения, посвященный теме "Вера и современная цивилизация". Были заслушаны четыре доклада, перемежающиеся групповыми обсуждениями семинарского типа и прениями, и беседа за круглым столом редактора "Вестника РСХД" Н. А. Струве с приехавшими недавно из СССР и приглашенными на съезд московскими православными Н. Б. Кишиловым и М. Г. Меерсоном-Аксёновым.

Кроме того дважды в день участники съезда собирались на богослужение в небольшую протестантскую церковь (съезд проходил как обычно в протестантском поместье, владельцы которого из года в год любезно предоставляют своим православным собратьям возможность съехаться на несколько дней), где по утрам совершалась литургия, а вечером — всенощное бдение.

Первые два доклада — Филиппенко: текстологический разбор текста Достоевского из Записок и Бесов, легшего в основу съезда, и о. Алексея Князева о сущности христианства ("Слово плоть бысть") были прочитаны по-французски. Потом вся работа съезда проходила по-русски. Наиболее интересным и привлекшим огромное число народа был доклад приехавшего по случаю съезда из Америки о. Александра Шмемана на тему: "Можно ли верить в Бога, будучи цивилизованным человеком?" *) О. Александр прочёл доклад в несколько неожиданном раккурсе, обратив стрелы своего красноречия не столько против неверующего современного мира, сколько против теплохладного современного христианства, чем вызвал оживленные и страстные споры и множество вопросов, ответы на которые заняли больше времени, чем сам доклад, и имели самостоятельную ценность. Некоторые из них приведем в нашем обзоре. Докладчик несколькими сильными высказываниями задел сторонников "охранительного православия" и ему был поставлен вопрос, как он относится к "церковной старине".

Ответ о. А. Шмемана:

"Хотя я и очень люблю старину, но никогда не мог принять категорию старины в качестве абсолютной принадлежности религии. В религии важна не старина, а истина. То, что было истиной вчера, то истина сегодня, то будет истиной и завтра.

Мы никогда не должны быть Иванами, не помнящими родства своего, всякое разрушение традиций, всякие легкие от неё отходы, всякое отречение от неё есть всегда признак духовного заболевания нации и самого человека. У нас в Америке вышла книга "Вера ваших отцов", где предлагается хранить веру отцов. Ну а если вера отцов была неправильной

*) Сокращенную запись мы приводим в качестве приложения, вслед за этой статьей.

верой? Тоже хранить её? Храните иудаизм, если вы иудей, храните атеизм, если вы безбожник, собственно говоря.

На старину также направлена вера судящая, различающая "духов". Культ руин и развалин очень недавно появился, с романтизма, с христианской точки зрения явления еретического. Человечество раньше не жило развалинами. Всегда, когда люди начинают жить развалинами это есть признак разваливаемости их самих. Поэтому я предлагаю не обзывать что-либо новшеством, а вникать, хорошо ли оно, правильно, ли оно, соответствует ли оно истине, нужно ли оно нам, и так же о старине. Христианство всегда направлено не на хронологию, а на сущность вещей. Иногда мы о чем-нибудь думаем, что это древнее церковное предание, а оно возникло в 19 веке, а какой-нибудь модернизм может быть апостольским преданием. Поэтому нам сейчас нужны не эти крайние позиции, а кафоличность, цельность, полнота Церкви".

Далее о. Александру был поставлен упрек, что в его докладе не достаточно было сказано о том, что же есть "единое на потребу" и его попросили ответить на это.

Ответ:

— Почему мы не сделали съезд на эту тему, я бы другой доклад прочитал. Я надеялся, что все это знают, а если не знают, то надо начинать всё с начала. В Евангелии на это дан абсолютно ясный ответ: "Ищите прежде Царствия Божия и остальное приложится вам" — вот что есть "единое на потребу". Может возникнуть вопрос, что есть Царство Божие, и меня всегда удивляет до какой степени на эту тему мы мало думаем.

Царство Божие, есть конечно то, для чего создан мир, то для чего создан каждый человек, то для чего существуют все культуры, все цивилизации, это есть та полнота, которою Бог наполняет все во всем, в котором Он действительно воцаряется окончательно в Своем творении, это есть "единое на потребу".

Теперь можно ставить ударение на спасении. Человек это есть признак высокого замысла; когда человек чувствует, что погибает и должен быть спасен, это есть признак высокого замысла. Наше современное христианство *) очень мало думает о спасении, очень много об общественной помощи. Именно потому царство Божие приходит к нам как спасение, что человек отказался от Царства Божия. Ушел из него, отрекся, забыл об нем, и поэтому спасение является нам в лице Христа, Который нам открывает, что Царство Божие — прежде всего в Нем самом. Совершенный Бог в человеке, совершенный человек в Боге и полнота наполняющая все во всем.

Царство Божие это есть знание, знание Бога, знание истины, общение с Богом, радость о Боге, полное исполнение всего того, что в нас заложено, всего того, что нам дал Бог, даруя нам жизнь — вот, что есть "единое на потребу". Теперь, почему называется "единое на потребу"?

---

*) О. А. Шмеман имеет в виду конечно западное христианство, ибо восточное христианство, а именно православие, наоборот очень много думает о спасении, но мало о помощи. (прим. авт.)

В этом мире Царство Божие действительно заслонено тысячами разных идолов, разных вторичных ценностей, разных соблазнов, а Христос пришел именно для того чтобы нам открыть главное, вокруг чего все остальное становится на свои места. Поэтому действительно нельзя в нашей жизни к этому "единому на потребу" обратиться не отказавшись, не отрекшись от многого, что его заслоняет, как отрицательного, так очень часто и положительного, но ставшего идолом.

Задается ещё один вопрос: возможна ли христианская культура?

Ответ:

— В самом начале своего доклада я сказал, что считаю ее не только возможной, но и существующей. Причем под христианской культурой я совсем не разумею культуру, которая безостановочно говорит на благочестивые темы. Я её чуть-чуть определил в одной статье, которую написал о Солженицыне. Существует то, что называют триединой интуицией, когда к реальности (к человеку ли, к миру ли, к природе ли) подходят, держа вместе три вещи: сотворенное Богом и значит — доброе, падшее и значит искривленное, исполненное зла и смерти и искупленное Христом. Культура, которая на наших глазах если и не совсем кончилась, то кончается, всё-таки этим триединым вдохновением жила. Но есть некоторые намеки, что она по милости Божией и возрождается. Я имею в виду как раз такого человека как Солженицын. Есть радостные признаки того, что эта христианская культура, которую почти отпели и в гроб положили, продолжает жить, и что особенно радостно, что она из ада вырастает, из того места, где как раз казалось бы отреклись от всего. Там то и приходится о главном думать, к г л а в н о м у и возвращаться приходится, а именно — к христианской культуре.

Христианская культура никогда не может быть стопроцентной удачей, она всегда имеет в себе элемент символический по отношению к тому — единому на потребу, — что рано или поздно совершится, но все таки я думаю, что если мы можем говорить о красоте, о добре и об истине, то это не только в каком-то абсолютном смысле, но потому что и в человеческом творчестве эта красота, это добро и эта истина так или иначе были воплощены.

О. Шмеману задают ещё один вопрос: "Как нам веровать в нашу эпоху".

Ответ:

— Так и веровать, как мы веровали две тысячи лет, как же ещё веровать? Ведь не выдумаешь веру заново каждые два года!

На одном экуменическом собрании был грузинский патриарх Католикос. Там тоже обсуждали, как веровать в двадцатом веке; как можно веровать, когда автомобили есть, телефоны и т. д.? Он все слушал, слушал, а потом говорит "переводите". "Молиться, значит, нужно так, утром встать и протрезвиться", — "Переводите", — говорит, "потом надо сказать: во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь", "переводите", — говорит, "потом сказать, Слава Тебе Боже наш, слава Тебе, переводите". И так он им все утреннее правило изложил, причем переводивший его очень культурный, цивилизованный, православный богослов, от стыда умирал. "Что подумают умные протестанты с проблематикой, а он, понимаете, "переводите!" — говорит "Аллилуйя 3 раза" А эти протестанты,

шведы какие-то, норвежцы, они с рода не видели человека, который серьезно молится каждое утро и говорит, что никакой проблемы нет, только бы вовремя встать и протрезвиться...

Вот если утром встал и... проблема, телефон есть, как же мне молиться? Ведь это же анекдот какой-то, почему собственно от того, что что-то изобрели, молиться нельзя. Уверяю вас, мы не верим и не молимся больше всего от лени, а совсем не от того что проблемы возникли.

Ничего в этом мире без аскезы сделать нельзя. Царство Божие усилием берется. Потому что человек пал, потому оно и нудится. Нам легче лежать, чем сидеть, сидеть, чем стоять. Я в прошлом году на этом же самом месте говорил о том, что крест — это не только вера в Голгофский Крест, но то, что вошло в нашу жизнь, как постоянное, ежеминутное распятие наше, природных желаний, природных оценок, это тот предел, пред которым мы всё время стоим. Поэтому на вопрос, как верить, я бы сказал, так как учит нас катехизис. Как символ веры учит. Повторяя "верую во Единого Бога", попробуйте подумать, что это означает, и увидите, что это очень и очень глубокая вещь верить в Единого Бога."

О. Александру задается последний вопрос: "Нужна ли современная цивилизация?".

Ответ:

— Вы знаете, это вопрос такого типа — нужно ли мне ходить одетым? В общем все ходят одетыми. А цивилизация — это не есть то, что я могу сегодня принять, а завтра отвергнуть. Это есть моя жизнь, я сам член этой цивилизации. Цивилизация — в сущности вся жизнь, как мы едим, спим, разговариваем. Мы ни одной минуты не оказываемся без цивилизации..."

Ответы на вопросы затянулись до самого ужина, на котором собравшиеся, пропев молитву и рассевшись за столы, продолжали ещё обсуждать доклад.

На следующий день был прочитан И. В. Морозовым доклад о истории РСХД и его деятельности. (как раз справлялось 50-летие со дня его основания на Пшеровском съезде в 1923 г.) Докладчик подчеркнул, какое огромное значение для Движения приобретает растущая связь с Россией, известие о росте интереса к христианству и православию среди интеллигенции и молодежи в России. Развернувшиеся после доклада прения вращались вокруг одной темы: должно ли Движение в своей дальнейшей работе по прежнему ориентироваться на эмигрантскую среду и на французское или на американское православие или же больше внимания уделять проблемам христианского возрождения России, в большей степени ориентироваться в эту сторону.

Эта же тема с некоторыми вариациями повторилась и в беседе за круглым столом, где приехавшие из России гости съезда говорили единодушно о том значении, которое имеет для молодого поколения ищущей советской молодежи сам факт существования, пусть за рубежом, русского христианского студенческого движения, что в глазах православных в Советской России это движение имеет не столько реальное, сколько символическое значение, которое трудно преувеличить, что Движение помогает встать на ноги зарождающейся христианской обществен-

ности и что потому его святой долг не забывать своих собратьев по вере, молитвой и делом помогать им по мере возможности.

Съезд закончился молебном, который отслужил, поздравив и благословив собравшихся, приехавший из Америки архиепископ Сан-Францисский Иоанн.

Г. А. М.

МОЖНО ЛИ ВЕРОВАТЬ БЫВ ЦИВИЛИЗОВАННЫМ ?

(сокращенная запись доклада прот. А. Шмемана)

Вы выбрали тему моего доклада в виде вопроса «Можно ли верить в Бога, будучи цивилизованным человеком?». И сделали это не без иронии. Я понимаю, что у вас был текст Достоевского, но даже если Достоевский этот вопрос сформулировал, то все равно, в наши дни, он звучит, для меня во всяком случае, иронически. Ибо, есть нечто смешное, наивное, отдающее Базаровскими лягушками, в этом столько лет всплывающем на поверхность вопросе, — «можно ли верить в Бога?»... И ещё, может быть, более смешное и даже жалкое есть в попытках серьёзно и объективно на этот вопрос ответить.

Вот, готовясь к этому докладу я прочел недавно вышедшую книгу, в которой, около двадцати чрезвычайно цивилизованных людей — ученых, биологов, физиков, генетиков, психологов, социологов и так далее, многие из которых Нобелевские лауреаты, объясняют свой атеизм. «Есть ли Бог?», «Нет!», отвечают они и объясняют его чрезвычайно цивилизованно. Совершенно очевидно, что если бы даже по какой-нибудь случайности они здесь сегодня сидели, или прочли бы мой доклад, будь он напечатан, вряд ли бы эти цивилизованные люди моментально сдались бы и сказали: «Можно, слава Богу, верить в Бога, и, мол, за это — мерси!», — решен вопрос.

Обычно, верующие доказывают верующим, что можно верить в Бога будучи цивилизованным, а неверующие доказывают неверующим, что нельзя верить в Бога будучи цивилизованным, и такова судьба наших так называемых диалогов. Однако, можно было бы издать, и кажется вскоре будет издана вторая книга на эту же тему, в которой столько же биологов, физиков, генетиков, психологов, социологов, ответят на этот вопрос утвердительно: «Можно верить в Бога», так что каждый останется на своих позициях, причем не забудьте, что и те и другие знают аргументацию обратной стороны и не убеждаются ею. Поэтому, мне кажется, что речь идёт о чем-то другом, более глубоком, о чём же? Я думаю, что речь идёт, или может быть должна идти не столько о противоположении цивилизации и религии, это была в сущности тема 19-го века, а о противоположении веры и

неверия внутри нашей цивилизации, которое, по моему убеждению, является специфической и может быть самой глубокой, самой знаменательной её чертой. В том-то все и дело, что Нобелевские лауреаты делятся, так сказать, поровну, на одного неверующего генетика, всегда можно найти верующего генетика, на одного неверующего биолога, можно найти верующего биолога. В общем всё респектабельно. И вера респектабельна и неверие респектабельно, а наши старые лагеря и траншеи, наука с одной стороны, вера и религия с другой, мне кажется, больше не существуют в чистом виде, как существовали они всего несколько десятилетий назад. Я бы сказал даже, хотя все мы знаем о страшных гонениях на религию в некоторых частях нашего мира, в сущности и борьбы настоящей больше нет, я повторяю, борьбу с религией, как например в Советском Союзе, нельзя считать научно серьезной, это собственно полицейское предприятие, а не предприятие цивилизации или культуры, и от такого типа борьбы тошнит даже цивилизованных западных коммунистов. Напротив, если чем-нибудь на глубине наша современная цивилизация характеризуется в этом плане, то мне кажется некоей предельной вежливостью. Все помним, как почти на руках носили Тейара де Шардена всякие неверующие ученые, а Ватикан основал даже особый секретариат для диалога с неверующими. И очень характерно, что почти ни один из корифеев, цивилизованных корифеев от атеизма, из упомянутой мной книги, не выводит прямо своего неверия, своего атеизма из науки, нет, все они очень далеки от недавнего, триумфалъного — «Наука доказала, что Бога нет!» Это твердит ещё советская пропаганда а на Западе уже больше не принято так грубо говорить, и многие из этих ученых смиренно признают возможность наличия какой-то непонятной для них тайны в космосе.

Мне кажется ещё более знаменательным, что почти таким же смиренно-елейно-вежливым тоном говорят и верующие в наши дни. Если цивилизованный атеист, почти сожалеет о своем неверии, то верующий тоже как бы извиняется за свою веру, и нет у него более страстного желания и стремления, чем сделать её как можно более безобидной и приемлемой для своего неверующего коллеги. Не будет большим преувеличением сказать, что в нашей цивилизации, и я считаю это крайне примечательным и может быть самым примечательным в ней, неверие и вера все меньше и меньше отличаются друг от друга. На высотах нашей цивилизации они уже в сущности согласились, что у них одна и та же цель, и как это ни странно — одни и теже способы для достижения этой цели. И вы конечно все знаете цель, цель эта — счастье человечества на земле, как бы его ни понимать. О методах спорят.

В этих спорах всегда участвуют верующие и не верующие с одинаковым энтузиазмом и восторгом. Поэтому, как теперь говорят, все люди доброй воли, верующие и неверующие могут работать одной дружной и счастливой семьей. Таков в сущности консенсус нашей цивилизации, но этот консенсус и должен быть, по моему глубочайшему убеждению, предметом оценки обсуждения со стороны нас, верующих, если таковыми мы дерзаем себя называть. Ибо настоящий вопрос не в том, совсем не в том, можно ли верить в Бога будучи цивилизованным, ибо наша цивилизация отвечает: можно, сколько угодно можно, верьте себе на здоровье. А в том, во что собственно превращается, во что уже превратилась эта вера внутри нашей цивилизации, о том какую цену мы заплатили, сами того не сознавая, за то, чтобы верить в Бога, будучи цивилизованным?

Взлетов, удач, потрясающих достижений цивилизации оспаривать не приходится, и я уверен, что почти никто из нас здесь сидящих, если мы находимся в твердом уме и здравой памяти, не захотел бы вернуться, хоть и в самое романтизированное, средневековье. Но если говорить с религиозной точки зрения, то вряд ли можно оспаривать то, что постоянной доминантой в истории этой нашей современной цивилизации, отличительным её свойством было с самого начала систематическое возвеличение человека, парадоксально — путём систематического умаления, урезывания самого понимания человека, интуиции его природы, его призвания и замысла. В этом специфический парадокс нашей цивилизации. С одной стороны наш мир, больше чем какой-нибудь другой мир предшествовавший ему, можно назвать — антропоцентрическим. С другой стороны, этот окончательно оказавшийся в центре человек, в сущности, явление очень небольшого калибра. Попробую пояснить мою мысль. Почти все предшествовавшие нашей цивилизации в сущности смотрели вверх — на высшее, г о р н е е и идеальное, и в этом высшем, горнем и идеальном видели меру и объяснение всего, мира, человека, жизни. Спор всегда шел только о том, как понимать это г о р н е е и как жить им. Это могли быть очень горячие споры, но споры внутри того же смотрения вверх. Поэтому, несмотря на всю глубочайшую разницу между Афинами и Иерусалимом, между Библией и Элладой, христианство все же смогло в так называемый отеческий век, век святых отцов, воплотить и выразить себя на языке, в категориях и в формах эллинизма. Создать христианский эллинизм. Поэтому несмотря на радикальное отвержение язычества и его языческой священности, Церковь смогла в час победы над язычеством, выразить свою веру, свою надежду и свою любовь в символах дохристианской священности. И именно на этой почве, на этом общем устремлении вверх выросла та христианская циви-

лизация, которую сегодня принято развенчивать и обвинять во всех смертных грехах, от которой принято отрекаться как от чего-то постыдного и изжитого, и которую, по всей вероятности, так ненавидят сегодня за то, что в самом сердце ее, как бы мы её ни анализировали, как бы ни сводили её к тому или иному принципу, сияет высокий, такой неизреченной красоты и глубины образ человека, человека пронизанного божественным светом.

Для меня нет сомнения в том, что с отречения от этого образа неизреченной славы, началась наша, пока что последняя по счету цивилизация. Началась с того, что в богословской аналогии следовало бы назвать вторым грехопадением. Христианское богословие открыло нам, что человек пал потому, что хотел стать как Бог, но без Бога, потому что он захотел удовлетвориться своей человечностью и это значит урезать и ограничить в самом себе свою жажду абсолютного. Уже тогда, в раю, змей нашептал ему знакомые слова — «человек есть мера всех вещей». Уже тогда в раю, тот же змей внушил ему, что смирение в котором больше чем в чем бы то ни было раскрывается божественность человека, что смирение — это рабство, а вот гордость маленького человечка — это свобода и царство. И вот, по аналогии с этим первым грехопадением я говорю и о втором грехопадении почти более страшном, ибо это второе грехопадение, этот отказ от образа неизреченной славы пришел после того, что образ Христа просиял в мире, уже после того, что раздались все слова, все молитвы, все гимны о подлинном небесном призвании человека.

Поль Азар, в своей **«Истории европейской мысли»**, хорошо показал как именно с этого умаления, урезывания образа, призвания, жажды человека, началось становление нового мира. У него есть замечательная глава в «Истории европейской мысли», которая называется «Процесс христианства». Оказывается процесс этот шел не с той точки зрения, что наука там что-то доказывает, но с отказа от каждого из составляющих христианство максимализмов, абсолютизмов, сведение всего к п р о с т о м у счастью, к п р о с т о м у разуму. С отказа от этой свойственной христианской культуре жажды трансцендирования всего.

Не будем искать того, чего искать невозможно, подальше от того что звучало в мире как соблазн для иудеев, а для эллинов безумие. Главное отрезать все то, что беспокоит человека, что зовет его вверх, туда, куда ему в сущности совсем не хочется идти, ибо твари вверх не хочется идти. Для этого нужно, чтобы в ней воссияло сверхтварное и увлекло ее вверх. Таково свойство нашей цивилизации при всех её потрясающих удачах — согласие с самого начала не смотреть выше определенного уровня, а по возможности смотреть вниз. Заметьте, что так это никто не называет, все думают, что они вверх смотрят, луна-то наверху. Поэто-

му многим кажется, что идя на луну, мы идем вверх, но это ещё требует доказательств, что луна наверху, и что то, что находит на ней человек, есть обязательно высшее, а не то же самое, что мы находим в самом низу.

Но, конечно, осталась, и сквозь весь этот центр развития нашей цивилизации все время звучала, великая тоска. Нельзя так просто отказаться от того замысла, что дан был человеку. Может быть вся глубина, вся острота и вся единственность этой удивительной культуры 19-го века в том, что она собственно пронизана тоской, и светом, которые в ней остались. В этом её единственность, она уже не христианская культура, но ещё и не нехристианская, она вся в этой памяти какого то совершенно небывалого видения, которое появилось в мире, которое приходится развенчать и уступить, потому что оказалось оно иллюзорным, но после которого жить в сущности стало в этом мире страшно скучно. Повторяю, в этом может быть единственное, по-своему, значение, последней великой культуры, культуры 19-го века, той, что теперь на наших глазах распадается и разлагается во всевозможных фокусах. В ней была цельность тоски, цельность памяти, если не устремления, цельность этого знания о чуде при неверии в него.

Теперь мы можем вернуться к вопросу: может ли верить этот цивилизованный человек? Да, может, может и очень часто верит. Не надо думать, что неверие нарастает в нашу эпоху, это было бы может быть легче. Гораздо хуже развитие внутри цивилизации, я бы не сказал псевдоверы, сколько маленькой веры. Он верит, но спросить его нужно, во что он верит? В кого он верит? Для чего он верит? Чем его христианство отличается от того, что и во всех религиях без исключения находил человек? Чтобы найти это, совсем не нужно христианство. Всякое почтенное язычество вполне хорошо удовлетворило бы нужду человека кому-то помолиться, кому-то поведать свою печаль, от кого-то получить убеждение, что жизнь имеет какую-то опору где-то. В конце концов в какой-нибудь деревне, куда приезжал христианский епископ в четвертом веке, давно уже люди верили в Бога. Гораздо труднее было эту веру в Бога наполнить новым содержанием. И вот спустя две тысячи лет мы спрашиваем себя: Да наполнилась ли эта вера новым содержанием? Не вернулась ли мы, верующие, в этой цивилизации, очень гордой цивилизации, не вернулись ли мы к принципиальному минимализму? Мы бы хотели, чтоб нам дали право верить, и нам дают его, не всюду, но кое-где дают строить церкви и продолжать свою маленькую, религиозную жизнь, не замечая никаких бурь и треволнений царящих в мире. Мы — православные часто любим на экуменических съездах говорить: «Православие — это преображение мира и

жизни,» а на самом деле все ограничивается приходским чаем. Преображение жизни, это хорошо для экспорта, этим хорошо непреображенного протестанта по голове тяпнуть. Ведь Христос пришёл не для того чтобы двух, трёх святых спасти, причем святые есть во всех религиях, а для того чтобы создать внутри этого мира, в этом эоне, на этой земле, очаг в котором бы Его огонь никогда не погас, но всегда опалял. Как мы читаем в молитве перед причастием: «Попали невещественным огнем грехи моя, и насытитися же в Тебе наслаждения сподоби, да ликуя возвеличаю два пришествия Твоя».

Красиво по-славянски; вдумаемся, как мы молимся! «Да ликуя возвеличаю два пришествия Твоя», чтобы сделать этот мир ареной, о нет! совсем не тихого и благополучного жития, а борьбы, последним театром, в котором сжигается это тварное ничто и наполняется Божественным светом и восходит в царство небесное.

Если богословы об этом и говорят в очень «гладких» книгах, то в церковной жизни Востока и Запада это почти выветрилось, это не составляет двигателя церковной жизни. Недавно, в конфликте, который произошел не здесь у нас, а в России, из-за одного письма, все сразу возопили, что от всего надо охранять церковь. И церковь может стать идолом, и для охраны церкви можно предать огонь христианский. Когда начинают жить земными идеалами и их называют небесными и христианскими, то то небо, которое мы должны были бы представлять, мы, верующие, на этой земле, то небо, которое мы должны были бы воочию являть в наших земных цивилизациях, это небо кажется очень маленькое и даже, может быть, не очень нужное. Тогда понимаешь этого цивилизованного человека, который такой веры, собственно, и не хочет. Она ему совсем не нужна. Цивилизация спустилась вниз и вера спустилась вниз, и встречаются они на каком-то низком уровне, и там даже готовы примириться и друг другу больше не мешать, и в сущности установить общий календарь, общий порядок. Что мы собственно сделаем? Мы сделаем то-то, то-то и то-то... мы освободим, я не знаю, какую-нибудь страну где-нибудь... потом еще что-нибудь сделаем, потом мы добьёмся того, что все на земле будут сыты, но только никогда не спрашивайте, для чего это нужно в конечном итоге... Куда все это идёт, где всему этому конец? Тут мы экуменически сговорились не тревожить друг друга. Не будем тревожить неверующего каким-то «неотмирным» Царством Божиим, не будем тревожить верующего тем же царством Божиим, вообще не будем никого тревожить. А тут, мы спрашиваем: «Может ли верить цивилизованный человек?» Но, может, не стоит ему верить? Зачем ему советовать, такие вещи? Так же в этой цивилизации, в конечном итоге, на-

ходим мы такое количество настоящего разложения человечности, что, может быть, и не стоит особенно стремиться к тому, чтобы верующий стал цивилизованным?

Всё это деструктивная часть моего доклада, в том отношении, что мне кажется, что эти старые, ещё от 19-го века унаследованные категории в общем не применимы к нашей теперешней ситуации. Речь идет о том, чтобы, во-первых, прочитать изнутри цивилизацию, понять что в ней совершается; во-вторых, чтобы почувствовать снова, понять снова, если еще не сердцем, то хотя бы умом, что приблизительно за последние две тысячи лет означает, или должно было бы означать — верить, ибо совсем не всякая вера хороша, не всякая религия хороша, совсем не всё, что религиозно, обязательно хорошо. Надо почувствовать, что произвело христианство, какой замысел дало оно цивилизации тем, что обновило и изменило глубочайшим образом изнутри понятие веры. И поэтому, надо ставить вопрос сегодня не столько о том, можно ли верить, а как веришь, во что веришь? Я бы назвал содержание подлинной веры, и ради Бога не понимайте меня неправильно, я бы назвал содержание этой веры — православием. Но сказавши это, я сразу оговорю, что я имею в виду не обязательно сумму тех эмпирических явлений, черт — которые составляют православие. Лично я считаю, что православная церковь глубочайшим образом больна на всех уровнях своей жизни. Всякий православный триумфализм мне абсолютно чужд.

Недавно мы переживали Страстную и Пасху, когда поется «Да молчит всякая плоть человеческая, да стоит со страхом и трепетом и ничтоже земное в себе помышляет». В эти дни сам Бог и человек во Христе, сама тварь в этом таинстве воплощения, воскресения и пятидесятницы прославленная, входит в нас.

Нужно, чтобы снова засиял этот высокий замысел, надо, чтобы снова человек не книжно, а всей своей жизнью, всей своей радостью сказал: вот призвание человека и мира: — богообщение, радость, мир и праведность в Духе Святом. Это и только это составляет смысл и глубину человеческой жизни.

Такого верующего и ищет в сущности цивилизованный человек. Эта цивилизация не могла до конца забыть из какого источника она выросла. Даже в её отречении есть какой-то суд над той половинчатой верой, которую мы, верующие, представляем в мире.

Не будем слушать тех мрачных христианских апокалиптиков, которые зовут нас в несуществующие пустыни и высчитывают дату второго пришествия Христа.

Не будем идти за теми, которые предлагают красить внешность Церкви в цвета этого мира. Какой сейчас цвет, зеленый? В зеленый крась! Красненький? В красненький покрасимся!

Очень может быть, что в той волне модернизма, которая сейчас разливается в мире, очень скоро придет новая мода, мода консерватизма. Поэтому надо идти не к будущему и не к прошлому, ибо в том, что было, интересно только одно: «И Слово бысть плоть», а в том, что будет, важно только одно: «И паки грядущего со славою судити живых и мертвых». Всё остальное между этим прошлым и будущим, в сущности говоря, тот образ мира, который проходит. Но если углубить нашу веру, то волей неволей мы снова сослужим ту службу, которую только и может сослужить вера цивилизации — надстроить тот недостающий этаж — «горе имеем сердца», которого сейчас так ей недостает. Человечество после христианства уже не может удовлетвориться никакой законченной цивилизацией, никакой системой ценностей, ибо теперь она разлагается уже не снизу, а сверху. И мы христиане должны были бы стоять у этого выхода на небо, ибо так и апостол называет нас: «братья, и святые, участники в небесном звании».

Вот определение верующего человека — «участник в небесном звании!»

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

ПРИЗЫВ К ЧИТАТЕЛЯМ

1972 был для **Вестника** годом успеха. Было издано три книжки насчитывающие в общей сложности 958 страниц убористого текста. Отклики читателей и рецензентов (за редчайшими исключениями) были необычайно благоприятны. Однако это усилие стоило не малых денег и год закончился дефицитом, несмотря на помощь полученную от разных католических, протестантских и православных организаций. Было израсходовано на типографию, бумагу, отправку и чтение корректуры **95.785** франков, а собрано в виде подписок и пожертвований **83.804** франка (общий бюджет как русского, так и французского **Вестника**). Образовавшийся дефицит **Вестник** должен будет в этом году возместить Движению, что неизбежно отразится на объеме журнала. При чем бюджет **Вестника** сведен к минимуму: издание осуществляется преимущественно добровольным трудом. Ни редакторы ни сотрудники не получают ни малейшего вознаграждения. Корректоры оплачиваются по нижайшим ставкам. Заведующие подпиской и экспедицией работают, кто добровольно, кто за счет секретариата **Вестника.**

Поэтому мы смело обращаемся к читателям, подписчикам и всем нашим друзьям с призывом о помощи. Не забывайте вносить подписную плату, по возможности, с целью поддержки. Привлекайте новых подписчиков. Кто может, пусть найдет жертвователей, согласных помочь нашему изданию.

Вестник нужен на Западе православным людям, как единственный орган религиозного возрождения, нужен он — более широко — и всем тем, кто интересуется духовной культурой и судьбами России (ряд иностранных журналов широко пользуются материалами **Вестника**).

Вестник нужен и в России, где, как нам сообщают, «его ждут с нетерпением, зачитывают до дыр, спорят, обсуждают».

Поддержите **Вестник !!**

Редакционная коллегия

№ 107 I-1973

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От Редакции — О будущем Всеправославном Соборе — Н. С. . . 3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

О Духе Святом — еп. Георгий (Вагнер) 5

Таинство собрания — прот. А. Шмеман 15

Из литургических заметок — свящ. С. Желудков 29

Станем сообща готовить Собор — Оливье Клеман 42

Главное противопоставление — А. Игнатьев 64

Письма братьев-епископов из ссылки 72

Развернутый иероглиф — игумен Геннадий (Эйкалович) 91

Самосохранение или самоуничтожение — В. С. Яновский 113

ХРИСТИАНСТВО НА ЗАПАДЕ

Шарль Пэги: (к столетию с дня рождения — Отрывки из мистерий в переводе Л. Зандер) 117

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Благообразие — В. Вейдле 127

Неизданные стихи — М. Волошин 140

СУДЬБЫ РОССИИ

Ответ С. Телегину — П. Зарницын 153

Кризис ленинизма — Н. Зернов 160

Ответ "Науке и Религии" — Движенец 166

Крестный путь преосвящ. Афанасия (Сахарова) 170

"Дело Слуцкого, Фурмана, Гуревича и других" 212

ХРОНИКА

Весенний съезд РСХД 241

"Можно ли быть верующим, быв цивилизованным" — запись доклада прот. А. Шмемана 245

Призыв к читателям 253

N° 107 I-1973

SOMMAIRE

Pages

Le futur Concile Pan-Orthodoxe — N.S. 3

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

Du Saint Esprit — Evêque Georges Wagner (Paris) 5

Le sacrement de l'assemblée — A. Schmemann (New York) 15

Notes liturgiques — S. Jeloudkov (Pskov) 29

Préparons ensemble le Concile — Olivier Clément (Paris) 42

La grande confrontation — A. Ignatiev (U.R.S.S.) 64

Lettres de deux frères, évêques en exil (U.R.S.S. 72

Un hiéroglyphe déployé — Gennady Eïkalovitch (Vienne) 91

Autoconservation ou Autodestruction — V. Ianovski (U.S.A.) .. 113

CHRISTIANISME EN OCCIDENT

Charles Péguy — Morceaux choisis traduits par L. Zander 117

LITTERATURE ET VIE

Le « blagoobrasié » dans la littérature russe — W. Weidlé 127

Poésies inédites — Maximillien Volochine 140

LES DESTINEES DE LA RUSSIE

Réponse à S. Téléguine (U.R.S.S.) 153

La crise du léninisme — N. Zernov (Oxford) 160

Réponse à « Science et Religion » — Un membre de l'A.C.E.R. (Paris) 166

Le chemin de croix de Mgr Athanase Sakharov (U.R.S.S.) 170

« L'affaire Sloutski » (U.R.S.S.) 212

Le congrès de printemps de l'A.C.E.R. 241

« Peut-on être croyant lorsqu'on est un homme civilisé ? » — Notes prises à la conférence du P. Schmemann 245

Appel aux lecteurs 253

LES ÉDITEURS RÉUNIS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris
Téléphone : ODE. 74-46 et ODE. 43-81
Compte Chèques Postaux : Paris 13313-73

	Фр.
АФАНАСЬЕВ прот. Н. — Церковь Духа Святого	27,00
АНТОНИЙ митр. — Учение Церкви о Святом Духе	10,00
КАРТАШЕВ А. В. — На Путях к Вселенскому Собору	10,00
КАРТАШЕВ А. В. — Вселенские Соборы. Стр. 800	45,00
ЖЕЛУДКОВ о. С. — Почему и я христианин (с предисловием о. А. Шмемана) . Стр. 324, 1973.	28,20
УДЕЛОВ Ф. И. — Об о. Павле Флоренском. 1972.	18,00
ФРАНК С. Л. — Духовные основы общества	30,00
ФРАНК С. Л. — По ту сторону правого и левого мышления. Сборник статей. 1972, стр. 240.	24,00
ШАФАРЕВИЧ И. — Законодательство о религии в СССР. 1973.	12,00
ШМЕМАН о. А. — Исторический путь православия.	20,00
ШМЕМАН о. А. — Церковь и церковное устройство.	10,00
ВЕЙДЛЕ В. — О поэтах и поэзии (Блок. Мандельштам. Ходасевич. Ахматова. Цветаева. Брюсов. Пастернак.	20,00
ВОЛОШИН Максимилиан — Пути России. Стихи	12,80
СОЛЖЕНИЦЫН А. — Матронин двор. Один день Ивана Денисовича. (Новое издание — окончательный текст автора), стр. 161.	15,00
ЦВЕТАЕВА Марина — Неизданные письма. 1973, стр. 651 ..	60,00

Переиздания редких книг:

БОЛОТОВ В. В. — Лекции по истории древней церкви. (Период Вселенских Соборов). Стр. 600	72,00
СМИРНОВ П. С. — История русского раскола старообрядчества	48,00
СПАССКИЙ проф. А. — История догматич. движений в эпоху Вселенских Соборов. Стр. 648.	48,00
РОЗАНОВ В. В. — Около церковных стен. В 2-х томах. ..	168,00
ПОЛНЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ БОГОСЛОВСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ в 2-х томах	329,00

CONTACTS. Revue Française de l'Orthodoxie, trimestriel № 81.	8,00
CLEMENT O. — Dialogues avec le Patriarche Athénagoras	29,00
CLEMENT O. — Questions sur l'homme	25,00

Каталог 1973 г. высылается бесплатно

ВЕСТНИК

Русского Студенческого Христианского Движения

XXXVII-й год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Австралии: — M. Solovey, « Our word ». P.O. Box 178, Potts point, N.S.W. 2111 Sydney, Australie.
— Mrs B. Szobovits, 11 Dianden ave., Marden. West Australie.

В Америке: Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, U.S.A.

San Francisco: Mrs Olga Raevsky-Hughes, 1418, 24th Ave. San Francisco, Calif., 94122, U.S.A.

В Англии: The Centre for the study of religion and communism. 34 Lubbock Road, Chislehurst, Kent BR7 5JJ.
Подписная плата на год: 2,5 фунта ст., с целью поддержки — 5 фунтов ст.

В Бельгии: **Подписная плата на год: 500 бельг. фр.,** с целью поддержки — 1.000 бельг. фр.
Просим подписчиков вносить плату прямо на почтовый счет A.C.E.R. Paris C.C.P. 2441-04, либо банковским чеком на имя A.C.E.R.

В Германии: **Подписная плата на год: 40 герм. м.,** с целью поддержки — 100 герм. м.
Просим плату посылать непосредственно во Францию банковским переводом.

В Швеции: Prost S. Timtchenko. — Box. 19027, Stockholm, 19, Suède.
Подписная плата на год: 50 шведских крон, с целью поддержки — 100 швед. кр.

Directeur responsable: Nikita STRUVE.

Tous droits de traduction réservés.